

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

О жизни и творчестве художника Томаса Гейнсборо
читайте на стр. 66

Замечательные современники

<i>Андрей Колобаев</i>	Путешественник в будущее 4
<i>Георгий Кричевский</i>	Сто лиц Инны Чуриковой 78

Это интересно

<i>Алла Зубкова</i>	Баронесса Мура27
<i>Юрий Осипов</i>	«Белый папуас» с Берега Маклая40

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Гейнсборо и Джеймс Кристи 66
---------------------	---

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	С.П. Боткин. Лучший диагност России 94
--------------------------------	---

Литературные страницы МСПС

<i>Светлана Савицкая</i>	Часы без стрелки 14
	Волга 22
<i>Иван Переверзин</i>	Постижение любви 110

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	Убить остров 136
---------------------	-------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

«Радуга».
Фотоэтюд Натальи Кумуковой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8000

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.06.2016

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Судьба этой женщины столь необычайна и фантастична, что поистине достойна сюжета самой удивительной сказки из «Тысячи и одной ночи».

Неграмотная служанка и прачка, происхождение которой до сих пор точно и не выяснено историками, делается сначала фавориткой, а позже и женой Великого Петра. Ради нее он изменяет Устав о наследовании престола. Екатерина становится коронованной императрицей, а после смерти Петра — первой женщиной-правительницей на троне. Этот прецедент предопределил ход истории России почти до самого XVIII столетия, которое стало веком правления женщин. Не будь Екатерины I, вряд ли возможно было царствование Елизаветы I, а затем и Екатерины II...

Алла **Зубкова** «Подруга Великого Петра»

« Фамилия Бестужев-Рюмин известна всем, кто хоть как-то интересовался историей России. Но, к сожалению, тут же начинают говорить о декабристах, к которым герои этого эссе имеют весьма отдаленное отношение. Вообще-то род был древний, упоминание о первом его представителе — Гаврииле Бестужеве — датируется XV веком, сын его Яков получил прозвище «Рюма», а внук Матвей служил при дворе Ивана III и ездил послом от царя в Орду. К 1699 году восемнадцать Бестужевых уже владели огромными имениями, четверо были стольниками Петра, один — патриаршим стольником. А политикой стал заниматься лишь один из Бестужевых — Петр Михайлович.

Светлана **Бестужева-Лада** «Род Бестужевых-Рюминых»

« Как явление литературы — Набоков неповторим. Как многогранная человеческая личность — абсолютно уникален. Он был ни на кого не похож и любил подчеркивать, что «родился в один день с Шекспиром и через сто лет после Пушкина», обозначая тем самым свою высокую принадлежность к литературе. При этом пояснял: «моя голова говорит по-английски, сердце — по-русски, а ухо — по-французски».

Юрий **Осипов** «Одиночество и свобода Владимира Набокова»

« Когда произносишь слова «человек-оркестр», одним из немногих, полностью соответствующим этому определению, сразу вспоминается Олег Павлович Табаков, которому подвластны любые амплуа и жанры. Яркий театральный режиссер и признанный во всем мире театральный педагог, воспитавший целую плеяду известных мастеров сцены и экрана и почти на голом месте основавший популярный театр. Наконец, просто мудрый и веселый человек, умеющий доверительно говорить о самом важном в жизни и творчестве.

Георгий **Кричевский** «Непредсказуемый Олег Табаков»

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В БУДУЩЕЕ

Профессор Принстонского университета Ричард Готт в своей книге «Путешествие во времени во Вселенной Эйнштейна» назвал имя первого в мире путешественника в будущее: это российский космонавт Сергей Авдеев. Готт подсчитал, что впервые именно Авдеев (около двух лет находившийся на станции «Мир», крутившейся над Землей со скоростью 8 километров в секунду) оказался в будущем примерно... на 1/50 секунды! Кстати, еще недавно ему принадлежал и абсолютный рекорд по общей продолжительности пребывания в космосе — 747 суток 14 часов 14 минут (в сумме за три полета). Но, как говорится, ничто не вечно под луной — сейчас мировой рекорд принадлежит другому россиянину — Сергею Крикалеву. Причем этот факт Сергея Васильевича нисколько не расстраивает — сегодня он живет будущим космоса и больше переживает за российскую космическую отрасль.

★ «Я ВНИЗ ПОСМОТРЕЛ... ЕКСЕЛЬ! А ВНИЗУ— АФРИКА!» ★

— Сергей Васильевич, давайте начнем наш разговор с экскурсии в прошлое. Как вы попали в отряд космонавтов?

— После окончания в 1979 году МИФИ я получил специальность в области экспериментальной ядерной физики и распределился в НПО «Энергия». Наше подразделение занималось спутниками. И вот однажды я совершенно случайно узнал, что внутри нашего объединения есть отдел под названием «291», он же «отряд космонавтов». А я-то думал, что все они живут в Звездном городке... Поинтересовался: можно ли туда перевестись? «Проблем нет, пиши заявление».

— Наверняка проходили сложнейший отбор?

— Естественно. Он проходил в несколько этапов, начиная с изуче-

ния и проверки анкеты кандидата и заканчивая углубленным медицинским обследованием. Для инженеров еще устраивается технический экзамен. В итоге все решается на заседании Главной межведомственной комиссии, куда приходят все — медики, ученые, ракетчики, конструктора, военные... Я все это проходил от и до.

— Интересно, сейчас, в 21 веке, изменилась процедура отбора?

— Знаете, сейчас я познакомился с другими процедурами — из опыта Европейского космического Агентства и Кореи, например. Они мне больше нравятся. В первую очередь, открытостью. В той же Корее объявляется по всей стране набор, причем, участвовать может абсолютно любой желающий. Первый

этап — забег на 10–20 километров. Из примерно 20 тысяч отбирают человек двести... В конце концов (после 5–6 этапов отбора), остаются два кандидата на одно место. На мой взгляд, очень интересно, открыто — никаких тебе грифов «совершенно секретно».

— Вы десять раз выходили в открытый космос, вас даже прозвали «космическим долгожителем». Нам, простым землянам, трудно понять, что такое космос. Какие ощущения были перед первым выходом?

— Точно такой же вопрос я задал во время своего третьего полета командиру экипажа Геннадия Ивановичу Падалке, у которого это был первый полет. Мы уже два месяца летали, освоились внутри станции. И тут — его выход. Геннадий потом делился впечатлениями: «Открывается крышка люка выходного отсека. Я вниз посмотрел... Эксель! А пола-то нет! Внизу — Африка!!» То есть выход в открытый космос — это совершенно другое, нежели работа внутри корабля. Правда, когда выходишь (неважно, впервые или в третий раз), космонавту настолько много нужно успеть сделать во время этого выхода, что эмоциональное восприятие окружающего притупляется. Пашешь всю несколько часов, и нет даже мысли «исследовать» свои ощущения. И только потом себя ловишь на мысли: ты же реально в открытом

пространстве! Ощущения невероятные!

— Чисто технически как это выглядит? Космонавт держится руками за какие-то хитрые приспособления?

— По-разному. Раньше мы обязательно держались за специальные поручни и два фала — две веревки с крючками, которые крепишь за поручни, как тебе нужно.

— Алексей Архипович Леонов рассказывал о такой нештатной ситуации во время его первого выхода в открытый космос: из-за раздувшегося скафандра он не мог зайти обратно в корабль. По его словам, если бы ему это не удалось, последовала бы команда его «отрезать».

— Такая ситуация не должна была возникнуть в том полете. Но скафандр был не доработан, и когда он вдруг раздулся, специалисты Леонову посоветовали: постараться уменьшить давление внутри. Мол, за счет этого уменьшится его размер, он станет более мягким. В критический момент он воспользовался этим советом, и трагедии удалось избежать. А что касается «отрезать»... Лично я не верю в вероятность такого решения. Мое мнение: технические правила не должны превалировать над моралью. Железо есть железо, а люди есть люди.

— В третьем полете вы летали больше года. Как подбирается команда космонавтов, чтобы они выдержали испытание на совместимость?

— Да, замкнутое пространство — непростая штука, к друзьям не убежишь чайку попить... И вопрос совместимости стоит очень серьезно. Поэтому тесты на способность человека адаптироваться к разным коллективам, к разным характерам других людей проводятся еще на этапе отбора. А дальше проверяется уже точно: насколько совместимы конкретно эти четверо в одном экипаже.

— Бывали случаи несовместимости?

— И не раз. На эту тему есть несколько ярких примеров. Был случай, когда психологи предупреждали: «В этом составе экипаж из этих трех человек психологически напряжен. Лучше кое-кого заменить...» К ним не прислушались. В результате на самой крайней тренировке (то есть за неделю-две до старта), когда 20–30 специалистов наблюдают за тем, как экипаж справляется с модельными нештатными ситуациями, члены экипажа чуть не передрались... Результат: основной экипаж в полном составе был снят с полета, вместо них полетели дублиеры. Другой случай произошел в экипаже,

Впервые Сергей Васильевич Авдеев отправился в космос 27 июля 1992 года в качестве бортинженера корабля «Союз ТМ-15» и околоземного комплекса «Мир» по программе ЭО-12 вместе с А.Я. Соловьевым и М. Тонини (Франция). В полете Авдеев выполнил четыре выхода в открытый космос. Полет продлился 188 суток.

М. Тонини, А.Я. Соловьев, С.В. Авдеев (справа)

который «летел» на Марс, в эксперименте, проводимом институтом медико-биологических проблем. Я в нем не участвовал, но знаю, что в результате инцидента назревал международный скандал.

— Вопрос, который задают всем космонавтам, и который, естественно, волнует всех. Лично вы, проведя больше двух лет на орбите, что-нибудь супернеобычное, необъяснимое, сверхъестественное видели?

— Необъяснимое и непонятное? Конечно, видел, и не раз! Во время одного из полетов был такой случай. Вижу: «висит» явно материальный предмет, чуть сверкает, переворачивается. Правда, за несколько секунд точно понять, что это та-

кое, невозможно, но то, что объект летающий — факт! Я заснял его на видео, отправил запись в Центр управления полетом. Прошло несколько лет. Однажды смотрю по телевизору передачу о колдунах, экстрасенсах и всевозможных необычных явлениях. Вдруг показывают «НЛО» и сопровождают комментарием: «Вот этот неопознанный летающий объект был зафиксирован таким-то экипажем». На картинке — моя видеозапись.

— И что же это могло быть?

— Да что угодно! Например, капельки не до конца сгоревшего топлива от двигателя станции. Между прочим, этот «тест на НЛО» частенько проверяют на новичках-космонавтах. Показываешь эти капли

жидкости, и многие из них считают, что это НЛО. Влет!

А что касается «необычного», то в космосе масса необъяснимого — и оптических явлений, которые мы обсуждаем на научных конференциях, и пока не можем однозначно объяснить, и много еще чего. На эту тему есть еще один любопытный случай. Перед первым моим полетом мы парились в бане с Виталием Ивановичем Севастьяновым. Это такая традиция — попариться в бане перед стартом. И Виталий Иванович мне рассказал, например, такую историю их своей жизни... В те времена, когда он летал, специальный куратор из ЦК КПСС постоянно дежурил в Центре управления полетами (ЦУПе). Закончился полет его экипажа, они, как обычно, отчитались и уехали на реабилитацию в санаторий. Вдруг звонок: «Срочно всем экипажем возвращайтесь в Москву. Самолет за вами уже выслали!» Прилетели, приходят на «ковер» и слышат: «Что же это вы, товарищи космонавты, от нас скрыли ЧП?» Включают магнитофонную запись переговоров с экипажем, который летает после них. А там: «Уважаемый ЦУП, мы долго сомневались... Но сейчас сомнений нет: вокруг нашей станции летают десять штук НЛО. Явно шпионят за нами! Только мы в тень — и они в тень. Только мы на свет — и они на свет. Каждый день прилетает новый! Что делать?» Виталий Иванович это послушал и говорит: «Про-

сто ребята перед стартом не успели ознакомиться с нашим отчетом. Это мусорные ведра летают вокруг станции! Мы каждый день набиваем ведро мусора и отстреливаем. Оно какое-то время рядом летает, а на следующий день еще одно появляется...»

— Сергей Васильевич, не раз приходилось видеть первые минуты после приземления экипажа, как космонавтов из капсулы чуть ли не на руках выносят... Почему? Уже сил никаких не остается?

— Остается, но очень мало. Хотя на станции мы два раза в день по часу занимаемся физкультурой... Причина в том, что за время полета вымывается кальций, страдают сосуды, мышцы, уменьшается желудок, разбалансируется вестибуляр-

ный аппарат и так далее. То есть наш организм сначала приспособляется к невесомости, а после приземления понемножечку начинает опять приспособливаться и к земной гравитации.

— И сколько нужно времени на полное восстановление?

— Приблизительно — сколько летаешь, столько же надо на реабилитацию.

— Если так, получается, что о полетах на сверхдальние расстояния можно забыть. Человеческий ресурс ограничен, и организм просто не сможет выдержать нескольких лет полета. Или я ошибаюсь?

— Достаточно весомый ответ на этот вопрос был получен конкретно во время полета экипажа того же Виталия Ивановича Севастьянова, когда они летали не на станции, а на космическом корабле около месяца-двух, без тренажеров, и возвращались вообще никакие. Сейчас,

благодаря тренажерам, космонавты через год полетов чувствуют себя намного лучше, чем они тогда.

— Какие тренажеры на корабле в невесомости?

— Беговая дорожка, велоэргометр и эспандеры. Притягиваешь себя резинками к полу и бежишь по дорожке.

— Когда летает международный экипаж, у каждого космонавта свое задание, или задача перед всем экипажем, независимо от его национальной принадлежности?

— По-разному. Там есть и общие работы, и те, что заданы космическим Агентством — конкретно своему космонавту. А также и интернациональные работы. Например, когда мы летали с Томасом Райтером, у него была программа от Европейского космического Агентства. Но некоторые эксперименты мы проводили вместе. В том числе втроем — с Юрием Павловичем Гидзенко.

КОГДА ПОЛЕТИМ НА МАРС

— Насколько я знаю, даже после ухода из «Энергии» вы работаете на благо космонавтики. Чем конкретно вы сейчас занимаетесь?

— Одно время работал как научный и технический консультант по пилотируемой космонавтике в раз-

личных проектах — с японцами, итальянцами...

— Многие специалисты говорят о том, что, несмотря на недавние успехи, российская космонавтика все равно почти умерла, по крайней мере, лет на 40–50...

— Еще не умерла, но умирает. В этой связи сразу вспоминается один анекдот, грубый, как все медицинские, но близкий к истине. Санитар везет на каталке пациента. Тот спрашивает: «Куда меня везешь?» «В морг!» «Да ты что, я же еще живой». «Доктор сказал «в морг», зна-

чит, в морг!» То есть наша космонавтика жива, и нас «в морг» еще везти рано. Но если ничего не предпринимать, то окажется там неизбежно. Для того, чтобы реализовать какой-то проект, энтузиазма недостаточно — нужна плановая программа. С другой стороны, на тему

эффективности вложений в космическую деятельность могу привести пример Канады. Там, судя по докладам на конференциях, из вложенного миллиарда условных единиц к концу года получают четыре. Это к вопросу о том, выгодно или не выгодно заниматься космосом. Вопрос — как заниматься?

— Я слышал о таких российских проектах, как полет на Марс. Кстати, как вы относитесь к таким полетам?

— Помню, я однажды выступал в колонии строгого режима для несовершеннолетних преступников, в Сибири. Холодное помещение, люди в фуфайках сидят, в валенках,

в ушанках. Автоматчики по углам. Я на сцене — в костюме, при галстукe, звезду надел. Рассказываю им о том, что мы делаем в космосе. Гробовое молчание. Есть ли вопросы? Молчание. А потом кто-то с дальних рядов спрашивает: «Скажите, пожалуйста, а полетим ли мы на Марс, и когда?» То есть несовершеннолетний человек, сидящий в тюрьме строгого режима, интересуется тем же вопросом, который вы мне сейчас задаете... Сейчас действительно активно обсуждается тема полета на Марс. Но! Почему на Марс, а, к примеру, не на Сатурн? Кто полетит? И кто будет подобные программы реализовывать? Я недавно был в Канаде и узнал шокирующие факты: примерно 90 процентов работающих на канадское космическое Агентство и конкретно на их робот-манипулятор-«руку» — русские специалисты. Их пригласили, заплатили нормальные деньги, на которые не стыдно было бы прожить в той же самой Канаде.

Поймите, если сейчас ничего кардинального не предпринимать, то скоро в России будут просто смотреть и завидовать американцам и их успехам в космосе... Между прочим, на одном из недавних конгрессов был доклад американцев об их «новом перспективном проекте». Американцы не скрывали, что в его основе — проект Советского Союза 60-х годов прошлого века под нашим названием «Заря». Они добыли наши чертежи, и теперь доводят его до ума. Глядишь, через пять лет он будет реализован.

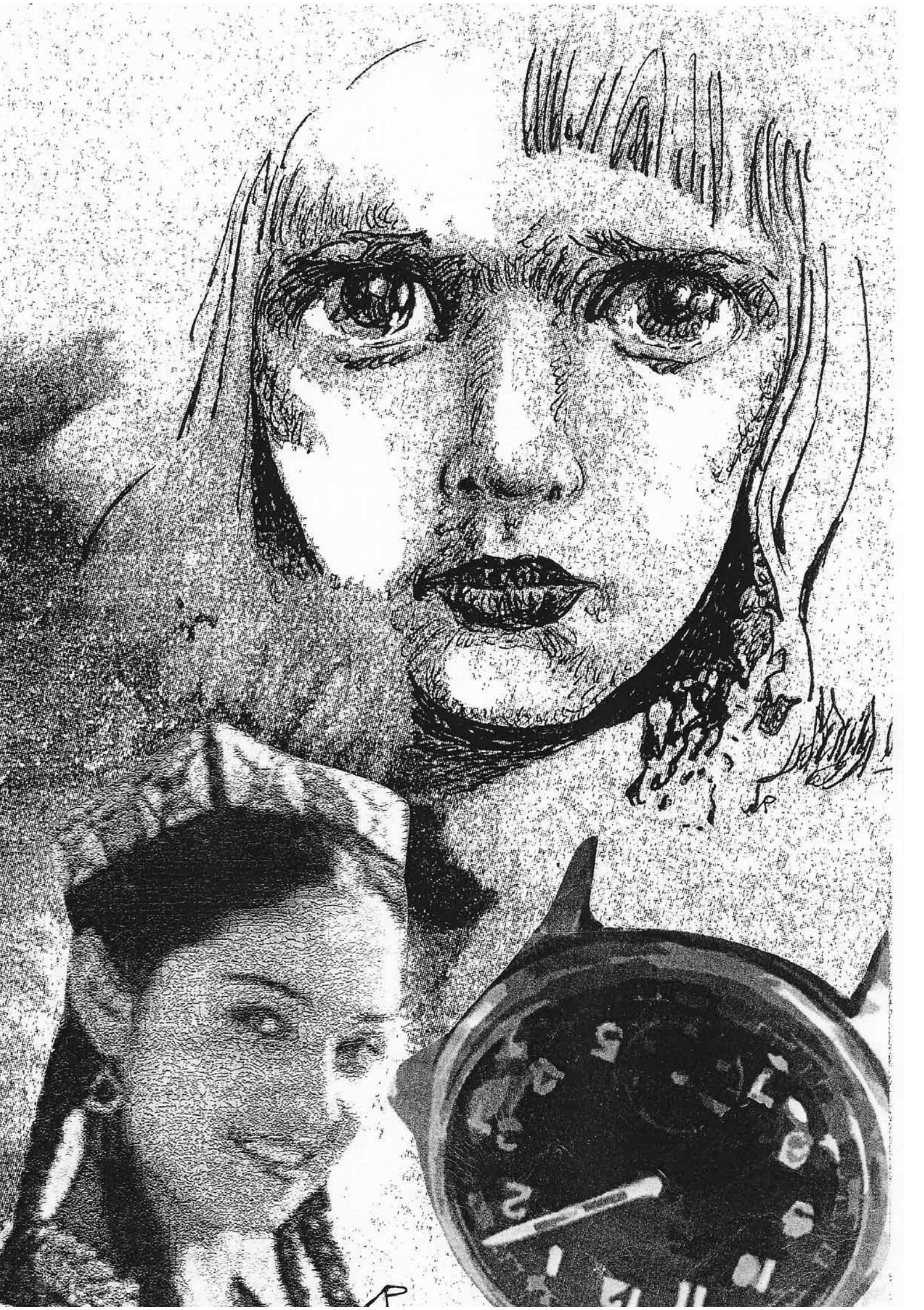
— Когда недавно вошел в моду космический туризм, было много надежд на заработанные от него деньги. Почему сейчас никто не летает?

— Почему же? Туристы летают. Но, во-первых, это не те деньги, на которые можно содержать государственную космическую отрасль. А, во-вторых, сегодня негосударственные компании сделали свою ракету, которая, кстати говоря, уже совершила полубаллистический полет. В ближайшие годы они планируют совершить несколько витков вокруг Земли. Для этого создаются не только ракеты, но и космический аппарат. То есть теперь космические туристы будут летать уже на своей собственной технике. В ближайших планах у них есть даже построение собственной орбитальной станции, которую можно будет использовать либо как гостиницу, либо как павильон для киносъемки.

— Если так дело пойдет, не за горами времена, когда землянам в космосе будет тесно...

— Не исключено. Сейчас в мире огромное количество различной техники делается — и в Европе, и в Японии, и в Америке. Это не один «Мир», «Союз» или «Шаттл», как раньше. Вполне возможно, что скоро в космосе, как и на Земле, человек сможет выбирать: условно говоря, на космическом «мерседесе» ему лететь или на «Запорожце»... □

Беседовал **Андрей Колобаев**

ЧАСЫ

без стрелки

Ни два, ни три: сотни залпов, следующих один за другим, превращали райские сады в ад, порядок в хаос, а жизнь — в смерть! Грета забилась под письменный стол, по которому прыгала массивная промокашка. Чернильница упала первой, оставив на полу пятно темно-фиолетовой крови. За нею об пол ударились часы. Стрелка отскочила и провалилась меж половиц — не достать.

— Майн Гот! — вскричал из коридора раненый отец.

— Фатер! — Грета хотела броситься на крик раненого, но снаряд, случайно попавший в здание медсанчасти немцев, разрушил крышу. Стены рухнули. Немецкий порядок, выстроенный на захваченной территории, поддерживаемый армией, техникой, финансами Европы и монументальным строительством Его Величества Мировой войны, казался теперь хрупким картонным домиком, разрушенным гневом русской Земли. Земля не принимала ни этого порядка, ни отца Греты, ни саму Грету. Девочка лихорадочно схватила остановившиеся часы, точно хотела спасти счастливое время побед, прижала к себе. Послушала — да где там! Только вой и грохот. Грохот и вой.

Раненые немцы, молясь в исступлении, падали на колени, закрывая уши, проклиная день, когда они сунулись на территорию Советского Союза. Против них было применено секретное оружие — бесствольные системы полевой реактивной артиллерии, названные позже «Катюшей». Да. Так злобствовать могла только женщина! Ведьма, у которой отняли счастье...

Грета долго не вылезала из-под стола. После гибели матери от случайной инфекционной болезни (а ведь ее мог спасти простой фельдшер!), она увязалась с отцом, пытаясь быть хорошей санитаркой, но и предположить не могла, что война — это так страшно!

Дальше она ничего не помнила из этого кошмара. Только, как двое солдат подошли к столу и что-то стали спрашивать.

— Найн! Найн! — отбивалась она, пряча за спину часы.

— Немка, что ли? — спросил один другого.

— Похоже на то...

Дрожащую и всхлипывающую, ее доставили в штаб. Офицер Кузьминцев по телефону докладывал обстановку. Несмотря на жару, Грету колотило так, что стучали зубы.

— Имя? Дайн наме?

— Грета. Грета Вайс.

— В детдом поедешь, девонька. Ты уж прости, никого из твоих не осталось. Вставай, пошли!

Грета поняла скорее по жесту, чем по словам, слово «вставай», решила, что ее сейчас расстреляют, закрыла лицо одной ручонкой, а второй прижала часы к стучащему сердчишку и покорно поднялась. Черные лаковые тифельки жалобно скрипнули. По телу пробежала судорога. Ноги занемели...

Документы оформили быстро. Потом были пыльные машины. И конвой. И другие «дети войны»: русские, немецкие, украинские, еврейские, белорусские, замызганные, несчастные, заплаканные, потерявшие родителей — разные.

Их перевозили из пункта в пункт. «Голопузая голодная шантрапа» все чаще повторяла, как заклинание или молитву: «Ташкент — город хлебный».

Потом был еще один приемник. Просто пустая комната без мебели. С грязным полом. Детей распределяли по семьям. Только немку никто не хотел брать к себе в дом. Пока ее не «рекомендовали» насильно.

— Вах! — возвела руки к небу Зухра. — За что Аллах прогневался на меня, несчастную? Как же мне ее содержать? И на что? — причитала дородная полная узбечка, ведя за собою Грету по ухабистой разбитой центральной улице, вздымая пыль, точно разъяренная кобылица, и соседи кивали, сочувствуя ей. — Вай-вай! Да что скажет мой отец Абдурашид, раб мудрого?! Да что скажет мой свекор Абдурахман, раб Милостивого?! Да что скажет мой брат Абдула, раб Аллаха?! Да что скажет на это мой первенец, Абдурахим, раб Милосердного?! Немка в доме!

Из постройки, больше похожей на барак, составленной из саманных кирпичей и «тысячу лет назад» беленой известью, а теперь облупившейся так, что по углам торчали куски коровьих засушенных лепешек, аппетитно пахло узбекским хлебом — абенонами.

— Фатима! — позвала Зухра дочь, подходя к дому. — Выйди, глянь, кого я тебе веду. Сестра будет! Нур (свет) очей наших. Грета называется.

К ним выбежала шустрая девчоночка небольшого росточка. Она немного косолапила, видимо, от нехватки витаминов.

— Грета? А что это у тебя в руках? — спросила девочка.

Грета протянула часы без стрелки.

— А-а-а, — сказала Фатима. — А ты кушать будешь?

Грета снова протянула часы. Но Фатима, отрицательно покачав головкой — зачем ей мужские испорченные часы, — не отставала:

— А ты песни петь умеешь?

— Она немка, русский, узбекский не понимает, — сказала Зухра, поправляя платок. И обращаясь к новоиспеченной дочери, строго добавила: — Грета!

— Я, майне фрау!

— Мама, просто мама. Повтори. Мама! — перебила ее Фатима.

— Я, мама!

— Ты — не мама, она — мама!

— Она — мама!

— Молодец! — похвалила девочка, потрянув сотней черных блестящих косичек. Глазки ее сверкнули азиатским неподдельным блеском, на щеках проявились очаровательные ямочки. Фатима улыбнулась белоснежными зубами, одобрительно хлопнула Грету по плечу и показала на саманную постройку: — Дом! Повтори. Дом!

— Хаус? — переспросила Грета.

— Хаос — это когда бардак. А в доме люди живут. Это Дом!

— Гут. Дом!

Зухра сбросила башмаки, показывая, что в дом, как и в мечеть, надо заходить по-мусульмански, босиком. Грета скинула с себя невыносимо жмущую лаковую обувь, из которой она давно выросла, но которую нечем было заменить, и с облегчением вздохнула.

— Ух, ты! Какие туфельки! — восхищенно произнесла Фатима, присела перед ними, стерла пальчиками пыль с черного лака.

— Дас ист айн гешенк (это подарок)! — разрешила Грета их примерить.

Фатима вопросительно взглянула на мать. Обе понимали, о чем говорит приемыш.

Зухра намочила полотенце, протерла смуглые ножки Фатимы и позволила примерить иностранную обновку.

Лаковые туфельки оказались чуть великоваты. Но девочка так обрадовалась новой обуви, в которой не стыдно будет ходить в школу, что радостно чмокнула Грету в щеку и обняла ее.

— Меряй! — выставила перед Гретой свои старые туфли на маленьком каблучке Зухра. — Твои будут, значит.

Грета блаженно просунула в них обе ножки — туфли оказались как раз по ее ноге — и тоже улыбнулась:

— Данке!

Зухра тем временем подала белокурой немке платье из национального пестрого атласа, выкрашенного под узор северного сияния, отломилась часть лепешки, налила в пиалу чай и строго продолжила нравоучение:

— Кто келди (пришел), тот турдым (остался). То, что ты немка, лучше не говорить! По-немецки не говорить! Повтори! Не говорить!

— Не говорить!

— Да. Не говорить. По-русски или по-узбекски можно. Повтори. Можно.

— Можно.

— Молодец. Ну что? Добро пожаловать! Обживайся! — Зухра показала широким жестом на двор, сад и постройки: — Чем богаты, тем и примем. Раз послал тебя Аллах, оим гуль (моя красавица, мой прекрасный цветок), грех пренебрегать волею Всевышнего.

После обеда Грета внимательно осмотрела двор: листья и пыль, веточки и лохмотья, грязные чаны, ворох белья, замоченного в треснутом по краям черном дубовом корыте...

Скорее всего, она решила, что попала в рабство, и полученный хлеб должна отработать. Она робко взяла метлу, спросив Фатиму:

— Я?

— Бери, — позволила та.

Привести двор в порядок не составило большого труда. После этого она принялась за замоченное в тазу белье.

Зухра выглянула во двор и, приятно удивившись, возвела глаза к небу:

— Вах!

Прошел месяц. Девочки очень сдружились между собой. Фатима заплетала раз в неделю Грете из ее белокурой ангельской шевелюры множество узбекских косичек, водружала на макушку тюбетейку, чтобы голову не пекло, и рисовала углем сросшиеся брови. Грета благодарила ее по-узбекски: «Вах! Оим гуль!», повторяя жесты мамы Зухры, охотно включалась во всю грязную домашнюю работу. Научилась готовить узбекский плов и печь лепешки на открытом огне в плоской широкой сковородке. Их саманная хибара стала преображаться на глазах.

А еще девочки вместе ходили купаться в арык. Вместе вычесывали над разложенным белым вафельным полотенцем вшей мелким гребешком. А осенью пошли в школу.

— Я не буду учить немецкий! — кричал Мансур, друг и сосед Фатимы. — Моего отца фашисты убили! А ты че уставилась, фашистская морда? — обернувшись на Грету, вопил пацан. — Думаешь, брови нарисовала, так я тебя за это уважать начну? Было тебе плохо на своей неметчине, белобрыса поросятина? Что ты к нам приперлась? Было тебе плохо?

Фатима выростала, как из-под земли, и шипела, чуть ли не по-змеиному:

— Еще раз обзовешь мою сестру — укушу!

Зухра же всем сердцем прирастала к приемной дочке. Пыталась не нагружать тяжелыми работами. И относилась даже мягче, чем к Фатиме, которую время от времени и за косу дернуть могла, и отругать как следует.

— Религия — опиум для народа! Бога нет. Аллаха нет! Пишите, так Ленин сказал, — диктовал учитель.

Грета, незаметно для всех, сняла с себя крохотный католический крестик и написала в тетрадке по-русски: «Бога нет!» А подумала по-немецки: «Конечно, учитель прав, Бога нет, раз он так жестоко забрал моих родителей! И мою Родину!»

Фатима заметила жест сестры и тоже сняла с себя полумесяц, вывела слова учителя на русском в своей тетрадке и задумалась: «Аллаха точно нет, раз поверг землю в засуху, забрал на войну лучших мужчин и столкнул лбами народы! Даже человек не сделал бы такого зверства. А Бог — как бы он позволил принести миру столь страданий, если бы он был? Мне? Грете? Мансуру? Матушке Зухре?..»

Однажды в воскресный день Фатима потащила Грету в заброшенные сады. Там когда-то давно жили басмачи. Их раскулачили, а сады остались. Девочки взяли с собою сетки для смокв (инжира).

Проникнув за изгородь в палисадник, они принялись радостно собирать перезревшие теплые плоды с веток. Фатима залезла на дерево и стала трясти его, чтобы фрукты попадали. Грета ловко ловила их, не позволяя разбиваться кляксами о землю.

Из-за разрушенной стены вдруг раздался свист. Пять или шесть босоногих мальчишек разного возраста, видать, тоже облюбовали это место для воскресной «охоты».

— Ага! Попались, воровки! Щас мы вам косы повыдергаем!

Они стали пихать Грету, пока она, не удержавшись на ногах, не опрокинулась в колючий кустарник. Тюбетейка слетела, косички рассыпались по плечам, застряли в ветках.

Фатима, спрыгнув с дерева, буквально рассвирепела от ярости:

— Не тронь мою сестру! В лоб дам! — Она схватила колючую ветку акации и самоотверженно принялась бить ею парней. Не успели обидчики опомниться, как названные сестры, спасая добычу, бросились наутек...

Голодное время войны закончилось голодным мирным временем.

Девушки поехали учиться в Ташкент.

— Вах! Как мне пережить это? — причитала Зухра, провожая их.

Фатима училась в педагогическом, но учеба давалась ей с трудом, а Грета пошла в медицинский и была отличницей. Но обе получали от государства стипендию и кое-как перебивались в общежитиях. Подрабатывали, кто где: Фатима — на рынке, Грета — в больнице медсестрой.

Жили они с тех пор порознь.

Но на каникулы Грета, которую теперь звали Рита, приезжала в узбекское село, как к себе домой, ведь оно действительно стало ее родным домом.

— Вах! — радостно восклицала Зухра, завидев издали легкую походку голубоглазой дочки. — Да куда ж мне столько обнов? Милая! Добрая оим гуль! Аллах послал мне тебя на покойную старость!

Фатима, как узнавала, что приехала сестричка, тут же бросала все и торопилась к матери.

Они пели под старыми чинарами длинные протяжные узбекские песни до звездной ночи. Слушали рассказы Зухры о том, как высоко в горах пасет овец дед Абдурашид, какой сыр необычайно желтый и жирный недавно привез свекор Абдурахман, как идет торговля на рынке у дяди Абдулы, и до чего обнаглела невестка Зухры, жена Абдурахима — не поздравила с именинами внучатую племянницу из Бешкека Лейлу!

А потом обе, и Фатима, и Грета, приехали на похороны Зухры.

Фатима осталась в селе работать учительницей, а Грета уехала в Москву. Они писали друг другу письма, сначала часто, потом все реже и реже.

У обеих образовались семьи. Дети. Внуки.

Шли годы. Фатима расплела десятки тонких косичек и скрутила волосы на затылке в тяжелый узел смоляных волос, а Грета совсем их состригла под мальчишку, чтобы легче было носить хирургический колпак. Но, отдалившись друг от друга, сестры в душе так и оставались озорными девчонками, слившимися в единую семью военным временем.

Стой, читатель! Еще не все. Было маленькое продолжение, длиною в две переплетенных жизни!

Прошло много лет. Перестройка открыла границы. Грета Вайс нашла через Интернет своих бабушек и дедушек, которые приняли ее в Кельне, оставив хорошее наследство.

Союз распался. Узбекистан отошел от России. А Фатима, бедная учительница Фатима, долго не имела возможности приобрести компьютер. Сыновья кое-как, «с хлеба на квас», перебивались гастарбайтерами в Московской области. Иногда высылали деньги. Но чаще сами нуждались в помощи бедной старушки Фатимы.

Наконец ее внук как-то зашел в Интернет.

— Грету! Ищи мою Грету! Грету Вайс. Она должна была бы жить в Кельне.

— Да вот она твоя Грета, ба, — ответил смысленый внук. — Она?

— Она! — с жадностью впивалась глазами в монитор Фатима.

Названные сестры беседовали по скайпу не долго.

— Приезжай, я сказала, насовсем приезжай. С визой проблем не будет, у меня знакомства есть, — твердила Грета, хромая речью с четким немецким акцентом, подзабывшая и русский, и узбекский, и приводила тысячу правильных умных доводов в необходимости переезда.

Фатима все никак не решалась. Но в один прекрасный день все-таки подхватила юношеский ташкентский чемоданчик, накрепко перетянула, чтобы воры не залезли — ведь в нем куча подарков для Греты: узбекский

мед и конская колбаса и лепешки! А главное, она везла реликвии — те самые немецкие часы, пару национальных узбекских платьев с характерным рисунком из китайского полиэстера, их детские фотографии.

Поезд постукивал через всю Россию, а потом через Европу.

— О! Аллах! — причитала узбечка, отхлебывая сладкий чай и разжевывая золотыми зубами лепешки. На ее черной загорелой шее подрагивал от трепетного ожидания серебряный мусульманский полумесяц. — Я еду в Германию! Да что скажет мой покойный дед Абдурашид, раб Мудрого?! Да что скажет мой другой дед Абдурахман, раб Милостивого?! Да что скажет мой дядя Абдула, раб Аллаха?! Да что скажет на это мой брат, Абдурахим, раб Милосердного?! Я еду в Германию!

Достопочтенный Кельн чопорно принимал поезд. Раскрасневшаяся от волнения Фатима старалась поскорее выйти на перрон, пыхтя и толкаясь. За стеклянным куполом современного здания вокзала угадывался легендарный Кельнский собор. Немцы, встречающие поезд, удивленно посматривали на чуть косолапую азиатку с черным загорелым лицом, в цветастом несуразном платке, пытающуюся оглядываться по сторонам и одновременно тащить в руках, а не на тележке, как принято у всех цивилизованных немцев, не первой свежести допотопный чемоданчик, обмотанный убогим резиновым ремешком с алюминиевой пряжкой. Наверное, во всей Германии не нашлось бы столь бедной бомжихи!

И там, в самом дальнем конце не разглядела, а угадала Фатима по походке названую сестру. Грета, с большими голубыми глазами, полными любви и слез, быстро шла наперерез, ловко просачиваясь сквозь толпу. Вся ее внешность говорила Фатиме: «Ты теперь дома! Теперь все будет стабильно! Ты забудешь трудности и проблемы. Твои прекрасные ямочки, утонувшие в морщинах, снова будут беззаботно улыбаться, как в детстве! Ты дома!»

Фрау Грета Вайс была одета по последней европейской моде дам балетного возраста. Ее стройное тело облегал аккуратный кашемировый костюмчик молочного цвета с глубоким вырезом, в который элегантно вписывался католический золотой крестик. Светлые вьющиеся волосы острижены и уложены в салоне. Безупречный маникюр на ухоженных ногтях, на все еще стройных ногах — белые туфельки из натуральной кожи...

Женщины сблизилась. Резко остановились посередине перрона, не обращая внимания на проходящих мимо людей. Руки у Фатимы от нахлынувшей радости разжались, и чемодан с лопнувшей пряжкой рухнул наземь. Разлетелись во все стороны круги домашней колбасы, звонко ударились о перрон, выложенный кафелем, часы без стрелки, но сестры ничего не видели. Такие разные, они вдруг совершенно одинаково возвели руки к небу и одновременно воскликнули:

— Вах! Оим гуль!

ВОЛГА

Запах берегового песка растревожил отчаянную радость птиц. Они загалдели, защебетали, зацвиркали. Егорка, оглушенный дружным гомоном, спустился с кручи вслед за дубами, кажущимися теперь богатырскими конями, свесившими гривы до самых льдин и скованными ими. Тела дубов цепко держались за откосы копытами «корней», проваливаясь в лопнувших за ночь желудях и прелых листьях. Ковер тот, по-царски красивый, щедро был выткан еще осенью, потом сваялся от ураганных ветров, потерял форму и воздушность, утрамбованный зимними гребенками тяжелых снегов, которые на этом южном склоне то накапливались, то подтаивали, стекая вниз.

Богатырские кони-дубы пили влагу ветвями и корнями, всем своим видом показывая, как им хотелось втянуть в себя всю необъятную ширь еще спящей подо льдом могучей русской реки.

У берегов в стекле ломаного льда задержались кристаллы ершистых льдин и нарубленные течением почти правильные квадраты торосов. Егорка присел на согретый солнцем взгорок у трех берез и стал смотреть, как урчат и ходят друг за другом сизари.

— Дед баню затопил! Айда париться! — донесся голос матери.

От этого крика взметнулись птицы к реке, потом обратно к берегу, проворчав что-то невнятное. Сделав круг по-над льдистым лоскутным одеялом последних зимников, разбудили рыбу, вильнувшую в глубине громадным хвостом. Тут в середине реки что-то хрустнуло, как хрустит на первом солнце желудь, выпуская ус могучего дуба.

От взгорья Волга казалась огромной змеею, что дернулась, желая сбросить холодную шкуру. Пошел сильный треск и шум. Шире распахнули бело-желтые ресницы прибрежные ивняки, чтобы не пропустить чего-то чрезвычайно важного.

Лед тронулся, выворачивая космы деревьев, увлекая за собою громадные комья лежалого песка вместе с травой, обнажая кости крупных белых камней.

— Пошла, Волга! Пошла, матушка! — услышал Егорка за спиной бас деда Спиридона. — Париться-то пойдешь?

— А то! — подскочил Егорка, еще раз обернулся на реку, да подхватился за дедом к баньке.

Спиридон Елисеевич парил ребятишек своего многочисленного семейства всегда отдельно. Собирал граблями старческих рук, точно совком для болотных ягод, гурьбу, приманивал да приручал к сладкому банному плену липовым медом или квасом на ржаных сухарях.

В предбаннике уже проворно скидывали рубашонки долговязый Андрейка, внук Прова, брата Спиридона, не вернувшегося с Отечественной, конопатый Мишка и его брат-погодок белесый Димка, внуки дочери Спиридона, трое одинаково подстриженных «под горшок» Юдиных отпрысков — Лешка, Сенька и Тимур, худых и легких, тоже оставшихся без мужеской опеки, потому как Павел, старший из внуков Спиридона и их батька, ушел под лед.

С остальными внуками, внучками и правнуками дед не мог справиться, потому как их количество давно превышало число пальцев на руках и ногах. А вот над обездоленными держал шефство исправно.

Седьмой безотцовщиной был в семействе Егорка, причем наполовину. Взвоят, бывало, мать, да закроет рот платком. И почему нет третий год Станислава, его отца, никто в деревне не знал. Письма приходили редко, никакой полезной информации для деревенских не принося. Чаше шли денежные переводы. Егорка и забыл, как отец выглядит.

А Спиридон жалел мальчика больше всех, и, незаметно для себя, рука его как-то сама подкладывала лучший кусок Егорке.

Шантрапа разоблачалась быстро, без лишних капризов растворялась за мелодичными таинственными дверями парилки.

Спиридон заходил последним, закинув пару-тройку похожих на чертей сучковатых дубовых черных корешков, чтобы жар шел медленно и мощно.

Мелюзга умно рассаживалась на нижние ярусы, на верхний полоч обычно отваживались залезть лишь Андрейка да Егорка.

Чтобы отрезать путь к отступлению, дед затворял дверь на верхний шпингалет, до коего и сам-то с трудом дотягивался.

Температура росла. Ребятишки терпеливо сопели. А дед, брызнув ковшиком на каменку и напустив белесого пара, невероятно кучерявился, белая борода распушалась, а космы и брови точно вырастали вдвое.

Эдакий Дед Мороз, только голый, брал в каждую руку по березовому венику, и начинал гонять пар, точно махал богатырскими палицами. А под эти размахивания лились-струились нескончаемые истории о Гражданской войне.

Истории заканчивались всегда одинаково:

— А на тебе! А получай! Буржуй-кровосос!

Тут березовые листья обоих веников, доставая жар сверху, обрушивали его волнами вниз на спины мальчишек. Мелюзга, исполняя роль белогвардейцев в этой игре, начинала вопить, уворачиваясь от Спиридона. Причем первым становился пунцовым рыжий Мишка, а его родной брат в полосе света от единого крошечного оконца больше походил на светленький

репей. Адской температуры он не выдерживал, первым подскакивал к двери и подпрыгивал, пытаясь открыть шпингалет. Куда там!

К тому же дед шибко не любил «ренегатов-отступников» и никогда не упускал случая тут же протянуть Димку веником вдоль спины. Другой рукою Спиридон парил, как взрослых, Андрейку с Егоркой, а остальных уже, как получится.

И лишь когда самый мелкий из Юдиных, Тимурка, начинал пищать:

— Все! Деда! Выпушай! Воды! — он торжественно поворачивал окаянный шпингалет, и ребятишки мигом оказывались в банном помещении побольше, где бабы уже до краев приготовили для обливания громадную кедровую бочку с ледяной водой из Волги.

Спиридон обливал всех по очереди. Мальчишки выдерживали процедуру закаливания до визжащей дрожи и снова бежали в парилку.

Дед быстро обливал себя последним и басил командным голосом:

— Эй, кто там из баб? Воды давай!

И снова звякал шпингалет. И новый пар. И новые рассказы. Только теперь о Финской, которую дед тоже прошел героем.

И странно. Вроде все это было ребятишками слышано-переслышано. Но снова раздаётся:

— А на тебе! А получай! Раскудрит твою через коромысло!

Теперь по ребячьим телам ходят липовые веники. Распаренные в бадье цветики разлетаются победным салютом. Запах идет неземной!

Вздыхают размякшие бревна банного сруба. Пар пронзает писк Тимурки:

— Деда! Отвори шпингалет! Выпусти к бочке!

Перепаренный до одури Андрейка не выдерживает, пытается сам повернуть щеколду, но, весь уделанный добрыми шлепками, опускается на приступке у дверей, закрыв голову.

Спиридон, рассмотрев равномерную красноту тел, точно Мишкина пунцовость разом растворилась в братьях, как в одном, выпускает, наконец, вместе с паром ребятишек. Второй раз разрешено кваску хлебнуть.

— Ох! Хорошо! — встречает поток ледяной воды Егорка.

— А то! Дед знает, что почем! — ухмыляется Спиридон. — Следующий! Гуртом! Гуртом вставайте! — выливает он бочку на головы ребятишек. — В парилку — ать-два!

Как ни хороши рассказы о Гражданской и Финской, а Отечественная ближе по времени, и нет ни одной семьи на Волге, которая не потеряла бы кормильца.

Слушают ребятишки, затаив дыхание, о лютых немцах, о храбрых русских, о смекалке деда Спиридона!

И вместо воплей о спасительном отступлении к кедровой бочке Тимурка, собрав рученьки на груди, просит:

— Еще! Дед! Еще расскажи!

— Так вот еще раз в баню пойдешь, и расскажу!

Теперь в ход идут исключительно веники взрослые, распаренные, дубовые, распространяя аромат русской мощи.

Егор еле терпит. На полочку стекает пот.

Ему почему-то становится нестерпимо обидно за отца. Уехал он, оставив мать, Егора, Волгу... И не рассказал о службе своей, как это другие отцы делают. Вот дед Спиридон кряхтит, пыхтит, один за тех, кто не вернулся в деревню, отдувается, ведет воспитание. А ведь осталось-то всего несколько лет! И уйдет Егорка в армию, и столько подвигов совершит, прямо как дед Спиридон — на одну баню не хватит!

— Че задумался? Водой окатить? — выводит его из оцепенения дед.

Это Егорка уже на автопилоте дошел до бочки и стоит последним в ожидании ледяного душа...

Самовар уже накачен. Но женщин не видно. Дед сам раздает ребятишкам маковые калачи в своей резной расписной беседке. И каждому — дубовую розеточку с липовым медом!

А чай! Что это за чай! В нем листочки смородины и веточки вишни, бадан, мята, букет разного перца, молоко.

А мед! Что за мед! Липовый, белесо-желтый, точно сладкое весеннее солнце пролило в розетки слезы счастья!

А маковые калачи...

Егорка не пошел домой, как его двоюродные и троюродные братья. Краем глаза зацепил мать, притулившуюся у забора с письмом в руке.

— Что городские пишут? — спросил Спиридон.

— Спрашивают, жду ли, хотят вернуться.

— Ну? И? — занервничал дед, требуя быстрого решения.

— Убью паразита! Чисто убью!

— Это правильно. Убей, — тихо качнул головою дед, — однако не шибко. Пусть сначала крышу поправит...

Егорка весело сбегал к реке поделиться с богатырскими конями своими чудесной новостью. За ним подышать вольницей двигался Спиридон.

Рокот военного вертолета остановил обоих. На более или менее ровной площадке береговой насыпи машина села. Люди в зимнем камуфляже достали из нее цинковый гроб. Как из-под земли, подле выросла мать, прочла на гробе бирку и осела на песок в бессловесном обмороке.

Раздался выстрел прощания. Всполошилась деревня. Не прошло и пяти минут, как у вертолета собрались взрослые и дети, во главе с председателем.

«Груз 200» из Афгана так и лежал у реки, пока военные передавали какие-то бумаги председателю, а потом еще пять коробочек с орденами «За храбрость».

— Это что? Мой отец? — вскинул на Спиридона испуганные глаза Егорка.

Дед виновато кивнул и отвернул лицо к Волге.

Вертолет взлетел. Мать открыла рот и завывала, да так низко, долго и больно, что вытерпеть этот звук не могли ни вода, ни земля, ни небо. Она выла без слез, покачиваясь, глядя на то, что нельзя было вскрывать, собранное по кускам. Стало тоскливо и холодно. Всей деревне холодно. Даже лед на сплаве остановился. Вечерним заморозком сковало пространство меж больших льдин. Народ быстро разошелся по избам, приняв решение завтра заняться похоронами и не заносить гроб в деревню.

И тут Егор увидел приближающуюся с того берега точку. Он еще не понимал, что так завораживало в движениях этой черной точки через ледяное пространство. Поперек переливающейся шкуры гигантской уснувшей змеи прыгал человек.

— Славка! — закричала мать, тоже не отрывая глаз, полных надежды, от приближающейся точки. — Это же мой Славка! Только он так по льду мог! Только он! Гляди, дед Спиридон, глянь-ка, Егорка! Это же Славка, отец твой к нам бежит. Эээх!

И она, прыгнув на первую льдину, оказавшуюся рядом, погнала навстречу.

— Раскудрит твою через коромысло! — всплеснул руками Спиридон.

Он и рад бы тоже побежать, да куда ему, старому! Лишь мальчонку взял за руку, чтобы тот не дернулся на такой рискованный шаг.

— Так, значит, мой папка там, на льдине, а не в гробу? — на всякий случай уточнил Егор.

— Выходит, ошибка случилась. На войне это сплошь и рядом, помнится, в Отечественную на меня аж три раза «похоронки» приходили, а баба моя каждый раз не верила, и вот... — затаил дед новую историю.

Тем временем мать и отец исступленно бежали навстречу друг другу, и где-то на середине Волги встретились. Обнялись и так, в обнимку пошли к Егорке. Старый и малый удивлялись, как нестабильный лоскутный лед держит обоих, как их бережет судьба!

Глядя на это зрелище, замерли птицы. Затаились рыбы. Остановилось, одним глазком взглянуть, заходящее солнце, и не исчезало, пока сумасшедшие от счастья люди, кажущиеся мелкими муравьями на широких льдинах стихии, не ступили на твердую землю.

— Удивительный день! — подумал Егорка.

— Потрясающая весна! — воскликнул Славка, поднимая сынишку на руки.

— Интересный год! — почесал в затылке Спиридон.

«Занятная жизнь у этих людей», — проводили долгим взглядом дубы удаляющиеся фигуры.

А Волга, чудом приостановившая ледоход, уже мечтала, как она, сделав полный виток по планете, снова вернется в эти места, ведь именно здесь она сегодня была счастлива. □

Жизнь этой незаурядной женщины вместила очень многое. В свое время Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф Будберг блистала в самых фешенебельных салонах Москвы, Петербурга, Берлина, Лондона и считалась одной из умнейших женщин своего времени. Ее любили такие непохожие друг на друга мужчины, как британский разведчик Роберт Брюс Локкарт и два больших писателя — Максим Горький и Герберт Уэллс.

Баронесса Мура

Алла Зубкова

Локкарт восторженно отзывался о ней в «Мемуарах британского агента». Горький посвятил ей свое главное произведение — последний роман «Жизнь Клима Самгина», а на его рабочем столе постоянно находился слепок ее «идеально изящной руки». Уэллс долгие годы безуспешно добивался ее согласия на официальный брак с ним. Она свободно владела пятью европейскими языками, и ее перу принадлежит немало переводов произведений известных авторов. Многие в судьбе этой женщины покрыты флером тайны. Ее считали двойным агентом, работавшим на Англию, Россию и Германию. Эта женщина сама создала о себе легенду и в течение всей своей жизни растила ее, расцветчивала и укрепляла, в то же время тщательно запутывая реальный ход событий и человеческих контактов.

Мария Игнатьевна Закревская, Мура, как называли ее родные, а потом все друзья и знакомые, появилась на свет в 1892 году в семье черниговского помещика и судебного деятеля Игнатия Платоновича Закревского. Со временем тот перевез своих домочадцев в Санкт-Петербург, где поступил на службу в Сенат и дослужился до должности обер-прокурора Первого департамента. У Закревских было четверо детей, Мура — самая младшая. Семья была дворянская, вполне почтенная, но Муре, с ее неуемной фантазией и немалым честолюбием, этого казалось недостаточно, и она позднее утверждала, что является праправнучкой графини А.Ф. Закревской, жены московского губернатора, которой Пушкин и Вяземский посвящали стихи. К этой линии Закревских предки Муры никакого отношения не имели, но подавляющее большинство Муриных знакомых свято верили в ее графское происхождение.

Она получила хорошее домашнее образование, затем окончила институт. Потом ее послали учиться в Англию в Кембридж, но не в университет, как она утверждала, а в женскую школу усовершенствования английского языка Ньюхэм, где она проучилась зиму. Шел 1911 год. Ее сводный брат Платон служил в русском посольстве в Лондоне. В доме посла Мура встречалась с огромным количеством людей из лондонского высшего света, с финансовы-

ми магнатами, знаменитостями из мира литературы и искусства, среди которых был и заметивший ее Герберт Уэллс. Там же ей был представлен молодой британский дипломат Роберт Брюс Локкарт, начинавший свою карьеру в английском консульстве в Москве. Мурой увлекся и секретарь русского посольства в Лондоне И.А. Бенкендорф, и вскоре она вышла за него замуж. Через год тот был переведен в Германию, и они переехали в Берлин.

Жизнь в немецкой столице обещала быть беззаботной и приятной. На первом же придворном балу в Потсдамском дворце Мура дважды танцевала с кайзером Вильгельмом. У Бенкендорфа были родовые земли в Эстонии, которая тогда именовалась Эстляндией. Он повез молодую жену сначала в Петербург, а потом в Ревель, полный родственниками, титулованными и не титулованными. Сам Иван Александрович титула не имел, но это не мешало Муре именовать себя графиней Бенкендорф. Их первый ребенок, названный Павлом, родился в 1913 году, а в августе 1914-го Бенкендорфам пришлось покинуть Берлин: началась Первая мировая война.

На следующий год у них родилась дочка Таня. Мура выкармливала малышей сама. Три военных года пришли в заботах о детях. Одновременно она работала в госпитале, где дамы высшего света ухаживали за ранеными. После Февральской революции 1917 года вся семья

вместе с гувернанткой-англичанкой, покинув столицу, отправилась в свое эстляндское имение. Через некоторое время, устав от жизни в деревенской глуши, Мура отправилась в Петроград, решив спасти квартиру и узнать на месте, можно ли будет устроиться там с детьми. Вскоре после ее отъезда мужики из соседней деревни зверски убили Бенкендорфа и подожгли усадьбу. Дети с гувернанткой Мисси чудом спаслись и укрылись у соседей.

нией. Заключение Брестского мира он, разумеется, помешать не смог, зато встретил здесь едва ли не самую большую любовь своей жизни.

«Ее жизнеспособность, быть может, связанная с ее жизненным здоровьем, была невероятна и поражала всех, с кем она общалась. Ее жизнь, мир были там, где находились люди ей дорогие, а жизненная философия делала ее хозяйкой собственной судьбы. Она была аристократкой. Она могла быть и ком-

У

Закревских было четверо детей, Мура — самая младшая. Семья была дворянская, вполне почтенная, но Муре, с ее неумной фантазией и немалым честолюбием, этого казалось недостаточно, и она позднее утверждала, что является праправнучкой графини А.Ф. Закревской, жены московского губернатора, которой Пушкин и Вяземский посвящали стихи. И хотя предки Муры никакого отношения к этой линии Закревских не имели, многие знакомые Муры верили в ее графское происхождение

Муру скоро выселили из питерской квартиры — туда въехал Комитет бедноты. К счастью, ей удалось найти приют у старого знакомого. За поддержкой и пропитанием она отправилась в английское посольство — там еще работали люди, которые помнили ее по Лондону. Там же она встретила Роберта Брюса Локкарта, британского агента, присланного в Россию с целью воспрепятствовать заключению сепаратного мира между Россией и Герма-

мунисткой. Но никогда не могла быть мещанкой», — писал Локкарт позднее.

Очень скоро они страстно влюбились друг в друга. На обоих обрушилось недозволенное в жестокой революционной России счастье. Оба стали друг для друга центром вселенной. Мура уехала с Локкартом в Москву, и они стали жить вместе. В воспоминаниях коменданта Кремля Малькова, арестовавшего в сентябре 1918 года и Локкарта, и Муру

*С мужем —
Иваном
Бенкендорфом*

(имя британского агента было связано с так называемым «заговором послов»), она названа «некой Мурой, сожительницей Локкарта, которую нашли в его спальне».

В ВЧК Мурой заинтересовался Я. Петерс, которого в то время считали правой рукой Дзержинского. Тогда ли произошла вербовка Муры, или официальной вербовки вообще

не было, теперь уже не известно никому. После освобождения Локкарт покинул Россию, и Муре разрешили проводить его на вокзал. Прощаясь, они были уверены, что никогда больше друг друга не увидят.

Для Муры начиналась новая глава ее жизни. Она решила отправиться в Петроград. Там, как она знала, жил К.И. Чуковский, она познакомилась

с ним еще во время войны в русско-английском обществе, которое он возглавлял. Чуковский мог достать ей работу, связанную с переводами. Опыта в этой сфере у Муры не было никакого, но в своих силах и возможностях она никогда не сомневалась. Кстати, в русском языке Мура всегда проскальзывал легкий английский акцент, который, возможно, она сама намеренно культивировала. Многие находили эту особенность ее речи очаровательной.

Чуковский, сотрудничавший с А.М. Горьким в созданном им издательстве «Всемирная литература», представил ее великому писателю. Обитателям огромной горьковской квартиры на Кронверкском проспекте Мура очень понравилась. Многочисленные комнаты всегда были полны гостями и сотрудниками издательства, которые нередко оставались у гостеприимного хозяина на ночь. Но больше всего она понравилась самому Горькому, который умел ценить женскую красоту и обаяние. Мура приходила на Кронверкский все чаще, а вскоре и совсем переселилась туда. Уже через неделю после своего переезда она оказалась совершенно необходимой в доме. О переводе художественных произведений ей, правда, пришлось пока позабыть. Но дел у нее и без того хватало. Она прочитывала утром получаемые Горьким письма, раскладывала по папкам его рукописи, готовила все для его дневной работы. На старом разби-

том «Ундервуде» она печатала для него письма на Запад, письма, в которых он взывал о помощи голодающим русским ученым. Вскоре ей пришлось также взять в свои руки надзор над прислугой и вообще упорядочить домашние дела. Сын Горького, Максим, приехав из Москвы и заметив в квартире перемены к лучшему, сострил: «Появился завхоз, и прекратился бесхоз».

У Горького с Мурой почти с самого начала установились своеобразные интимно-игривые отношения. Она шуточно била его по рукам. Он будто бы всерьез ужасался: *«Нет, вы посмотрите, как же ужасно она дерется!»* Но при этом отношения их отличались безупречной корректностью: они всегда были на «вы» и обращались друг к другу по имени-отчеству.

В октябре 1920 года жизнь горьковской квартиры на Кронверкском проспекте забурлила с новой силой. В Петроград приехал давнишний знакомый Алексея Максимовича, английский писатель Герберт Уэллс. Они познакомились в 1906 году в США и стали переписываться. Их переписка была дружеской и не прерывалась, хотя и не была слишком частой. Разумеется, Горький не мог не предложить старому приятелю остановиться у него.

Каково же было удивление Уэллса, когда в огромной питерской квартире он застал молодую темноглазую женщину, в которой узнал Марию Бенкендорф, знакомую ему еще

по первому визиту в Россию в 1914 году. Тогда он был представлен ей на одном из светских раутов, устроенных родственниками ее мужа. Он помнил ее и до замужества, на балах у русского посла в Лондоне. Сейчас Уэллс увидел ее не в открытом вечернем туалете с бриллиантами, а в скромном платье, и, тем не менее, должен был признать, что Мура не утратила ни своей редкой красоты, ни жизнерадостности — в сочетании с ее природным умом эти качества делали ее поистине неотразимой.

Горький и Уэллс проводили долгие вечера в откровенных беседах. Переводчицей, разумеется, была Мура. Днем она водила Уэллса по Петрограду, показывая достопримечательности северной столицы.

Перед отъездом произошло событие, которое вызвало иронические ухмылки и многозначительные намеки обитателей квартиры, причем происшествие это имело две версии с одинаковым, впрочем, исходом. Согласно первой, ночью Уэллс будто бы вышел из своей комнаты, а когда возвращался, перепутал дверь. Проснувшись, Мура почувствовала, что кто-то стоит у ее постели. Согласно второй версии, Мура будто бы сама пришла к Уэллсу. Рассказывая о начале их любовной связи, она придерживалась первой версии. Уэллс в «Автобиографии» описывал события несколько иначе: *«Я влюбился в нее, стал за ней ухаживать и однажды умолил ее: она бесшумно проскользнула через*

У

Горького с Мурой почти с самого начала их знакомства установились интимно-игривые отношения. Но при этом они отличались безупречной корректностью: оба обращались друг к другу по имени-отчеству и всегда были на «вы»

Бродя с гостем по пустынным улицам, Мура поведала ему горькую историю своей жизни. Особенно тронула Уэллса тема, связанная с разлукой с детьми, и он вызвался помочь — решил возвращаться через Ревель и разыскать ее детей. Их взаимная симпатия довольно быстро переросла в нечто большее. Несмотря на разницу в возрасте (Уэллсу уже шел шестой десяток), их тянуло друг другу и физически.

набитые людьми горьковские апартаменты и оказалась в моих объятиях. Я верил, что она меня любит, верил всему, что она мне говорила. Ни одна женщина никогда так на меня не действовала». Последняя фраза в устах Уэллса, славившегося своими любовными похождениями, дорогого стоит. До Горького, разумеется, дошли слухи об этом событии. Он не знал, верить им или нет, и, тем не менее, мучился ревностью.

По словам Уэллса, Мура пришла на вокзал к поезду, и они попрощались друг с другом: «Дай тебе Бог здоровья!» и «Я никогда тебя не забуду!» Уэллс выполнил данное Муре обещание отыскать ее детей. Дети жили, в общем-то, неплохо под крылом Мисси. Деньги на их содержание давали брат и сестра покойного Бенкендорфа. Однако каким образом Уэллс передал Муре подробности этой встречи, неизвестно, в его

немногих письмах, отправленных Муре после отъезда, упоминания об этом нет.

Жизнь на Кронверкском вернулась в свое русло, но уже шли разговоры о том, что в будущем, 1921 году Горький уедет за границу, туберкулез давал о себе знать, и было понятно, что в России здоровье будет только ухудшаться. Это же говорил и писал ему Ленин. Горький начал подготавливать свой отъезд.

Роберт Гамильтон Брюс Локкарт

Однако Мура не желала ждать. Какие дела, и кто ожидал ее в Ревеле, кроме детей, никто не знал, подробностей ее отъезда из Петрограда в январе 1921 года тоже нет. Зато доподлинно известно, что сразу по приезде в столицу Эстонии Мура была арестована полицией. Ей заявили, что она задержана как советская шпионка. Муре вообще «везло» на подобные обвинения: в окружении Локкарта ее считали агентом британской разведки, а позднее агентом Москвы, в эмиграции в 1930-х годах о ней говорили, как о немецкой шпионке, в 1924 году то же самое о ней писал Я. Петерс.

Муре реально грозила высылка в Петроград, чего она, естественно, не хотела. К счастью, один местный

адвокат, большой поклонник таланта Горького, предложил ей оригинальный выход: выйти замуж. Претендент на ее руку был ей вскоре представлен — барон Николай Будберг, непутевый отпрыск семьи, ведущей свое происхождение от ливонских рыцарей. Картежник и ловелас, он был лишен родителями наследства. Жизнь в Ревеле ему наскучила, и он мечтал переехать в Берлин. Но для этого ему были нужны деньги, и их могла дать Мура. Он же со своей стороны был согласен дать ей свою фамилию и титул. Это обеспечило бы Муре получение эстонского гражданства, а, стало быть, и возможность свободно разъезжать по Европе. Она хотела как можно скорее заключить брак, чтобы успеть встретить Горького в Берлине, куда он собирался выехать. Горький, разумеется, был не в восторге от решения Муры выйти замуж, но признал его разумным и выслал ей крупную сумму денег на расходы. Мура вступила в брак с Будбергом в январе 1922 года. Правда, барон продолжал свой беспутный образ жизни и в Берлине, и она спокойно вздохнула лишь тогда, когда ей удалось отправить его в Аргентину.

Некоторое время Мура провела с Горьким в Германии, а затем вывезла его и всю его семью в Италию. Это произошло уже весной 1924 года. Была снята вилла «Иль Сорито» неподалеку от Сорренто. Мура, как и прежде, выполняла секретарские обязанности, помогая Горькому, и ру-

Мура с Максимом Горьким и Гербертом Уэллсом

ководила всем сложным хозяйством виллы. Тем не менее, она находила время совершать поездки по всей Европе, причем никто не знал, где именно она в данное время находится. Через старых знакомых ей удалось разыскать Локкарта, который работал в банковской сфере, а также сотрудничал в британской прессе, а порой составлял аналитические записки для правительства о положении дел в Восточной и Центральной Европе. Они встретили друг друга с сердечным трепетом, но романтическое пламя любви уже угасло. Тем не менее, они по-прежнему относились друг к другу с безусловным доверием и даже нежностью. Локкарта, как и раньше, восхищала ее интерес ко всему, ее способ-

ность все видеть, слушать и обо всем судить. Благодаря Муре он возобновил свои русские связи в тех центрах, где осели русские эмигранты, и она через Горького была его «каналом» в литературные, театральные и отчасти политические кулисы Советского Союза. Можно ли на этом основании считать Муру агентом или разведчицей? Как смотреть. Возможно, в каком-то смысле сюда больше подходит модный теперь термин «агент влияния». Сама Мура уже в очень преклонном возрасте так высказывалась на этот счет: «... ни на кого я не шпионила. А если не врать — на всех вместе: русским на англичан, англичанам на русских. Нет, не двойной агент, они меня не регистрировали

в своих проклятых бумагах. Я была вольный казак. Я разведчиков ненавидела. Да, да, всю их тайную войну. Они мне жизнь сломали. Была бы я звезда, блистала при дворах, если бы не эти чертовы революции. Я на себя шпионила и никого не предавала ...»

Разумеется, Горький о ее связях с Локкартом не знал. Так же, как не знал о том, что, начиная с 1928 года, Мура во время своих поездок по Европе стала встречаться с Уэллсом. Горький в это время уже работал над четырехтомным романом «Жизнь Клима Самгина», который он посвятил «М.И. Закревской». Алексей Максимович принял твердое решение вернуться в Россию, когда роман будет дописан. Он понимал, как и сама Мура, что окончание романа будет связано с их расставанием: у обоих не было и тени сомнения в том, что она никогда не вернется с ним на родину. Горький несколько раз посещал СССР в конце 20-х начале 30-х годов, но без Муры. Она же часто ездила в Лондон, куда перевезла своих детей, и собиралась окончательно поселиться там после того, как Горький вернется в Москву.

Уэллс теперь понимал, что жизнь Муры с Горьким идет к концу. Знакомые и светские хроникеры все чаще видели их вместе. В 1933 году Мура перебралась в Лондон. Тем не менее, в середине мая, ко времени окончательного отъезда Горького из Сорренто, она успела приехать в

Стамбул проститься с писателем и его домашними, которые на пароходе плыли из Неаполя в Одессу.

За несколько месяцев до отъезда Горький оставил на попечение Муры наиболее ценную часть своего архива — письма к нему политэмигрантов из СССР, а также некоторых оппозиционных партийных деятелей. Известно, что на Муру оказывалось давление с целью заставить ее вернуть горьковский архив в Москву. Она обратилась за советом к Локкарту, и тот порекомендовал ей вернуть архив, так как уверен, что, в противном случае, бумаги у нее заберут силой. Точных данных нет, но, судя по всему, Мура привезла документы в Москву весной или летом 1936 года, когда Горький просил Сталина разрешить ей приехать проститься с ним. Условие Сталина было: привезти архив. В этом случае он гарантировал Муре беспрепятственный выезд из Советского Союза. Существует версия, согласно которой, приехавшую с чемоданом документов Муру на границе ждал специальный вагон, с вокзала она поехала прямо в санаторий, где тогда находился Горький, и там встретилась со Сталиным и Ворошиловым. Сталин выполнил свое обещание: Мура провела некоторое время с умирающим писателем и проводила его в последний путь.

Между тем, отношения Муры с Гербертом Уэллсом развивались своим чередом. Сблизившись с ним, она оказалась в достаточно сложной

ситуации. Дело в том, что многочисленные романы и любовные связи писателя были в Лондоне притчей во языцех. Недостатка в женщинах, желающих разделить с ним досуг, он не испытывал никогда, и при этом был очень разборчив и капризен. Сомерсет Моэм, который часто виделся с ним на юге Франции, где они оба подолгу жили, рассказывал: «Если спутница Уэллса не обладала достаточным интеллектом, она ему быстро надоедала. Впрочем, если она оказывалась содержательным человеком, то все равно рано или поздно ему наскучивала».

Все это вовсе не означает, что Уэллс не был способен на сильное чувство. Правда, счастливиц, которые этого чувства удостоились, набралось за всю его жизнь считанные единицы. Мура попала в их число. Более того, многие годы он сам безуспешно уговаривал ее выйти за него замуж. В октябре 1934 года Бернард Шоу сообщил одной из приятельниц Уэллса, что тот *«хандрит и нервничает... он явно попал под чары Муры»*. А сам Уэллс жаловался друзьям: *«Она проводит со мной время, ест со мной, спит со мной, но не хочет выходить за меня замуж»*.

Однажды Мура пригрозила Уэллсу выброситься из такси, если он будет все время настаивать на их браке. Впрочем, символическую свадьбу они все-таки сыграли. На торжестве в ресторане «Quo Vadis» в лондонском Сохо присутствовали сыновья Уэллса с женами и его близкие

Герберт Джордж Уэллс

друзья. Правда, после окончания застолья Мура во всеуслышание заявила, что это была шутка, и законного бракосочетания ни в настоящем, ни в будущем не предвидится. Тем не менее, она была очень привязана к Уэллсу, хотя, скорее всего, и не так сильно, как он к ней. Уэллс, казалось, смирился с судьбой. Во всяком случае, в своей «Автобиографии», вышедшей в те годы, он писал: *«Наверное, мы с ней никогда окончательно не расстанемся. Между нами существует иррациональное притяжение. Похоже, нам суждено пребывать в этом состоянии свободной связи, подобно двойным звездам, которые обращаются одна вокруг другой, но никогда не сливаются»*.

воедино. Сама наша свобода предотвращает окончательный разрыв».

В тридцатые-сороковые годы Мура много работала в области перевода. Переводила, в основном, с французского (в том числе Ж. Сименона и М. Дрюона), меньше с русского. Русские сюжеты в кино были тогда в большой моде, и Мура, перезнакомившаяся через Локкарта и Уэллса со многими известными режиссерами, начала давать им консультации. Особенно близкие и доверительные отношения установились у нее со знаменитым режиссером Александром Корда, создавшим позднее «Леди Гамильтон». Правда, с лентами на русские сюжеты ему везло меньше. Его «Екатерина Великая» успеха не имела,

и Мура, считавшаяся экспертом в вопросах екатерининской эпохи, фильм этот спасти не смогла. «Анна Каренина» с Вивьен Ли также была значительно слабее одноименной картины с Гретой Гарбо. Тем не менее, авторитет Муры в кинематографических кругах был весьма велик.

Герберт Уэллс скончался в 1946 году, не дожив года до своего восьмидесятилетия. Мура преданно ухаживала за писателем в последние несколько лет его болезни. Основную часть наследства Уэллс разделил между своими сыновьями и Мурой. Доля последней составила около ста тысяч долларов.

В первой половине 60-х годов Мура несколько раз побывала в СССР, встретившись с рядом известных писателей. Шли годы, десятилетия. Теперь Мура была стареющей аристократкой. Увешанная тяжелыми бусами, в длинных широких юбках, она говорила басом, курила крепкие сигары, пересыпала речь непечатными английскими словами и любила «соленые» анекдоты. К тому же много пила и не скрывала, что, для того чтобы нормально «функционировать», ей нужен алкоголь, и всегда держала в сумке флакон с водкой или виски. Порой Мура впадала в состояние слабости и рассеянности. Однажды ее задержала лондонская полиция в одном из универсальных магазинов: она собиралась выйти из него, не заплатив за выбранный товар. Это было припи-

сано ее странной забывчивости, которая находила на нее временами. Так как деньги, оставленные ей Уэллсом, уже подошли к концу, знакомые собрали ей несколько тысяч

режиссеров и еще много кем. «Она могла перепить любого матроса, — говорилось в некрологе. — Среди ее гостей были и кинозвезды, и литературные знаменитости, но бывали

Ш

ли годы, десятилетия. Теперь Мура превратилась в стареющую аристократку. Увешанная тяжелыми бусами, в длинных широких юбках, она говорила басом, курила крепкие сигары, пересыпала речь непечатными английскими словами и любила «соленые» анекдоты. К тому же много пила, всегда держала в сумке флакон с водкой или виски и не скрывала, что ей нужен алкоголь, для того чтобы нормально «функционировать»

фунтов и помогли выйти из трудного положения.

Осенью 1974 года Мура приехала в Италию к сыну, и там через два месяца умерла. Тело перевезли в Лондон. В православной церкви на отпевании в первом ряду стоял французский посол в Лондоне, господин Бомарше, и его супруга, за ними многочисленная английская знать, кое-кто из знати русской, а также дети и внуки Муры. В лондонской «Таймс» был напечатан длинный некролог, в котором воздавалось должное женщине, в течение сорока лет находившейся в центре английской аристократической и интеллектуальной жизни. Мура была писательницей, переводчицей (среди десятков томов было несколько пьес Горького и его рассказы), консультантом кино-

и случайные ничтожества. Она была одинаково добра ко всем... Близким друзьям никто и никогда не сможет заменить ее».

В свое время Мура сумела убедить Локкарта и Уэллса в том, что в ее жилах течет кровь Петра I. По ее версии, сын, родившийся у его дочери, императрицы Елизаветы I, от ее морганатического брака с Алексеем Разумовским, положил начало роду графов Закревских, ее прямых предков. Очевидно, в одном из последних интервью Мура повторила эту историю, и она попала в ее некролог. Что ж, эта красивая легенда стала достойным заключительным аккордом мифа, который Мура создавала всю жизнь. Она до конца оставалась верной себе. И это внушает уважение. □

Юрий
Осипов

«БЕЛЫЙ ПАПУАС»

с Берега Маклая

По семейному преданию, шотландский ландскнехт на службе Речи Посолитой Микаэль Маклай в битве под Желтыми водами попал в плен к запорожским казакам Богдана Хмельницкого, прижился у них и превратился со временем в Миклуху. Исторические источники эту версию

происхождения двойной фамилии выдающегося русского этнографа и путешественника не подтверждают. Биографы ученого дают более убедительное, хоть и куда более прозаичное объяснение.

Обнаружив на Канарских островах новый вид губок, Н.Н. Миклуха по традиции прибавил к их названию сокращенную фамилию первооткрывателя на латыни: Mcl. Из этих трех букв он позднее составил новую фамилию — Macloy, которую и присоединил к исконной. Данная версия имеет психологическое обоснование. Николай Николаевич всегда тяготился незнатностью отца и казацкой фамилией матери. Наполовину полячка, она с трудом добилась, чтобы ее сыновей приписали к потомственному дворянству. А двойные фамилии были весьма характерны для польско-украинских дворянских родов.

Надо заметить, что научная добросовестность и самоотверженность странным образом уживались в Миклухо-Маклае с хлестаковщиной и авантюризмом. Поселившись в Германии, он, по свидетельству современников, не опровергал слухов о своем княжеском достоинстве. Его учитель Эрнст Геккель в частной переписке называл Николая «русским князем». С 70-х годов находясь за пределами Российской империи, тот, для придания себе большей важности, опускал первую, исконную часть своей фамилии, а в Великобритании и в Австралии представлялся «бароном Маклаем» или «де Миклухо-Маклаем».

Оправданием подобного самозванства служит тот факт, что в жестко иерархическом британском и колониальном обществе, с его словесными предрассудками и привилегиями, дворянский титул помогал русскому исследователю вдали от родины достигать важных научных целей, решать насущные социальные задачи, в том числе защиты малых народов Полинезии, и получать субсидии на свои многолетние экспедиции.

Сам Николай Николаевич в предсмертной автобиографии утверждал, что потомственное дворянство было пожаловано его прапрадеду — Степану Миклухе, хорунжему казацкого полка, отличившемуся при штурме Очакова во время русско-турецкой войны. Это утверждение также не бесспорно, поскольку

Стародубский полк, в котором служил С. Миклуха, в осаде и штурме Очакова не участвовал, а документальных доказательств пожалования дворянства роду Миклух не существует.

Простительное тщеславие подвижника и мученика науки, принятого в высшем обществе трех империй

отнюдь не за «голубую кровь». Впрочем, предков своих Николаю Николаевичу нечего было стыдиться. Дед его, не обладая никаким движимым имуществом, дослужился лишь до чина коллежского секретаря, отличаясь редкостной честностью, которую завещал старшему сыну, Николаю Ильичу Миклухе, отцу будущего путешественника-этнографа. После окончания петербургского Института инженеров путей сообщения он был произведен в инженер-капитаны и поставлен руководить сооружением дистанции Николаевской железной дороги, проходящей через Валдайскую возвышенность. На следующий год в московской церкви Воскресения на Сретенке Николай Ильич обвенчался с Екатериной Семеновной Беккер, дочерью героя Отечественной войны 1812 года полковника Беккера. Жениху исполнилось 25, невеста была восьмью годами моложе.

Год спустя у четы родился первенец, вскоре скончавшийся. А еще через год — сын Николай.

Позже младший брат Михаил вспоминал, что в их семье, благодаря Екатерине Семеновне, никогда не было «квасного патриотизма», и дети воспитывались в духе «уважения всех национальностей, в уважении личности». Поэтому польское восстание 1863-64 годов побудило Миклуху серьезно заинтересоваться польской культурой. Что же касается собственного происхождения, то в предсмертной автобиографии ученый писал, что «представляет собой

смесь элементов: русского, германского и польского».

Врожденный интернационализм помог его изумившему цивилизованный мир «братанию» с аборигенами Полинезии, которые были крайне враждебно настроены к европейцам.

До папуасов Новой Гвинеи от казенной квартиры у Таврического сада в Петербурге, куда семья переехала в 1855 году, путь лежал не близкий. К тому времени глава семьи директорствовал на Александровском механическом заводе при Николаевской железной дороге. А до того последовательно занимал должности начальника Николаевского вокзала в северной столице и опытного пути между Вышним Волочком и Тверью. Были награды, но было порой и недовольство сурового начальства, с выговорами и даже увольнением. Служба оказалась трудная, нервная, и она окончательно подорвала слабое здоровье Николая Ильича.

Детей между тем прибавлялось — родилась дочь Ольга, затем еще один сын, Владимир, и в 1856 году самый младший, Михаил. Год спустя, в возрасте всего 41 года, отец скончался от туберкулеза, руководя строительством Выборгского шоссе и не выслужив пенсии. Материальное положение многодетной семьи ухудшилось. Выручало то, что небольшие сбережения были вложены в акции паровой компании «Самолет» (!), кроме того, мать подрабатывала черчением географических карт, и это позволило ей дать детям приличное образование.

Общеобразовательным предметам их учили приходящие на дом учителя, а французскому и немецкому языкам — специально нанятые гувернантки. Художник Ваулин, обучавший детей рисованию, открыл у Николая немалые способности, очень пригодившиеся ему в будущем. В 1858 году старших сыновей — Николая и Сергея — мать отдала в 3-й класс петербургского училища Святой Анны для детей немецких поселенцев (Анненшуле). Братьям, однако, не понравилось, что обучение там велось на немецком языке, да

ние о внесении ее и детей (Николаю тогда исполнилось 12 лет) в родословные книги, учитывая чин ее покойного мужа. Прошение было удовлетворено.

Зачисленный в 4-й класс Второй петербургской гимназии, Николай, как это ни странно для блестящего ученого-эрудита в разных областях знаний, учился плохо, пропускал занятия и, в результате, остался на второй год. Единственная оценка «хорошо» у него была по французскому языку. С трудом перешел он и в 6-й класс, перенес тяжелое воспа-

Николай, как это ни странно для будущего блестящего ученого-эрудита, учился плохо, пропускал занятия и в результате остался на второй год, а потом и вовсе бросил гимназию. Мать мягко отговаривала его от поступления в Академию художеств, и Николай сделался вольнослушателем физико-математического факультета Петербургского университета. Там 17-летний юноша погрузился в изучение естественных наук и получил разрешение посещать курс физиологии, положивший начало его будущей судьбе

и плата за него оказалась слишком высока.

Екатерина Семеновна решила перевести сыновей в казенную гимназию. Для поступления потребовалось много документов. В родословных книгах Дворянского собрания Черниговской губернии род Миклух не числился. Тогда Е.С. Беккер-Миклуха подала прошение в Петербургское дворянское собра-

ление легких (слабым здоровьем отважный путешественник отличался всю жизнь), на экзаменах получил средний балл и вновь стал второкурсником.

Гимназию Николай бросил. Родственники, а вслед за ними и биографы исследователя утверждали, что он был исключен по политическим мотивам, хотя заявление о выходе из гимназии Миклуха подал

В студенческие годы

сам. Мать мягко отговорила его от поступления в Академию художеств, и Николай сделался вольнослушателем физико-математического факультета Петербургского университета. Там 17-летний школяр погрузился в изучение естественных наук и в 1864 году получил разрешение посещать курс физиологии, положивший начало его будущей судьбе.

Еще будучи гимназистом, Миклухо-Маклай не остался в стороне от общественного подъема 1861 года, вызванного в стране долгожданной отменой крепостного права. В 15 лет он не побоялся примкнуть к студенческой манифестации у здания уни-

верситета и после ее разгона угодил вместе с братом Сергеем в Кронверкскую куртину Петропавловской крепости, где не разрешались свидания и передачи. Правда, через несколько дней братьев-гимназистов выпустили, сочтя их «взятыми по ошибке».

Не сложились у демократически настроенного Николая Миклухи отношения и с университетским начальством. 26 февраля 1864 года началась студенческая сходка. От обвинения в доносительстве одного из сокурсников ее участники на другой день перешли к шумной критике университетских порядков и потребовали отставки особо ненавистного инспектора Н. Озерецкого. В тот день Николай попытался тайком провести в учебный корпус своего гимназического приятеля и поплатился за это отчислением. Но он уже почувствовал вкус к науке и мечтал продолжить учебу.

По совету их бывшего домашнего преподавателя, Екатерина Семеновна, несмотря на стесненное материальное положение, изыскала возможность отправить своевольного сына в прославленный Гейдельбергский университет, один из старейших в Европе. В связи с недавним Польским восстанием загранпаспорта молодым людям выдавали в полиции неохотно, однако новое воспаление легких у Николая, усугубленное плевритом, помогло его матушке решить эту проблему. В апреле того же года 18-летний Миклуха выехал в Германию.

Николай Миклухо-Маклай в арабских одеждах

Другой мир студенческого вольнодумия и пытливой общественной мысли, старинные соборы и аккуратные черепичные кровли уютных немецких домов, чистота и порядок на улицах, добродушные улыбки бюргеров и их румяных жен, миндальные и финиковые деревья вдоль берега Неккера, с гнездящимися в них под ласковым солнцем ожереловыми попугаями, — все это не могло не ошеломить бледного петербургского юношу.

Русское студенческое землячество в Гейдельберге насчитывало 150 человек на три тысячи тамошних студентов. А всего в городе было тогда около 15 тысяч жителей. Русские студенты всю пользова-

лись свободным доступом к бесцензурной прессе на родном языке и с началом польского восстания разделились на две противоборствующие партии. Миклуха встал на сторону «герценистов», сочувствовавших восставшим полякам. Его бывший учитель поляк Миклашевский познакомил Николая с польскими студентами, и он даже пытался изучать польский язык.

Мать решительно воспротивилась этому, советуя сыну лучше совершенствоваться в английском языке и получить инженерную специальность. В Гейдельберге Миклуха записался на лекции по геометрии и тригонометрии, прослушал также курсы политической экономии, новейшей

истории, государства и права, чем вызвал упреки матери. Присылаемых ею денег на обучение едва хватало, и Николай, по воспоминаниям его сокурсников, очень нуждался.

Екатерина Семеновна опасалась полицейского преследования сына в России и велела ему на каникулы ехать в Шварцвальд, где он мог заодно поправить слабое здоровье. Вернувшись, Миклуха прилежно изучал физику, химию, геологию, а наряду с ними — философию, уголовное и гражданское право. Его политиче-

ство. Умеренные вернулись на родину и поступили на службу. Радикалы перебрались в Швейцарию из-за усилившихся в Великом герцогстве Баденском гонений полиции. Николай Миклуха в 1865 году тоже оставил Гейдельберг, поступив на камеральный факультет Лейпцигского университета, готовивший управляющих для сельскохозяйственных ферм и лесных угодий. Параллельно продолжал «зондировать» разные науки в поисках своего призвания.

Кабинетная научная деятельность и работа на кафедре не могли заслонить в душе Миклухо-Маклая тягу к дальним странствиям, особенно в малоизвестные регионы земного шара, где были возможны крупные открытия. Получив отказы от германской антарктической экспедиции и от шведского исследователя А. Норденшельда, он решил совершить самостоятельное путешествие на Сицилию

ские взгляды сформировались под влиянием идей утопического социализма Сен-Симона и Чернышевского, роман которого «Что делать?» он привез с собой в Гейдельберг. Весть о гражданской казни Чернышевского глубоко потрясла впечатлительную натуру будущего первооткрывателя. Он попросил мать прислать ему фотопортрет революционного демократа и затем перерисовал его.

Разгром в России демократического движения 60-х годов расколол зарубежное русское студенче-

В октябре 1865 года Николай фон Миклухо (так он теперь стал именовать себя в документах) подал заявление на медицинский факультет Йенского университета, который привлек его пропагандой дарвинизма. Помимо медицинских курсов оплатил также лекции по основам сельского хозяйства, астрономии и телеграфии, но в дальнейшем перестал отвлекаться и сосредоточился на профильных предметах. В результате долгого корпения над микроскопом даже заработал «легкий

паралич левой половины лица». Его научный наставник Эрнст Геккель, называвший Миклуху своим усердным помощником, навещал Николая в больнице и писал родным, что «должен заботиться о русском студенте, у которого нет в Германии никого».

Русских студентов в Йене насчитывалось не более 30 человек, землячества они не образовывали, и Миклуха с ними почти не общался. Зато завязал знакомство по переписке с местными девушками через газетные объявления (что там практиковалось). С одной романтической особой, дочерью его профессора статистики, музицировавшей на фортепиано и изучавшей русский язык, переписка продолжалась несколько лет.

Во время клинической практики вспыхнул роман между Николаем и его пациенткой, которая умерла и завещала ему по тогдашней моде собственный череп. Он сделал из него настольную лампу с подпоркой из локтевых костей, как было принято у медиков, соорудил на своде черепа фитиль, установил сверху зеленый абажур и возил с собой эту лампу во всех путешествиях.

Одним из спонсоров научных экспедиций Миклухло-Маклая станет князь Александр Мещерский, тоже сидевший в свое время в Петропавловской крепости. Он учился вместе с Николаем в Йенском университете и подружился с ним. Они даже снимали комнаты по соседству, в доме знакомого пекаря.

А до далеких путешествий было уже рукой подать. В марте 1866 года Э. Геккель закончил обширную монографию «Общая морфология организмов» и решил совершить экспедицию на Сицилию для изучения средиземноморской фауны. В команду он пригласил двух своих студентов — Германа Фоля и Николая Миклуху. Однако австро-прусская война, а затем начавшаяся эпидемия холеры в Южной Европе заставила изменить маршрут экспедиции. В середине ноября ее участники отплыли на Мадейру, а оттуда — на Канары. Но и с островами архипелага морское сообщение из-за холеры оказалось прерванным. Выручил прусский фрегат «Ниоба», совершавший учебное плавание. Его командир оказался племянником йенского профессора ботаники и согласился взять команду Геккеля на борт. Начиналась удивительная эпопея русского ученого-путешественника.

Налетевший шторм затянул плавание до острова Тенерифе вместо 30 часов на четверо суток. Едва выгрузившись в гавани, команда развернула бурную деятельность по сбору прибрежных рачков, медуз и радиолярий. Тогда-то Миклуха и открыл новый вид губок, которому дал свою вторую фамилию. Местные жители весьма настороженно отнеслись к германским зоологам, приняв их не то за австрийских шпионов, не то за колдунов. Арендванный дом кишмя кишел насекомыми

и крысами. Геккель с чисто немецким педантизмом подсчитал, что в январе убил 6000 блох.

Решили возвращаться в Европу. Сделать это можно было только че-

рез Марокко. Добрались туда на английском пароходе. Миклуха и Фоль решили воспользоваться случаем и объехать султанат. Купив арабские костюмы и наняв переводчика-про-

водника, они с торговым караваном верблюдов достигли Маракеша. Там Николай увлекся изучением быта и жизни берберов. А когда путешественники вернулись в Европу и остановились по пути домой в Мадриде, он заявил, что хочет пожить некоторое время в цыганском таборе, где сильно заболел.

Обратно в Йену Миклухо-Маклай приехал в мае 1867 года уже совсем другим человеком. Уже в июле того же года в редакцию Йенского журнала «Медицина и естествознание» поступила первая статья ученого, посвященная рудиментам плавательного пузыря у салахий и подписанная фамилией «Миклухо-Маклай». Год спустя Николай окончил университет и, продолжая ассистировать Геккелю, занялся разработкой морфологии губок и эволюцией нервной системы млекопитающих.

Идеи молодого ученого заинтересовали ведущих европейских нейрофизиологов. И все же кабинетная

неты, где были возможны крупные открытия. Ему очень хотелось заняться перспективными направлениями географических исследований. Он попросился в готовившуюся первую германскую антарктическую экспедицию, но получил отказ. Отказом ответил также шведский полярный исследователь А. Норденшельд, которому Николай Николаевич предложил себя в качестве участника его экспедиции.

Тогда он решил совершить самостоятельное путешествие на Сицилию, куда два года назад не попал с Геккелем. Однако к этому времени у него не осталось денег даже на оплату долгов за жилье. Мать была непреклонна, и осенью 1868 года ученому пришлось бежать в Италию от кредиторов, попросив вести свои финансовые дела студента К. Модзалевского. Всю оставшуюся жизнь Миклухо-Маклаю будет суждено бороться с нехваткой средств на прославившие его имя экспедиции.

Узнав из газет о строительстве Суэцкого канала, Николай загорелся идеей описать фауну Красного моря. По его подсчетам, минимально необходимая на экспедицию сумма составляла 500 рублей. Через брата Сергея он упросил мать прислать денег и весной отплыл в Александрию

научная деятельность и работа на кафедре не могли заслонить в душе Миклухо-Маклая пробудившуюся тягу к дальним странствиям, особенно в малоизвестных регионах пла-

Сентябрь он провел в Италии. Подружившийся с ним другой ученик Геккеля, немецкий зоолог-дарвинист Антон Дорн в средствах стеснен не был и в середине октября приехал

к нему в Мессину, где его русский коллега обнаружил в прибрежных водах новую разновидность известковых губок. Дорн снял несколько комнат в Палаццо Витале, поселил Николая у себя и оборудовал во дворце полевую лабораторию. Там он занимался ракообразными, а Миклуха — морфологией губок и анатомией мозга рыб.

В январе следующего года они совершили совместное восхождение на вулкан Этну, но, не дойдя трехсот метров до кратера, сорвались с ледяного поля, причем Дорн сильно расшибся. Наградой ему стало знакомство посредством Николая с бывшим саратовским губернатором Егором Барановским, который подал в отставку в знак протеста против жестоких мер по подавлению Польского восстания. Спустя несколько лет Дорн женился на старшей дочери Барановского.

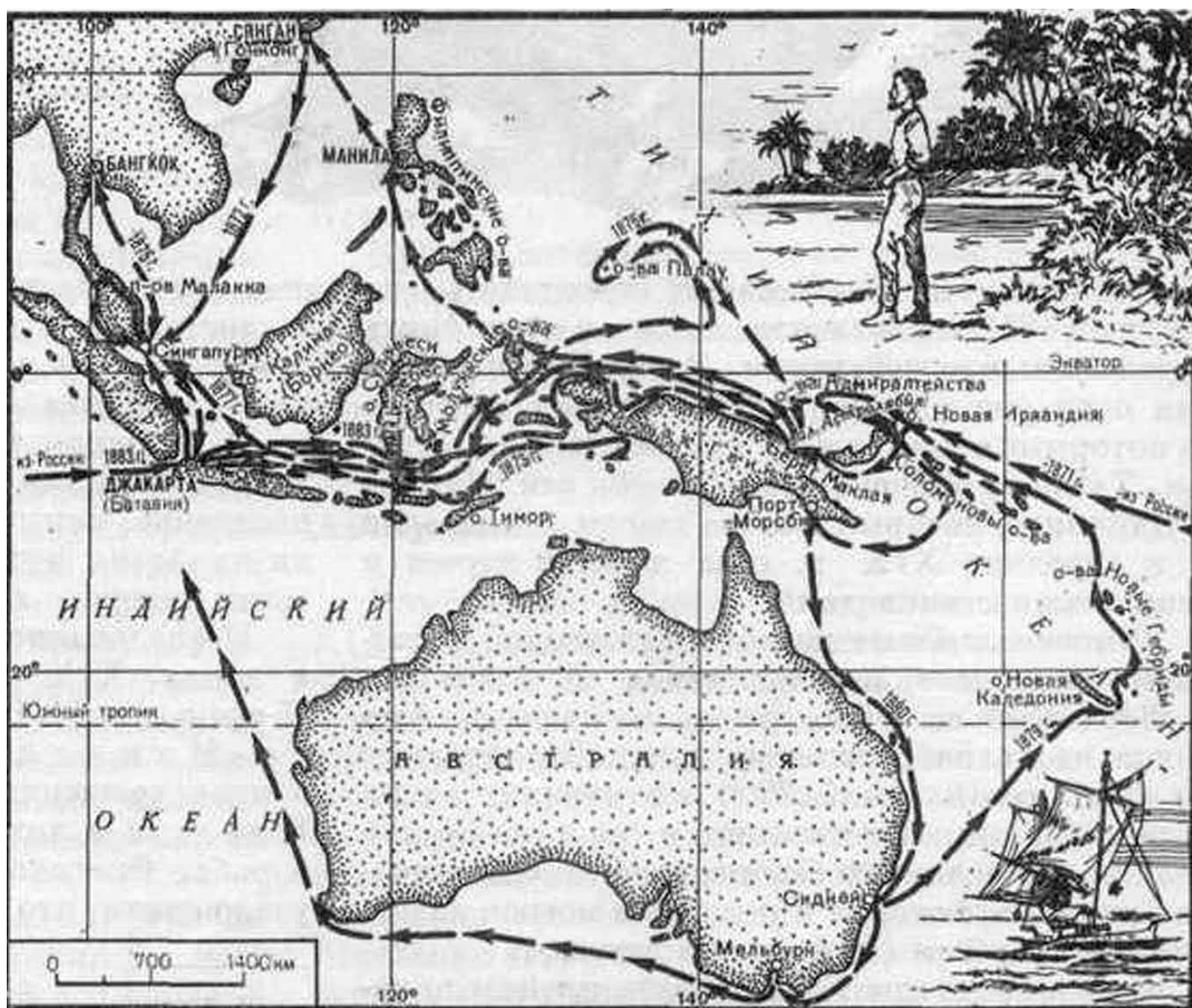
Через месяц после памятного восхождения Миклуха-Маклай узнал из газет о строительстве Суэцкого канала и загорелся идеей описать фауну Красного моря (в то время практически неизвестную) до того, как она начнет подвергаться воздействию средиземноморской фауны. По его подсчетам, минимально необходимая на экспедицию сумма составляла 500 рублей. Через брата Сергея он упросил мать прислать денег и в марте того же года отплыл в Александрию.

Стартовать Николай Николаевич собирался из Каира и разработал в столице Египта план создания био-

логических станций, для одной из которых выбрал Джидду. Визит туда совпал с большим хаджем. Русский путешественник обрил голову, нарядился в бурнус, выучил несколько арабских слов и для вида даже начал исполнять некоторые мусульманские религиозные обряды, хотя никого не смог этим обмануть. Хуже было другое. По пути в Суэц Миклуха-Маклай испытал первые приступы малярии, сделавшейся отныне его неразлучной спутницей.

Преодолевая изнуряющую болезнь, он добрался до Джидды, поселился у французского коммерсанта, покоренного энтузиазмом молодого ученого, нанял лодочника и ежедневно отправлялся к коралловым рифам и оставался там до заката. Палило нестерпимое солнце, от блеска воды резало глаза, кожу стягивала соляная пленка... И так почти 20 дней. Закончив морские исследования, он перебазировался в Масауа, затем в Суакин. Условия для работы оказались тяжелые. Столбик термометра даже ночью не опускался ниже +35 градусов по Цельсию. Мало-мальски сносного жилья чаще всего не было, приступы малярии не прекращались, от пыли пустыни разыгрался конъюнктивит.

С большим трудом возвратился ученый в Суэц, везя с собой собранную коллекцию роговых, кремневых и известковых губок, которая теперь хранится в Зоологическом музее РАН. Из Александрии на пароходе «Эльбрус» Николай Николаевич отплыл после пятилетнего

отсутствия в Россию и в начале июня 1869 года прибыл в Одессу. Он отбыл за границу «зеленым» студентом, а вернулся закаленным натуралистом широкого профиля.

Это одинокое путешествие сыграло решающую роль в его судьбе. Проявив себя серьезным исследователем, Миклухо-Маклай нащупал свою дорогу в науке, которая приведет завязатого путешественника к изучению особенностей жизнедеятельности и культуры человеческих популяций в первобытной среде обитания.

Больной, без копейки денег, сошел Николай на одесский причал. К счастью, материальное положение семьи к тому моменту несколько улучшилось — пароходное общество «Самолет» начало выплачивать дивиденды по акциям. Получив денежный перевод от матери, Миклухо-Маклай кружным путем отправился в Саратов, рядом с которым находилось имение родственников. Там его вновь свалил малярийный приступ. На душе тоже было тяжело. За годы, проведенные за границей, он отвык от России, люди

и окружающая действительность вызвали раздражение.

Не дождавшись приезда матери и сестры, Николай, едва оправившись, выехал в Москву. В Москве малярийные приступы, сопровождавшиеся обмороками и бредом, повторялись. Помог опытный врач, прописавший больному хинин, который обеспечил длительные периоды ремиссии, так что уже в сентябре 1869 года ученый смог принять участие во Втором съезде русских естествоиспытателей и сделать два не оставшихся незамеченными доклада.

В Петербурге он некоторое время поработал помощником акаде-

океан. Он был одобрен видным ученым, путешественником и государственным деятелем бароном Федором Остен-Сакеном.

28 октября (поистине судьбоносный день!) Совет Общества постановил «принять план г-на Маклая, включающий не только исследования животных, но и антрополого-этнографические наблюдения». Было решено обратиться в Морское министерство, чтобы доставить путешественника к берегам Тихого океана и обратно на военном судне. Невероятный успех для молодого исследователя.

Он отнесся к этому успеху, как к чему-то само собой разумеюще-

Он отбыл за границу «зеленым» студентом, а вернулся в Россию закаленным натуралистом широкого профиля. Проявив себя серьезным исследователем, Миклухо-Маклай нащупал свою дорогу в науке, которая приведет завязатого путешественника к изучению особенностей человеческих популяций в первобытной среде обитания

мика Брандта и опубликовал на немецком языке сообщения в изданиях Петербургской академии наук. Это способствовало принятию его в члены Русского географического общества (РГО). А вскоре он встретился с князем Кропоткиным, готовившим большую полярную экспедицию. Перспективы ее финансирования оказались туманными. Тогда Миклухо-Маклай представил в РГО проект своей экспедиции на Тихий

мусья, и пока решался вопрос с отправкой экспедиции, уехал в Йену готовить монографию об эволюции мозга у рыб. Поселился в доме профессора Гильдебрандта, чья дочь Аурелия питала к русскому ученому романтические чувства. Работая над монографией, штудировал литературу об Австралии и Океании, натолкнулся на любопытную статью, посвященную Новой Гвинее, и в феврале 1870 года писал Остен-Сакену,

что намерен остаться на островах южной части Тихого океана, по меньшей мере, 3–4 года.

К всеобщему удивлению, Совет РГО планы Миклухо-Маклая вновь поддержал и назначил ему весьма солидное по тем временам пособие в размере 1200 рублей. Даром убеждения этот нервный, худощавый, болезненный человек обладал необычайным. Заседание Совета состоялось 11 мая, а 21-го числа морской министр адмирал Краббе сообщил, что получено Высочайшее дозволение принять Миклухо-Маклая на борт корвета «Витязь», но «без производства довольствия от морского ведомства». Отправление экспедиции назначалось на сентябрь. Перед отважным ученым открывались неведомые горизонты.

Казалось бы, все складывалось удачно, кроме одного. В материальном отношении Николай по-прежнему полностью зависел от матери, с которой предпочитал в тот период общаться через сестру. Мать не понимала и не хотела понимать научных планов и устремлений сына. Когда в апреле 1870 года, сдав в набор книгу и наделав кучу долгов, он собрался отправиться в Лондон для консультаций со специалистами и закупки необходимого оборудования, Екатерина Семеновна прислала чек и письмо с ласковым уведомлением, что больше денег от нее не будет.

За неделю в Лондоне Николай успел познакомиться с Томасом

Гексли, которому вручил рекомендательные письма от своих йенских профессоров. Знаменитый ученый принял молодого коллегу радушно, поделился с ним своим опытом путешествия в Австралию и Новую Гвинею, а также дал рекомендацию для британского Адмиралтейства и представил его президенту Королевского географического общества сэру Мэрчинсону. Тот пообещал выправить Маклаю рекомендательные письма ко всем британским консулам на островах Тихого океана, но это, увы, оказалось невозможным.

Из-за дороговизны закупить в Лондоне оборудование не удалось. Обострилась малярия, и 30 апреля Миклухо-Маклай вернулся в Йену (на дорогу в Россию у него не было денег). Полмесяца спустя Екатерина Семеновна все же отправила ему очередной перевод, и в июне он отплыл из Штеттина в Петербург, предварительно оставив в лейпцигской типографии вторую часть монографии.

В числе его последних писем из Германии было дружеское послание крупному немецкому ученому и политику Рудольфу Вирхову. Основатель клеточной теории в биологии, всемирно известный антрополог, палеонтолог, археолог и медик, как равного, принял молодого русского коллегу в Берлине. Другое письмо было адресовано в Веймар И.С. Тургеневу и Полине Виардо, которые с ним там, по его собственным словам, «хорошо и близко сошлись» и контакты с которыми не прерывались

Мужской дом и жилая хижина на Береге Маклая. Рисунок Миклухо-Маклая

Справа:
Юная микронезийка Мира — «временная жена» Миклухо-Маклая

у Николая Николаевича до самой смерти великого писателя.

В Петербурге Миклухо-Маклая ждало неприятное известие. Морское ведомство, оказывается, не собиралось менять ради него маршрут «Витязя». Следовательно, добираться до Новой Гвинеи ему предстояло из Батавии (нынешней Джакарты) самостоятельно. Субсидии в 1200 рублей было заведомо недостаточно, сам ученый оценивал бюджет своей экспедиции минимум в 5000 рублей.

В сложившейся ситуации он вновь обратился за помощью к матери, прося ее продать полагающуюся ему в счет наследства часть акций компании «Самолет». Екатерина Семеновна отказала, поскольку по совету брата изыскивала средства на покупку имения. Николай Николаевич попытался одолжить денег у знакомых, и, в конце концов, добился ссуды в Зоологическом музее, передав

ему взамен свои коллекции губок. Некоторые члены Географического общества безвозмездно снабдили его научными приборами, например, новейшим типом безжидкостного барометра (анероидом) и термометром для глубоководных измерений, однако требовалось еще и другое оборудование.

Президент РГО академик П.Семенов сумел заинтересовать предприятием своего подопечного известную меценатку — великую княгиню Елену Павловну. Миклухо-Маклая пригласили в Ораниенбаум, где он не преминул разместиться с большим комфортом и завести полезные знакомства. В результате удалось добиться изменения маршрута плавания «Витязя».

19 октября 1870 года ученый выступил на общем собрании Географического общества с очень амбициозной, хоть и не совсем опреде-

ленной программой экспедиции сроком на 7–8 лет. Некоторые из присутствовавших выразили сомнение в пользе для России исследований тропических островов. К счастью, по уставу РГО, одобрения программы общим собранием не требовалось.

Вскоре Николай Николаевич получил из МИДа открытое рекомендательное письмо для всех русских консулов в портах и на островах Тихого океана. Министерство внутренних дел прислало ему заграничный паспорт на имя «дворянина Миклухо-Маклая, командированного с научной целью». Так была окончательно легализована его двойная фамилия.

29 октября «Витязь» посетил великий князь Константин Николаевич и долго беседовал с исследователем. Решили, что через год после высадки российское военное судно вернется в Новую Гвинею и, в случае, если Миклухо-Маклая не будет в живых, заберет упакованные в герметические цилиндры материалы экспедиции.

В день отплытия, 8 ноября 1870 года, путешественник отправил письма князю Мещерскому и матери. Последнее гласило: «До свидания или прощайте! Держите обещания ваши, как я свои». Николаю Николаевичу исполнилось тогда 24 года.

«Витязь» ждал его в порту Плимута, куда Николай Николаевич ехал через Германию и Францию, закупая по дороге недостающее снаряжение и отправляя счета в Петербург князю Мещерскому. Плавание началось

неудачно. На выходе штормовой ночью в открытое море корвет протаранил и потопил захваченный французами во время недавней войны немецкий барк, который двигался без бортовых огней. Пришлось идти в Фуншал для ремонта и высадки подобранных из воды матросов с барка.

Далее «Витязь» лег на курс к островам Зеленого мыса и простоял там три недели. Маршрут корвета, совершавшего кругосветное плавание, лежал через Магелланов пролив, что позволило Миклухо-Маклаю проводить научные наблюдения и метеорологические замеры в разных пунктах Атлантики и Тихого океана. На пятый день плавания вся команда собралась на палубе посмотреть, как их почетный пассажир препарирует мозг выловленной ими голубой акулы.

8 сентября 1871 года «Витязь» зашел в бухту Астролябия и высадил Миклуху-Маклая на пустынном

северо-восточном берегу огромного острова Новая Гвинея. Там отважный путешественник поселился в небольшой хижине со слугой-папуасом по прозвищу Бой и на правах первооткрывателя присвоил этому берегу свое имя. Так он и стал с тех пор называться — Берег Маклая.

Поначалу туземцы встретили непрошенного гостя крайне враждебно. Они угрожающе кричали, размахивали копьями и указывали ему на море, требуя немедленно удалиться. «Доходило даже до того, — писал он, — что они ради потехи пускали стрелы, которые пролетали очень близко от меня». Тогда наход-

чивый исследователь отправился к папуасам в деревню, обитатели которой при его приближении разбежались, спокойно разбил в центре деревни палатку и пролежал в ней несколько дней. Постепенно аборигены начали возвращаться, привыкли к присутствию белого человека и перестали его бояться.

Впоследствии неутомимый путешественник не раз повторял этот требовавший немалого присутствия духа прием демонстрации мирных намерений разным племенам Полинезии, среди которых встречались и каннибалы, и прибрежные пираты.

Аборигены слагали о нем легенды, решили, что он особый человек — «каарам-тамо», «Человек с Луны». В Австралии же «барону Маклаю» дали уважительное прозвище «Белый папуас».

При этом, живя рядом с ними и будучи их искренним другом, Николай Николаевич всегда оставался самим собой — культурным европейцем. Он обитал в своей хижине между двумя деревнями, и туземцы все чаще и охотнее посещали его, а когда назревала война с отдаленными селениями, оставляли под покровительством «Человека с Луны» жен и детей. Доверие к нему они испы-

Теперь был проект экспедиции на Тихий океан. Даром убеждения нервный, болезненный Николай обладал необычайным, и, в результате, Совет географического общества одобрил его планы и сообщил, что получено Высочайшее дозволение принять Миклухо-Маклая на борт корвета «Витязь», но «без производства довольствия от морского ведомства». Отправление экспедиции было намечено на сентябрь. Перед отважным ученым открывались неведомые горизонты...

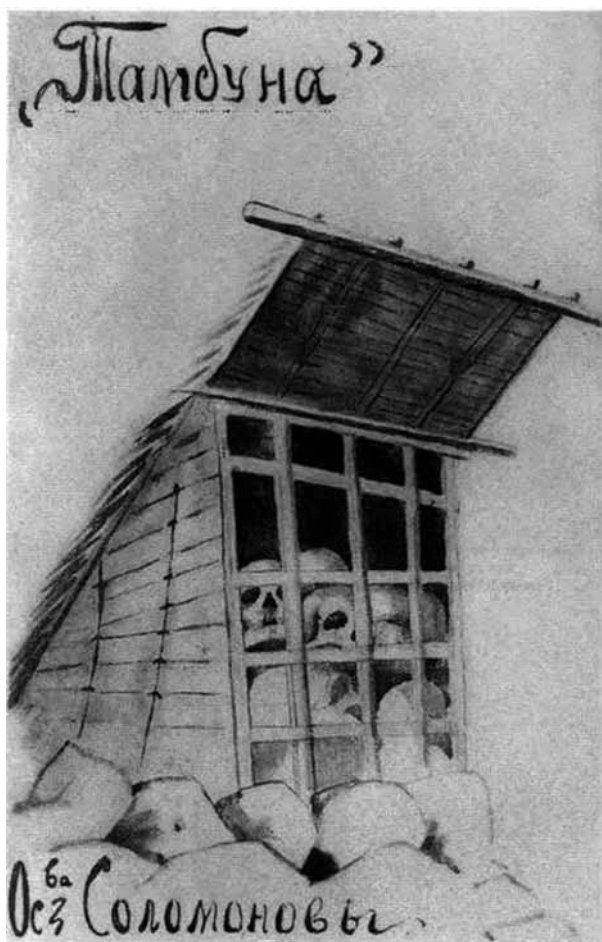
Когда в декабре 1872-го за ним пришел корвет «Изумруд», туземцы не отпускали ученого и уговаривали остаться у них навсегда. Маклая (так они стали его называть) водили по деревням, обещали построить ему новый дом вместо развалившейся к тому времени хижины, предлагали в жены любую местную девушку.

тывали еще и потому, что Маклай в совершенстве изучил их язык и обычаи.

Это явилось серьезным научным достижением, поскольку, благодаря «Белому папуасу», меланезийский язык, со всеми грамматическими формами и фонетикой, впервые стал известен в Европе. К тому

же Миклухо-Маклай овладел еще и малайским языком, позволившим ему использовать переводчиков-малайцев в общении с племенами Микронезии и Полинезии. Нередко Николаю Николаевичу удавалось предотвращать вооруженные конфликты между разными группами дикарей, мирить враждующие племена. Его авторитет у них был непререкаем.

И все же в каждой следующей экспедиции (всего Миклухо-Маклай совершил пять экспедиций в Новую Гвинею) приходилось заново завоевывать доверие аборигенов и поначалу держать ухо востро, несмотря

Тамбуна — папуасское хранилище черепов предков

на то, что к продолжавшимся острым приступам малярии добавилась еще тропическая лихорадка и другие болезни, которые он стоически переносил.

Во втором путешествии Миклухо-Маклай выбрал для высадки неведомое побережье Папуа-Ковиай, о жителях которого между малайцами ходили самые жуткие рассказы, как о людоедах, морских разбойниках, грабивших проходившие вблизи суда и поедавших матросов.

Собрав аборигенов, он десятых оставил сторожить припасы в хижине, а с остальными отправился в глубь побережья. Однако по возвращении застал припасы разграбленными, своих людей убитыми, а источники пресной воды отравленными. Тем не менее, этот «неприятный эпизод», как он его характеризует в дневнике, не отвратил ученого от дальнейшего пребывания на острове. В течение месяца он не оставлял намерения наказать главного зачинщика нападения. «Хотя человек этот был втрое сильнее меня, нервы мои оказались крепче... Когда я приказал своим людям связать разбойника, то не встретил ни малейшего сопротивления со стороны толпы папуасов...»

По сути, обитатели берега Папуа-Ковиай, подобно аборигенам берега Маклая, отличались мирным характером. Но наведывавшиеся сюда европейские и малайские купцы, а также работорговцы безжалостно эксплуатировали их, поощряя взаимную вражду, а заодно приучили

Друзья путешественника — папуасы Саул и Туй. Рисунок Миклухо-Маклая

к табаку и алкоголю и занесли вирусы смертельных болезней. В итоге прибрежные папуасы бросили свои хижины, плантации, погрузились в пироги и стали курсировать в поисках пиратской добычи. В письме голландскому генерал-губернатору Миклухо-Маклай просил исправить бедственное положение аборигенов берега Папуа-Ковиай.

Когда русский ученый впервые ступил на Берег Маклая, его обитатели находились почти в каменном веке и непосредственно не общались ни с малайцами, ни с европейцами. Они даже не умели добывать огонь и всегда держали горящий костер, давно зажженный какими-нибудь малайцами или белыми, а в дорогу брали с собой горящее бревно. Миклухо-Маклай с сочувствием

и симпатией описал их первобытную жизнь, но, в отличие от редких западных путешественников и миссионеров, не увидел в папуасах расу, самой судьбой обреченную на эксплуатацию и вымирание. Человек большого сердца, он при каждом удобном случае выступал в защиту папусов, «простодушных детей природы», и предпринимал поистине героические усилия, чтобы облегчить их участь.

Так происходило и в Петербурге. С лета 1874 года европейская и отечественная пресса начала регулярно следить за экспедициями русского исследователя, поскольку Новая Гвинея входила в моду. Миклухо-Маклай пытался воспользоваться этим и с наивным энтузиазмом романтика предложил императору

Маргарет Эмма Робертсон — жена Миклухо-Маклая

Александр III взять Берег Маклая под протекторат России или хотя бы создать там топливную базу русского флота.

Проект был рассмотрен специальным правительственным комитетом и отвергнут за ненадобностью Новой Гвинеи для Российской империи. Точно так же не нашел реализации план создания на Берегу Ма-

клая добровольного союза племен, с которым ученый обращался к британской колониальной администрации. Единственное, чего ему удалось добиться, так это скромных субсидий, которых едва хватило, чтобы расплатиться с частью долгов и продолжить исследовательские экспедиции.

Вечно страдающий от разных болезней, хронического безденежья и равнодушия власть имущих к его высокой миссии, подверженный приступам тоски и отчаяния, увлекающийся и порывистый мечтатель, бросающий порой неоконченным один труд, чтобы приняться за другой, одиночка по натуре, застенчивый и ранимый, и, вместе с тем, дерзкий до неприличия в том, что касалось избранного дела, — таким предстает перед нами сквозь дымку времени самоотверженный ученый и путешественник. Но при этом он не был анахоретом, и ничто человеческое ему было не чуждо. На Новой Гвинее поселил у себя в хижине туземную любовницу. Во время наездов на отдых в Сидней завел, по слухам, роман с женой британского генерал-губернатора. В 35 лет женился на овдовевшей дочери сэра Робертсона, премьер-министра британской колонии Новый Южный Уэльс, чье поместье находилось рядом с основанной Миклухо-Маклаем биологической станцией. Избранницу Маклая звали Эмма Кларк. Она стойчески разделила с ним последние годы его жизни и родила ему двух сыновей.

Помимо длительных экспедиций на Новую Гвинею, исследователь совершил полное трудностей и лишений путешествие в глубь Малайского полуострова, во время которого он мог погибнуть.

Рядом с многочисленными путевыми зарисовками от знаменитой малайской экспедиции сохранились дневники наблюдений и научные заметки, составляющие не один том. Такие же обширные, но зачастую необработанные автором материалы его остальных экспедиций хранятся в Российской академии наук. Даже сегодня большинство из них не только не издано, но еще не описано.

В ноябре 1881 года Миклухо-Маклай направил командующему британскими ВВС в юго-восточной части Тихого океана Дж. Уилсону «Проект развития Берега Маклая», в ответ на карательную экспедицию англичан в деревню Кало. Там в августе были убиты несколько христианских миссионеров. Николай Николаевич настоял на своем участии в этой акции устрашения, и ему удалось спасти аборигенов от жестокой расправы, а их деревню и плантации от уничтожения.

В конце декабря в Сидней пришла русская эскадра, и Морское министерство разрешило ученому следовать в Россию на борту клипера «Вестник». Отплытие из Австралии омрачилось громким скандалом: в прессе появились сообщения, что цель похода эскадры — захват Мельбурна, а «барон Маклай» является секретным царским агентом.

Простившись с невестой, путешественник добрался до Сингапура, а там перешел на борт крейсера «Азия», направлявшегося в Италию. 9 июня крейсер достиг Суэца, но из-за вооруженного восстания в Александрии более месяца простоял на рейде. Приплыв в Геную, Николай Николаевич вновь пересел на другой корабль — броненосец «Петр Великий». Он шел на Балтику и 31 августа 1882 года пришвартовался у кронштадского причала. После 12-летнего отсутствия Миклухо-Маклай, наконец, вернулся на родину.

За годы, проведенные в Южном полушарии, исследователь порядком отвык от России и даже подзабыл русский язык. Не будучи вообще мастером говорить, итоговый доклад в Географическом обществе он делал тихим голосом, часто запинаясь и подыскивая нужные слова. Несмотря на это, доклад имел большой успех и был повторен. Совет РГО ходатайствовал перед министром финансов о выплате Миклухо-Маклаю в течение двух лет по 400 английских фунтов в год до завершения его научного труда и погашении лежащего на нем долга в 1350 фунтов.

Российская публика с нетерпением ждала возвращения знаменитого путешественника, его публичные лекции собирали полные залы. В Петербурге был написан известный портрет Миклухо-Маклая кисти К.Маковского и еще один — А. Корзухина (позднее утерянный). Дома у матери, в кругу друзей и близких

Николай Николаевич отдохнул душой, однако недолгое пребывание в двух столицах сильно ухудшило его подорванное здоровье. Он жаловался на невралгию, мышечный ревматизм, съездил по делам и на лечение в Европу, задумав все же очередную экспедицию на Новую Гвинею, с заданием царского правительства присмотреть там подходящее место для угольной базы русского флота.

Отплытие назначили из Австралии. 24 февраля 1883 года корвет «Скобелев», с Миклухо-Маклаем на борту, в составе отряда военных кораблей под флагом контр-адмирала Н. Копытова взял курс из Батавии на Новую Гвинею. К моменту его прибытия правительство австралийского

Рост антирусских настроений в Австралии, закрытие биологической станции и женитьба на Маргарет вынудили Миклухо-Маклая возвратиться в Россию. Растаяли, как мираж, несбыточные проекты столкнуть между собой Германию и Британию, чтобы установить на Новой Гвинее управление миротворческого «Совета племен». Недоумение и раздражение вызвали донкихотовские письма плохо разбиравшегося в геополитике ученого королю Англии, германскому императору и русскому царю. Теперь Николаю Николаевичу надо было начинать оседлую жизнь и кормить семью, чего он как раз делать и не умел.

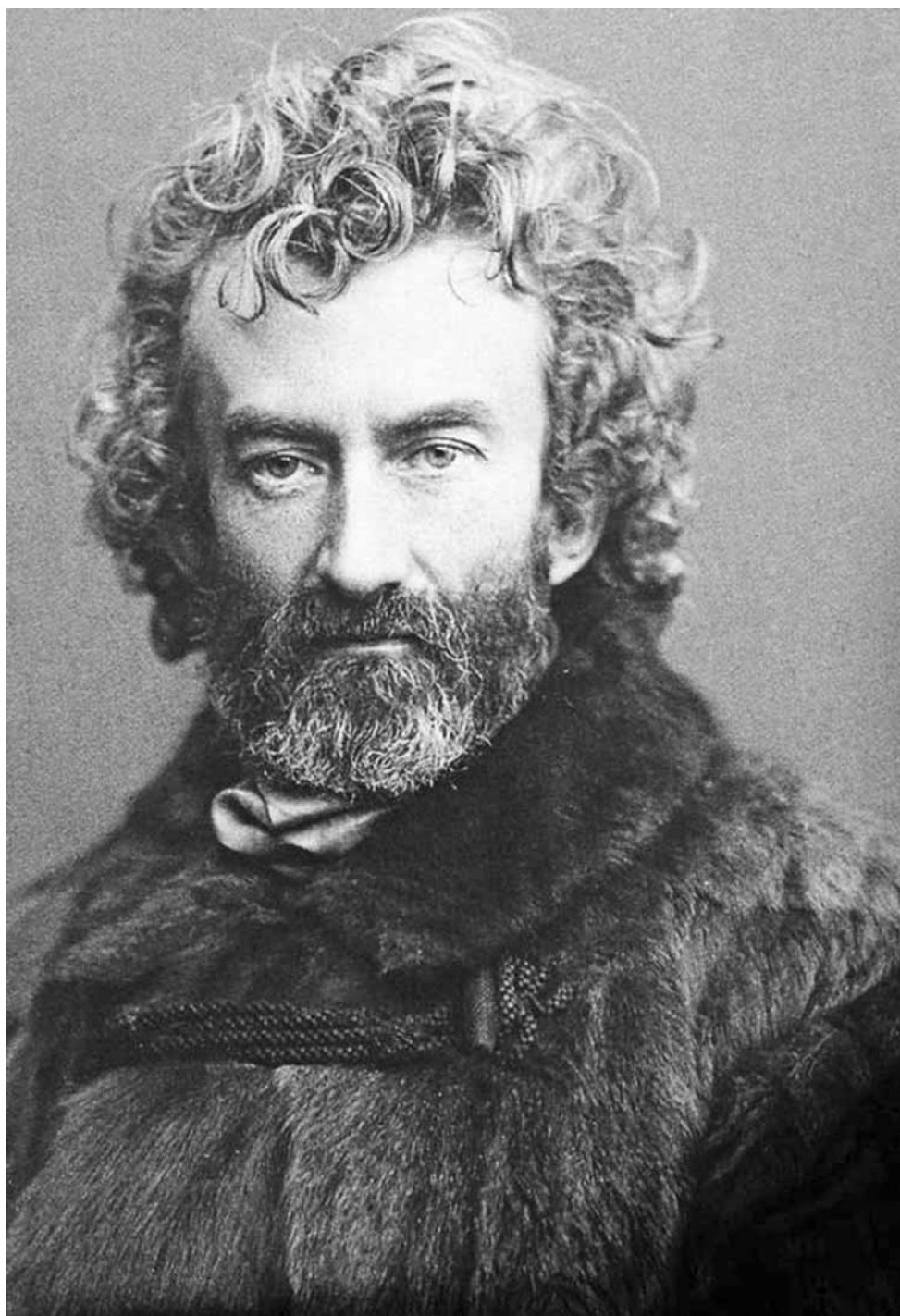
Еще одна химера — связать Новую Гвинею с Россией путем засе-

Живя рядом с туземцами и будучи их искренним другом, Николай Николаевич всегда оставался самим собой — культурным европейцем. Он обитал в своей хижине между двумя деревнями, и аборигены охотно посещали его. А когда назревала война с отдаленными селениями, оставляли под покровительством «Человека с Луны» своих жен и детей.

штата Квинсленд, с согласия Лондона, аннексировало этот остров. Позднее произошел британо-германский раздел Новой Гвинеи, и план создания там базы флота утратил смысл. К тому же выбранные для нее путешественником пункты оказались вдали от морских коммуникаций.

ления ее русскими колонистами — едва не привела к международному скандалу. Крайне медленно и мучительно готовил Миклухо-Маклай издание книги о своих путешествиях, обложившись дневниками и диктуя отдельные части родным. К этому времени относится его заочное зна-

комство с Львом Николаевичем Толстым. В письме к нему великий писатель выражал свое восхищение: «Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек... в общении с которым можно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы

доказали это подвигом истинного мужества».

В Петербурге выставку этнографических коллекций Миклухо-Маклая, переданную им в дар Академии наук, посещали до тысячи человек в день, особенно молодежь. В декабре 1886 года городская дума

попросила его прочесть в зале заседаний семь лекций, имевших огромный успех. Александр III лично распорядился выдать на проезд семьи ученого в Россию 400 фунтов. В Вене, по пути из Австралии, Николай Николаевич и Маргарет обвенчались вторично, уже по православному обряду.

А он тем временем в свои 40 лет все больше слабел и дряхлел. Внешность неутомимого прежде путешественника настолько изменилась, что давно не видавшие Миклухо-Маклая знакомые едва узнавали его в совершенно седом, осунувшемся и исхудалом человеке. Лучшие сто-

*Памятник Миклухо-Маклаю
в Новой Гвинее*

личные врачи не могли поставить ему диагноз. Только спустя 32 года после перезахоронения праха ученого, в 1938 году, рентгено-анатомическое исследование черепа, завещанного им Музею антропологии и этнографии Академии наук (бывшей петровской Кунцкамере), установило причину смертельной болезни — злокачественная опухоль нижней челюсти.

Летом 1887 года ему еще удалось съездить в Малин, чтобы проведать занедужившую мать. А в ноябре, трудясь над вторым томом «Путешествий», он уже не в состоянии был выходить из дому. Вскоре отнялась правая рука, очевидно, появились метастазы в левом полушарии мозга. Боли не прекращались, началась бессонница. Семья жила за счет Екатерины Карловны Миклухи и мелких сумм, получаемых от брата Михаила. В марте резкое похолодание вызвало у больного сильнейшую простуду, перешедшую в пневмонию. 14 апреля на 42-м году жизни Николай Николаевич скончался.

Похоронили Миклухо-Маклая на так называемых Литераторских мостках Волковского кладбища в Петербурге, рядом с отцом и сестрой Ольгой. На могильной плите из черного мрамора вдова велела выбить английскую аббревиатуру надписи: ТОЛЬКО СМЕРТЬ РАЗЛУЧИТ НАС. Проводить ученого в последний путь пришли члены РГО во главе с П. Семеновым и адмиралы П. Назимов

и Н. Копытов, с которыми он плавал в тропических морях.

Узнав, что Маргарет собирается вернуться с детьми в Сидней, императрица Мария Федоровна пригласила ее в Гатчину, выразила ей глубокое соболезнование от лица императора и своего собственного, пообещала оплатить дорогу и не оставить сыновей Миклухо-Маклая на произвол судьбы. Действительно, Александр III назначил вдове выдающегося русского ученого и путешественника пожизненную пенсию в размере 5000 рублей в год. Она перечислялась через российского консула вплоть до конца семнадцатого года, когда Австралия отказалась признать РСФСР.

В мифологии папуасов Берега Маклая и в XX веке существовал культ «Человека с Луны» как их далекого предка. Когда участники советской этнографической экспедиции 1971 года высадились на Берегу Маклая и прибыли в деревню Бонгу, сопровождавший их представитель местной администрации настоятельно просил не ходить группами на мыс Гарагаси, где установлена мемориальная плита с памятником «Белому папуасу», и не шуметь там, поскольку для аборигенов это — сакральное место.

Именем Миклухо-Маклая назван также залив у побережья Антарктиды (Земля Уилкса), астероид, открытый в 1978 году, и целый ряд иных объектов. Памятники славному россиянину стоят в Джакарте и Севастополе... В Москве и Маданге

(Папуа-Новая Гвинея) есть улицы Миклухо-Маклая. В его честь выпущены марки СССР и Российской Федерации. Но притом, что имя Миклухо-Маклая присвоено Институту этнографии, многие уникальные материалы, добытые им в экспедициях, все еще пылятся в архивах.

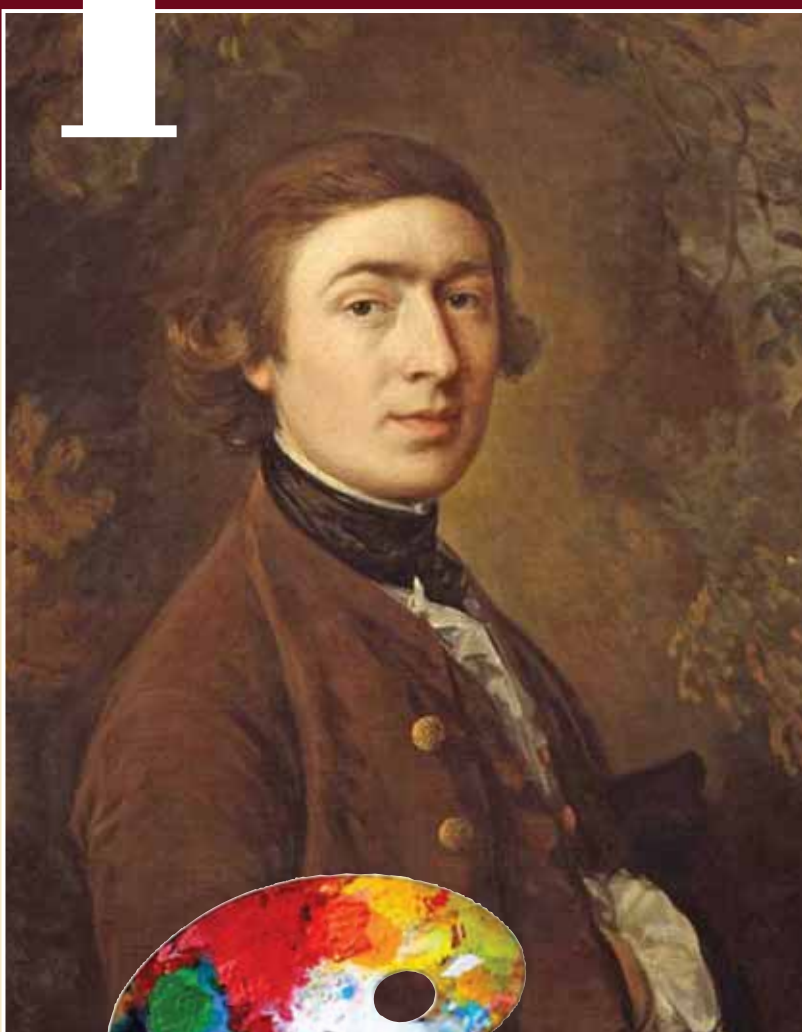
Да, он занимался сугубо специальными исследованиями и даже не стремился придать своим работам законченный вид, мало заботясь об академической карьере, которая обеспечила бы ему безбедное существование. Со стороны он выглядел «вольным художником», не признающим авторитетов и официальных инстанций, анархистом, отвергающим правила хорошего тона и традиционные устои научного сообщества. Он был ученым-одиночкой, энтузиастом и мечтателем, и, по сути, трудился в полной изоляции.

Его главной непреходящей заслугой, по достоинству оцененной современниками, явилось практическое доказательство видового единства человечества, опровергающего все расистские теории тогдашнего и нынешнего времени.

В 2014 году у нас вышел сборник архивных документов «Неизвестный Миклухо-Маклай», раскрывающий деятельность путешественника по сбору важной информации для российского правительства о положении дел и экономической ситуации в Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Думается, этот «неизвестный Миклухо-Маклай» не последний. □

Гейнсборо

Как важно иметь

У выдающегося английского художника Томаса Гейнсборо был замечательный характер. Веселый, легкий в общении, с прекрасным чувством юмора. Он легко сходился с людьми, и у него было огромное количество друзей — и высокородные аристократы, и не столь знатные господа. Многие из них запечатлены

*Томас
Гейнсборо.
Автопортрет*

В 1774 году Томас Гейнсборо переехал из своего любимого Бата в Лондон. Он прожил в очаровательном курортном городке Бате 15 лет, и это были очень хорошие годы. В Бат приезжали отдохнуть и подлечиться

и Джеймс Кристи

правильных друзей

на великолепных портретах, написанных Гейнсборо с присущим ему психологизмом и живописным мастерством. На одном из гейнсборовских полотен — Джеймс Кристи. Мы видим умного, насмешливого, уверенного в себе и в своем будущем джентльмена.

Знакомьтесь — перед вами родоначальник и основатель знаменитого аукциона Christie's.

богатые аристократы со своими домочадцами, и все они жаждали украсить свои особняки портретами себя любимых и членов своих семейств. Соперников у Гейнсборо не было, местные художники сильно уступа-

*Портрет
Джеймса Кристи*

ли ему в мастерстве, а потому заказов было столько, что он едва с ними справлялся. Постепенно его репутация как портретиста сравнялась с репутацией самого сэра Джошуа Рейнольдса! В 1768 году Гейнсборо стал соучредителем Королевской академии художеств (а Рейнольдс — президентом), его картины, которые регулярно показывались на выставках Академии, имели огромный успех. Пришло время перебираться в столицу.

Теперь его дом — Шомберг-Хаус, в престижном районе Пэлл-Мэлл. Особняк был построен для герцога Шомберга, немецкого генерала, фаворита короля Вильгельма III. После смерти генерала дом купил художник Джон Этли — необходимая

сумма, 5 тысяч фунтов, у него появилась благодаря удачной женитьбе. Еще столько же он вложил в переделку дома, устроив в нем три большие квартиры с отдельными входами. Гейнсборо снял самую западную из них. Выбор дома, по-видимому, был продиктован тем, что Эстли, сам художник и к тому же приятель Гейнсборо, разрешил одну из комнат переделать под мастерскую.

Кроме того, Гейнсборо понимал, что внушительный дом, да еще в престижном районе — очень важная часть образа модного портретиста. Его будущие заказчики, несомненно,

замечают эти признаки успешности и именно к нему придут с просьбой написать портреты их самих, а также детей и жен. Так что дорогое жилище в богатом лондонском районе было не прихотью, а необходимостью для утверждения в столице.

Но был и еще один фактор, вероятно, сыгравший роль в выборе Шомберг-Хауса. Дело в том, что рядом с домом располагались аукционные залы Джеймса Кристи, известного торговца предметами искусства. Рано или поздно всякий лондонец, интересовавшийся искусством, приходил к Кристи. А по

Слева:

*«Прогулка
в Сент-
Джеймском
парке»*

*Семейство
Бейли*

дороге запросто мог заглянуть и к Гейнсборо — посмотреть картины, а то и прикупить что-то из понравившегося.

Гейнсборо понимал, что для достижения успеха ему необходимо срочно приобрести влиятельных друзей, и всегда принимал приглашения на светские приемы — ведь там можно было познакомиться с нужными людьми. Нелишним было и знакомство с аукционистом мистером Кристи, завсегдааем всех лондонских светских раутов. На одном таком вечере Гейнсборо и Кристи представили друг другу. С тех пор

началась их дружба, помогавшая им обоим выжить в сложном, полном коварства и соперничества мире лондонского арт-бизнеса.

Джеймс Кристи родился в 1730 году, в шотландском городе Перт. Его отец, англичанин, был из знатного рода, а мать — шотландка из менее родовитого семейства Мак Дональд. В детстве Джеймс мечтал стать военным моряком, и стал им, однако его морская карьера оказалась недолгой. В 1750-х годах он собрался жениться, а потому вышел в отставку в ранге мичмана. С морем было покончено. Кристи решил

попробовать себя на ином поприще. Видно, свято веря в свои силы и возможности, он покинул провинциальную Шотландию и отправился в Лондон. Он будет делать деньги. Но как? Поначалу он попробовал торговать сеном. Видно, прибыль была небольшой, а потом нужно было искать другие пути, и Джеймс устроился помощником к аукционисту в Ковент-Гардене. Как ему пришла в голову мысль заняться искусством и антиквариатом, неизвестно, но, так или иначе, это была гениальная идея. Более того — Кристи рискнул и сделал ставку на современное искусство, которым до него никто в Англии не занимался. И Кристи не прогадал. К тому же в то время в Британии не было ни одного выставочного зала, где можно было бы увидеть работы тогдашних живописцев, и его аукционные залы станут именно таким местом.

Он снял бывший печатный склад на Пэлл Мэлл и открыл там свой аукцион. Место было выбрано с потрясающей пронизательностью. Джеймс как будто предвидел, что через несколько десятилетий Пэлл Мэлл будет центром антикварных магазинов, галерей, салонов и джентльменских клубов Лондона и символом высшего света. Первые торги Джеймс Кристи провел 5 декабря 1766 года. Пока прибыль была совсем невелика — чуть больше 76 фунтов. Но это стало лишь началом более чем двухвековой истории величайшего аукционного дома. У мистера Кристи все

получалось. Казалось, он уже родился с деревянным молоточком в руке, а его первое слово, которое он сказал, было, наверное, не «мама», а «продано»!

Джеймс Кристи был ярким человеком — прекрасный оратор, он умел убеждать людей в том, в чем ему хотелось. К примеру, мог уговорить купить вещь, совершенно вроде бы ненужную, от столового сервиза до гроба, за что получил прозвище «сладкоречивый лжец».

Несомненно, у Кристи был незаурядный коммерческий дар, коммерческая жилка. Он умел почувствовать, что способствует удаче в сделке, и очень рано понял, что «связи решают все». Вот почему окружил себя людьми, которые влияли тогда на общественные вкусы. Среди его близких друзей — Джошуа Рейнолдс, глава Королевской академии художеств, член парламента, а также известный романист и автор литературных мистификаций Гораций Уолпол, и, конечно же, актер и директор театра «Друри Лейн» Дэвид Гаррик, сумевший сделать профессию актера уважаемой в обществе. Публика его обожала, и многие ему подражали, перенимая стиль его одежды. В этот кружок вошел и Томас Гейнсборо, быстро ставший тут своим. А потом они учредили так называемое Christie's Fraternity — шуточное «Братство Кристи». Друзья помогали Кристи чувствовать непрерывно меняющиеся вкусы, определять

*Карл Фридрих
Абель*

конъюнктуру, или, как говорят сегодня, отслеживать тенденции на арт-рынке, улавливать предпочтения возможных покупателей — все то, что так или иначе определяет спрос. Они помогали ему, а он помогал им.

Однажды Гейнсборо попросил Кристи выгодно продать серию своих новых работ. Тогда мистер

Джеймс развесил картины друга в залах своего дома и созвал в гости всех их многочисленных знакомых. Так торги превратились в приятный вечер — певцы пели, поэты читали стихи, а желавшие могли посмотреть картины Гейнсборо и прикупить понравившиеся — к всеобщей выгоде.

Полезен оказался и Гейнсборо для Кристи. Поскольку они жили

*Автопортрет
с женой
Маргарет
и старшей
дочерью Мэри*

Справа:
*Портрет
Мэри
Гейнсборо,
дочери
художника*

очень близко, художник частенько заходил к своему приятелю — отдохнуть, поболтать, обсудить последние новости или просто побродить по залам аукциона, разглядывая картины, выставленные для продажи. Особенно он любил старинные полотна — видно, подмечал что-то нужное для собственной работы. А Кристи высоко ценил профессиональные советы и суж-

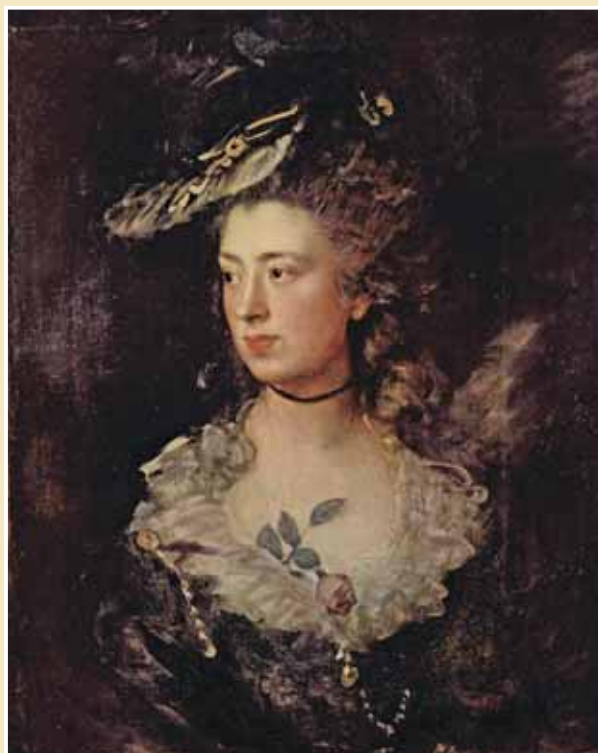
дения художника и всегда был рад, когда тот приходил к нему в гости. Иногда визиты Гейнсборо совпадали с торгами. И вскоре Джеймс заметил, что, когда Гейнсборо присутствует на аукционах, продажи существенно увеличиваются — на 15, а то и на 20 процентов. Гейнсборо, с его чувством юмора и обходительностью, был любимцем лондонской публики. Клиенты Кристи

обожают его шутки и с удовольствием смеялись, слушая очередную смешную байку художника, а потом, участвуя в торгах, как-то легче решались расстаться с некоей суммой. Они доставали кошельки и покупали приглянувшийся лот, пусть он и был им совсем не нужен. Но азарт — великая вещь! И возникает он лишь в определенной атмосфере, которую умный Кристи создавал на своих аукционах с помощью веселого Гейнсборо и других своих друзей.

В 1778 году Гейнсборо написал портрет Джеймса Кристи. Он удивительным образом сумел уловить суть этого человека — умного, практичного, обаятельного и достаточного циничного, чтобы стать успешным в бизнесе.

Художник полагал, что писать пейзажи гораздо сложнее, чем портреты, и именно пейзаж — жанр, который он считал для себя главным. А портреты создавались, как правило, на заказ, ради денег. Неслучайно на портрете Кристи держит в руках именно гейнсборовский пейзаж, словно рекламируя его. Сегодня это называется *cross-promotion* — взаимное продвижение товара. Сей сложный метод творцы искусства и его продавцы с успехом применяли уже в конце XVIII века.

Но на этом Кристи не останавливался. Он рано понял важность прессы и начал издавать иллюстрированный каталог лотов. Кроме того, он ввел традицию неформальных

вечерних предпросмотров выставленных на аукцион произведений — так увеличивалось количество жаждавших приобрести их.

У Кристи был еще один дар, который он использовал для возбуждения публики и подогрева интереса — он был блестящим оратором. Мистер Джеймс всегда сам вел торги, ярчайшим образом представляя лоты. И это тоже служило успеху его предприятия. Он знал, как подсыпать перца в огонь, как возбудить азарт, распалить эмоции, как сделать торги зрелищным и порой даже весьма нервным представлением. Его называли «королем эпитетов», а некоторые, ну, конечно, жалкие завистники, — «сладкоречивым лжецом». Чужой успех частенько портит настроение менее удачливым соперникам.

*Виконт
Лигонье*

Джеймс Кристи всегда говорил, что он — настоящий ценитель искусства, а потому на его аукционах выставляются только истинные шедевры — в отличие от других аукционов, к примеру, Sotheby's. Недаром возник афоризм «Christie's —

это джентльмены, прикидывающиеся аукционерами, а Sotheby's — аукционеры, прикидывающиеся джентльменами». Кристи понимал, что репутация — тоже товар, и ее нужно беречь. Однако человек слаб, и что не сделаешь ради хоро-

*Виконтесса
Лигонье*

шей прибыли... Известно, что и ему приходилось проводить сомнительные сделки. Так, он продал российской императрице Екатерине II, активно покупавшей через своих людей на аукционе Christie's шедевры старых мастеров, «кровавые драго-

ценности» Жанны Дюбарри, знаменитой фаворитки Людовика XV. Во время буржуазной революции во Франции она была арестована и казнена — 8 декабря 1793 года. Многие тогда говорили, что ее драгоценности попали на аукцион

*Портрет
Анны Форд*

Кристи непосредственно из рук палача. Однако Кристи всячески игнорировал эти слухи, ведь продажа роскошных украшений фаворитки французского короля сулила ему огромные барыши. И он не прогадал — это дело пополнило его капитал на 9 тысяч фунтов. Кстати, Эрмитаж во многом обязан своими высококлассными коллекциями

именно аукционному дому Christie's и лично Джеймсу Кристи. В последней трети XVIII века Екатерина II активно покупала для своего собрания европейскую живопись. Помогал ей в этом ответственном деле высокообразованный и хорошо знавший искусство князь Голицын. В это же время в Лондоне один из внуков британского премьер-министра Ро-

берта Уолпола, умершего в 1745 году, решил продать богатейшее собрание живописи деда — так называемую Хоутонскую коллекцию. Российская императрица велела сделать все, чтобы сокровища Уолпола попали в Россию. Однако просвещенное дворянство Англии не хотело выпустить из страны то, что считало своим национальным достоянием. Этот вопрос даже стал темой острейших дебатов в парламенте. Однако в Англии уже тогда работала рыночная экономика, и шедевры должны были попасть в руки тех, кто мог больше за них заплатить. В результате в 1779 году на аукционе Christie's представители русского престола приобрели коллекцию Уолпола за сумму около 40 тысяч фунтов. Так Эрмитаж получил 198 картин, и среди них — полотна Рубенса, Ван Дейка, Йорданса, Рембрандта, Снейдерса, Пуссена, Лоррена, Мурильо и других. До сих пор коллекция Уолпола считается самой большой потерей в истории британской культуры. Похоже, англичанам есть за что упрекнуть Джеймса Кристи, ну а мы можем смело сказать ему спасибо.

Когда коллекция Уолпола отправлялась в северную Пальмиру, столицу русской империи Санкт-Петербург, Томаса Гейнсборо уже не было в живых — художник умер 2 августа 1788 года от рака горла. Он работал до последнего дня. Перед самой смертью Гейнсборо навел на его вечный соперник Джошуа Рейнольдс. Гейнсборо так воодушевился его ви-

зитом, что принялся показывать свои последние работы — чудесные пейзажи. Часть еще была незакончена, и он надеялся, что найдет в себе силы завершить начатое. Но...

Джеймс Кристи пережил своего друга на 15 лет — он скончался в 1803 году, передав управление своим аукционным домом сыну, Джеймсу Кристи-младшему. Долгие годы в главном торговом зале на Пэлл Мэлл висел портрет его первого хозяина, написанный Томасом Гейнсборо. В 1856 году портрет продали, позже он сменил нескольких хозяев, пока в 1938 год его не купил известный американский промышленник и основатель музея Гетти, Жан Поль Гетти. Он выложил за картину 265 000 долларов. Немалая сумма по тем временам! Эта работа Гейнсборо, став первой крупной покупкой Гетти в области искусства, положила начало известной ныне коллекции музея Гетти.

А жизнь аукциона Christie's продолжается. Сегодня он имеет свои представительства почти во всех крупнейших городах мира. Christie's — один из лидеров (как и его конкурент Sotheby's) мировых продаж предметов искусства. Вместе они совершают 90 процентов всех сделок в мире арт-бизнеса. Вот такое блестящее продолжение получилось у дела, начатого бывшим моряком Джеймсом Кристи почти 250 лет назад в пыльном помещении печатного склада на лондонской улице Пэлл Мэлл. □

Георгий Кричевский

СТО ЛИЦ

Инны Чуриковой

Ее первой актерской работой после окончания Щепкинского училища стала Баба-яга в Театре юного зрителя. Позднее режиссер Глеб Панфилов обыграет этот ранний чуриковский образ в знаменитом фильме «Начало». Только, в отличие от фильма, в жизни начинающей актрисой никто не интересовался и в кинозвезды не приглашал. Эпизодик в забытой картине «Стряпуха» оставался ее единственным появлением на экране.

И вдруг все изменилось. Исполнительница одной из главных ролей в «Стряпухе», неотразимая Светлана Светличная брала робкую Инну с собой в разные компании, где все были парами, и только Чурикова постоянно одна, и очень переживала из-за этого. Однажды Светличная буквально заставила ее постричься «под мальчика» (в Европе такая женская прическа входила в моду, а у нас еще была в диковинку). «И через 15 минут, — вспоминала актриса, — с Инной случилось преобразование. Короткая стрижка подчеркнула ее прекрасные глаза, которые она раньше прятала за челкой.

Мы шли по улице, и все мужчины оборачивались нам вслед. Нет, не нам — ей! Когда мы вернулись домой, я достала из шкафа красную рубашку мужа и сказала: «Примерь!»... Вскоре, уже в новом образе, Инна поехала на пробы в Ленинград, где и познакомилась со своим будущим мужем Глебом Панфиловым. Вернулась, окрыленная любовью, и с этого момента царствует над всем миром».

Как и его художественный двойник в «Начале», Панфилов сразу разглядел в Чуриковой огромный актерский талант и темперамент. Однако ему пришлось сильно побороться за то, чтобы начать снимать Инну в своих картинах. Начальство предпочитало видеть на экране исключительно красивые женские лица. Сногшибательно сыгранные Чуриковой дебютные роли в панфиловских лентах «В огне брода нет» и «Начало» безоговорочно решили вопрос в ее пользу.

Крупный режиссер и прославленная актриса. Муж и жена. В шутку они называют себя «сиамскими близнецами». Она явилась его музой, и, благодаря ему, стала такой, какой мы ее знаем и любим.

С родителями

Обладательница высшей награды Берлинского кинофестиваля «Серебряный медведь» в категории «лучшая женская роль» за фильм «Военно-полевой роман», бессменная солистка ленкомовской труппы, Инна Михайловна Чурикова родилась в 1943 году в башкирском городе Белебей и росла в атмосфере, далекой от искусства. Ее отец служил в Академии сельского хозяйства, воевал. Мать была доктором биологических наук.

Потом родители разошлись, и в 1950 году мать с маленькой Инной поселились в Москве. О театре девочка начала мечтать еще в школе, но не верила, что мечта ее когда-нибудь сбудется. Училась хорошо. В старшем классе записалась в молодежную студию при Московском драматическом театре Станислав-

ского. И там ее школьная мечта начала осуществляться. Яркая характерная индивидуальность Чуриковой привлекла внимание одного из руководителей студии Л. Елагина. Он рекомендовал девушке поступать в театральный институт.

Экзамены в школе-студии МХАТ она благополучно провалила, в Щукинском училище тоже не выдержала приемных испытаний. А затем все-таки поступила в «Щепку». Ей повезло с добрыми вдумчивыми педагогами, которые помогли Инне овладеть профессией, придали уверенности в себе. Ее курс оказался дружным, актерская судьба ряда его выпускников сложилась удачно. А вот Чуриковой поначалу не повезло. По распределению ее направили «укреплять театральное искусство»... на Камчатку.

Инна отнеслась к этому спокойно, даже с некоторым оптимизмом — главное, ведь театр-то там есть. Мама, тем не менее, приложила все усилия к тому, чтобы дочь осталась в Москве, и скромную молодую актрису зачислили в труппу знаменитого московского ТЮЗа, где она прослужила почти три года. Поначалу выходила на сцену в эпизодах и массовых сценах, потом ей доверили роли в сказках «Трусохвостики», «Зайка-зазнайка», «Два клена». Ее работа в психологической драме «За тюремной стеной» заслужила похвалу критики. А дальше произошла судьбоносная встреча с Глебом Панфиловым.

«Смешная, неуклюжая, трогательная... В общем, актриса для эпизода. Такой она мне показалась тогда, на съемках "Я шагаю по Москве", — признается Никита Михалков. — А в итоге — великая русская актриса, я так считаю».

Замечательный фильм Георгия Данелия обозначил, наряду с театральными ролями, безусловное комедийное амплуа Инны Чуриковой. Но уже к концу службы в ТЮЗе это амплуа стало ей тесно. Она покинула театр и стала искать себя в кино.

В середине 60-х режиссеры еще не видели в Чуриковой большую драматическую актрису. В центральных ролях снимали Аллу Ларионову, Анастасию Вертинскую, Людмилу Чурсину, а Чурикова в «образ русской женщины» не вписывалась. Она оттачивала мастерство и находила все новые краски в маленьких эпизодах таких заметных картин, как «Тучи над Борском» В. Ордынского, «Неуловимые мстители» Э. Кеосаяна, «Старшая сестра» Г. Натансона, «Тридцать три» Г. Данелия.

Особенно запомнилась молодая актриса зрителям в киносказке Александра Роу «Морозко». Представьте, ее роль Марфуши в этой картине настолько тронула тогдашнего президента Чехословакии, что он торжественно вручил ей почетную медаль. И, наконец, в 1967 году настал черед ее Тани Теткиной, самоотверженной и гениальной сельской художницы из фильма «В огне брода нет», поразившей всех высочайшим жерт-

венным трагизмом. Панфилов задумал и снимал свою картину «на Чурикову». И не прогадал! Через три года она блистательно солировала у мужа в фильме «Начало».

Картина принесла им обоим мировую известность и стала визитной карточкой актрисы. Сложнейшая задача сыграть рядом с провинциальной фабричной девчонкой Пашей Строгановой не кого-нибудь, а саму Жанну д'Арк, освоиться в мрачном историческом пространстве «фильма в фильме» оказалась ей настолько по плечу, что Панфилов собирался затем посвятить народной французской героине с Чуриковой в главной роли самостоятельный фильм...

*К/ф
«В огне
нет брода»*

Справа:
*К/ф
«Начало»*

«Когда я училась, — рассказывает Инна Михайловна, — на меня постоянно нападало счастье». Это ощущение счастья от актерской игры, от хорошо выполняемой работы прорывалось на сцене и на экране, озаряя особым светом каждый создаваемый Чуриковой образ, придавая ему непостижимую магию.

В начале 70-х у Инны и Глеба, наконец-то, появилась небольшая двухкомнатная квартира в Ленинграде на Васильевском острове. «Мы были счастливы, — рассказывает режиссер. — Рядом с домом находился кинотеатр, в котором шел премьерный показ нашего фильма «Начало». Не скрою, я с волнением наблюдал за очередью, выстраивавшейся к кассам».

...А Инна Михайловна все готовилась к роли Жанны в большом историческом фильме, на который супруги очень надеялись. Ради этой роли она отказывалась от предложений в театре и в кино. Отказалась на время даже от возможности родить ребенка... Вживалась в написанный сценарий, записывала в тетрадку все маршруты военных походов своей будущей героини. Увы, руководству Госкино нужны были фильмы о героях-современниках, строителях коммунизма. Так проходили годы. Чурикова решила написать письмо тогдашнему министру кинематографии Ф. Ярмашу, на котором тот сделал пометку: «Чуриковой не отвечать». Панфилов ничего не

снимал, работал над новыми сценариями. Денег не было...

Неожиданно в 1973 году худрук Ленкома Марк Захаров пригласил Чурикову к себе в труппу. Муж актрисы не возражал. Началось ее второе творческое рождение. Олег Янковский, ведущий актер театра, подал Захарову идею дать Чуриковой главную женскую роль Нелле в спектакле о Тиле Уленшпигеле. Спектакль имел ошеломляющий успех, и вскоре зритель пошел в театр «на Чурикову».

Через несколько лет Инна Михайловна узнала, что станет мамой. Ей уже было за тридцать, и о ребенке она давно мечтала. Сын Иван еще теснее сплотил супругов. Близкая подруга и коллега Чуриковой Лия Ахеджакова говорит, что для этой

любимицы публики, которая теперь была нарасхват, важнее маленького сына ничего не существовало. Она оказалась поистине сумасшедшей матерью, и мужу порой приходилось ее унимать. Но без работы Чурикова существовать не могла и вскоре вернулась в театр. Часто брала туда с собой Ванечку, а в одном спектакле он даже выходил с нею на сцену. Роль малолетнего сына героини ребенок сыграл также в мощной экранизации Панфилова горьковской «Вассы Железновой». Глеб Анатольевич рассказывал однажды, что, соскучившись по отсутствовавшей на съемках или в театре маме, их Ванечка, пока папа работал в кабинете, ставил видеокассету с фильмом «Васса» и в конце обычно начинал громко

всхлипывать, так что папа ему эту кассету ставить запретил.

Васса открыла еще одну грань актерского дарования Чуриковой — трагизм, поднимающийся до вершин художественного обобщения. Характерная актриса предстает в этой картине той исторической героиней, переживающей глубокую внутреннюю трагедию, какой ей не пришлось явиться в несостоявшемся фильме мужа о Жанне д'Арк.

Не стоит думать, что удивительные чуриковские перевоплощения давались актрисе легко, одним только божьим даром. Инна Михайловна — человек постоянно сомневающийся, невероятно требовательный к себе. Так называемое «зерно роли», внешний облик персонажа, выразительные черточки, мимику, жесты она зачастую продолжала искать и тогда, когда режиссер уже был всем удовлетворен. И так — от спектакля к спектаклю, от одного съемочного дня к следующему. По-другому эта уникальная актриса работать просто не умеет.

В любимой всеми поколениями зрителей, нестареющей сатирической комедии Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» режиссер предложил Чуриковой, игравшей брошенную жену главного героя, в одной из сцен отвести пощечину великовозрастному сыну-балбесу. И она, как мы помним, довела эту идею до совершенства, раз за разом по всякому поводу «прикладывая» бедного Ярмольника. А в результате создала разительный кон-

траст мужского характера баронессы и ее безвольного отпрыска.

Завистники шептались о том, как ей повезло, заполучив в мужа маститого кинорежиссера, который снимает жену в каждом своем новом фильме. На это Глеб Панфилов откровенно ответил в одном интервью: «Всякий раз, предлагая Инне Михайловне роль в своей картине, я подолгу убеждал актрису, что вижу в этой роли только ее». Так было и с «Вассой», и с фильмом «Слово для защиты», где она с блеском исполнила роль председательницы горисполкома, свято верящей в идеалы социализма.

«Ну, какой из Инны руководитель! — шутит Глеб Анатольевич. — Она ведь, еще будучи секретарем комсомольской организации в ТюЗе, даже членские взносы не могла толком собрать и доплачивала их из собственных денег... Но есть в ней «мягкая сила», которая действенней стального топора». Эта «мягкая сила» придавала неповторимое своеобразие экранным образам Чуриковой накануне и в годы перестройки, когда кинобюджеты заметно оскудели, фильмов выпускалось мало, а видные актеры и актрисы сидели без работы. И только ее, перешедшую в новую «возрастную категорию», снимали безостановочно. Галерею этих киноработ Инны Михайловны открывает «Военно-полевой роман» Петра Тодоровского. За ним последовали «Мертвые души» («дама, приятная во всех отношениях»), «Курьер» (Лидия

Алексеевна), «Девушка в голубом» (Ира), «Мать» (Ниловна), «Ребро Адама» (экскурсовод Нина Елизаровна), «Плащ Казановы» (Хлоя) и другие.

Сегодня мы пересматриваем большинство этих фильмов именно потому, что в них сыграла Инна Чурикова. Каждая ее роль не похожа

на предыдущую. Это всегда новая высота, новый внешний и внутренний облик, новый человеческий тип и характер. Однако даже она, рвущаяся к актерской новизне и эксперименту, призадумалась, когда в 1994 году Андрей Кончаловский предложил ей главную роль в совершенно

К/ф
«Тот самый
Мюнхгаузен»

Справа:
К/ф
«Морозко»

необычной сатирической трагикомедии с элементами фантастики «Курочка Ряба».

Фильм являлся второй частью своеобразной диалогии режиссера о русской деревне. В первой картине, романтической драме «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (1966 г.) сыграла Ия Савина. На нее Кончаловский писал и сценарий второго фильма. Но актриса посчитала для себя невозможным принять в нем участие. Чурикова, в итоге, согласилась. При всей разноплановости освоенных ею и в кино и в театре характеров, такую женщину ей играть еще не

приходилось. Простая деревенская баба, но с тайным внутренним миром, верящая в чудеса и разговаривающая по ночам с единственным близким существом, пеструшкой, вырастающей в ее глазах до человеческих размеров. Чудачка, несущая в душе жажду добра и справедливости, но готовая пустить в ход случайно подобранный автомат...

Неузнаваема Чурикова в этой роли и чисто внешне. Нелепые кудряшки, обветренное, постаревшее и расплывшееся лицо, застывшие фанатичные глаза. Их взгляда не выдержала однажды вторая героиня фильма — Курочка Ряба, с которой Инна Михай-

ловна подолгу репетировала совместные сцены, и в конце смены клюнула актрису в глаз. Ночью срочно повезли ее в районную больницу. Слава богу, рана оказалась несерьезной.

В театре Инна Чурикова со временем легко переключилась на возрастные роли и никогда не искала для себя «средство Макропулоса». Настал день, когда она сама пришла в кабинет Марка Захарова и отказалась от своей коронной роли Нелле в гориновском «Тиле». «Такое для актрисы-примы — большая редкость», — говорит Марк Анатольевич. Но при этом она продолжает приезжать в театр задолго до начала спектакля, в котором занята, и по-прежнему репетирует наравне с молодыми, без всяких поблажек.

Аркадина в «Чайке», Фекла Ивановна в «Женитьбе», Филумена в «Городе миллионеров» Эдуардо де Филиппо, Алионора Аквитанская в «Аквитанской львице» по мотивам пьесы Голмена «Лев зимой», бабушка в спектакле «Ложь во спасение» — таков не полный перечень сценических работ Инны Михайловны за последние годы. В ее репертуаре — еще одна незабываемая бабушка из «Варвара и еретика», заразившаяся на водах страстью к рулетке (инсценировка «Игрока» Достоевского).

Вышедшая на пенсию чудаковатая театральная звезда в известном фильме Станислава Говорухина «Благословите женщину», приехавшая доживать свой век к любимой ей героине картины в юж-

ный приморский город, похожа на саму Чурикову общностью профессии, открытостью, добротой и какой-то трогательной беззащитностью. Творческое долголетие актрисы — закономерное следствие ее молодости души, жизнелюбия, ее «мягкой силы» и, конечно же, неисчерпаемости таланта.

Его она в полной мере продемонстрировала в многосерийной экранизации «Идиота» В. Бортко, сыграв сложнейшую роль генеральши Епанчиной и порадовав нас новым глубоким постижением образов Достоевского.

Фильм и сериал вышли в одном и том же 2003 году, и остается удив-

латься запасу сил актрисы, которая смогла одновременно работать над двумя такими разными и потребовавшими полной душевной отдачи ролями. А она без передышки «окунулась» на следующий год в телеэпопею «Московская сага», снятую по мотивам одноименной трилогии Василия Аксенова, где Инна Михайловна сыграла главу семейства героев сериала, Екатерину Градову. А за ней через год последовала роль трагической героини, жены Герасимова, «В круге первом», телеромане по одноименному произведению Александра Солженицына. В кропотливой работе над ролью в этом многосерийном телефильме Чурикова после затянувшегося перерыва вновь встретилась с режиссером всей своей жизни — Глебом Панфиловым.

Он рассказывал, что, приступая к фильму, возил Солженицыну альбом с фотографиями будущих исполнителей главных ролей. И этого было достаточно, чтобы Александр Исаевич дал «добро». Ему пришлось по душе идея снимать Евгения Миронова в роли Глеба Нержина, которого автор романа писал с себя. Галина Вишневская, приютившая в свое время бездомного писателя у себя на даче, говорила: «Как похож Миронов на молодого Солженицына». Столь же безошибочным оказался и выбор на одну из ключевых женских ролей Инны Чуриковой.

Супруги были счастливы работать вместе, однако Глеб Григорьевич на площадке оставался к люби-

мой жене столь же требовательным, как и раньше. Случалось, они бурно спорили, даже ссорились, но всегда вскоре мирились, и заботливая Инна Михайловна отправлялась кормить мужа чем-нибудь вкусненьким, к вящему удовольствию съемочной группы.

Вскоре они переехали в загородный дом, где им очень не хватает выросшего сына. Красавец Иван окончил в Лондоне престижную актерскую школу, а в 2008 году с успехом снялся в фильме отца «Без вины виноватые» по пьесе А. Островского. Получился настоящий «семейный подряд»: Чурикова играла известную актрису Кручинину, а Иван — провинциального актера Незнамова, узнающего, что она его мать. Несмотря на успешный дебют, Иван Панфилов по стопам Инны Михайловны не пошел и занялся ресторанным бизнесом за рубежом, поэтому родителей ему удастся навещать не часто.

Он посадил в их саду несколько яблонь и вишен, в тени которых Чурикова любит, прогуливаясь, разучивать новые роли. Теперь это требует от нее больше сил и времени. Когда муж свободен, то спускается в сад и подает ей реплики за партнеров. Режиссеров Чурикова выбирает особенно придирчиво, но уж если кому доверится, идет за ним без оглядки.

Так произошло, когда в 2011 году Никита Михалков пригласил ее на крошечный эпизод в киноэпо-

пее «Утомленные солнцем-2: Цитадель». В разгар войны одинокая старуха, потерявшая всех близких и при этом сохранившая сердечное тепло и щедрость души, совершает, казалось бы, немислимый поступок — выхаживает и спасает лишившегося рассудка немецкого солдата. Всего лишь несколько минут видим мы с ним героиню Чуриковой в обгорелом ватнике на перекрестке дорог за околицей села, перед колонной устремившихся к победе советских танков. Полубезумный немец в ефрейторской форме приветственно машет им регулировочным жезлом, указывая направление на Запад. А старуха, страшась за него, делает похожие жесты и объясняет нашему офицеру, что ее питомец не

опасен. Невозможно забыть почерневшее, совершенно неузнаваемое лицо Чуриковой в этой роли, полные боли и надежды глаза актрисы, рвущиеся из груди сбивчивые слова... Такая микросцена стоит целого фильма! Глеб Панфилов был тогда на съемках рядом с женой, следил, чтобы та не простудилась, тактично помогал советами, а сам Михалков был только рад его присутствию.

Как ни крути, а годы все же дают себя знать. В последнее время 80-летнему Глебу Анатольевичу все чаще приходилось страховать перешагнувшую порог 70-летия Инну Михайловну. Будучи настоящим мужчиной и ведущим в их семейном тандеме, он справляется. Хотя и не всегда.

Слева:

*К/ф
«Васса»
(Инна Чурикова
с сыном Иваном
Панфиловым)*

*К/ф
«Военно-
полевой
роман»*

Вот недавно Чурикову угораздило сломать сразу обе руки. Поправлялась долго, но держалась стойко, с присущим ей юмором. Едва сняли гипс, вышла на сцену, поехала сниматься... В предложениях у нее по-прежнему недостатка нет.

Вкус к острохарактерным ролям актриса не утратила. Достаточно вспомнить ее уморительную Прасковью Алексеевну Кроликову из комедии Владимира Меньшова «Шырлымырли» или лихую Инессу в рязановской «Карнавальной ночи-2».

Эта многоликая актриса способна одним своим присутствием «вытянуть» любую картину (ведь по сценарию не угадаешь, какой в итоге она окажется). Но вот с «караоке-комедией» «Самый лучший день»

режиссера Ж. Крыжовникова (2015) Чуриковой явно повезло. Фильм стал самым кассовым в России по итогам прошлого года и собрал в прокате более десяти с половиной миллионов долларов. Этим он во многом обязан актерскому ансамблю во главе с любимцем публики Дмитрием Нагиевым, сыгравшем нелепого сотрудника ДПС Петю Васютина, у которого никак не получается жениться на любимой девушке. Под стать ему — заботливо-придирчивая мамаша в гротесковом исполнении Инны Чуриковой.

...2016 год едва успел вступить в свои права, а Инна Михайловна уже снова на съемочной площадке. На этот раз она приняла участие в экранизации шпионского историче-

ского детектива А. Звягинцева «На веки вечные» (режиссер И. Зайцев). Фильм рассказывает о борьбе советских контрразведчиков с теми, кто пытался спасти некоторых из нацистских преступников от грядущего возмездия на Нюрнбергском процессе.

Ныне полюбившиеся зрителям антрепризы Инны Михайловны на сцене Театра Ленинского комсомола

стали реже — «Овечка», «Старая дева», «Смешанные чувства». Зато она неожиданно проявила себя в качестве кинодраматурга, выступив соавтором большого художественного фильма Глеба Панфилова «Романовы. Венценосная семья» и озвучила в нем британскую актрису Л. Белингем, которая сыграла роль императрицы Александры Федоровны. Фильм предлагает версию послед-

*С мужем
Глебом
Панфиловым*

Справа:
*Инна Чурикова
с мужем —
Глебом
Панфиловым
и сыном Иваном
Панфиловым*

них полутора лет жизни Николая II и его семьи — от Февральской революции до расстрела в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Заключительные кадры переносят нас на 82 года вперед, к моменту церковной канонизации последнего царя.

Неоднократный лауреат кинопремий «Триумф», «Ника» и «Золотой орел», Государственной премии Российской Федерации, престижных театральных премий «Золотая маска» и «Хрустальная Турандот», кавалер Ордена «За заслуги перед Отечеством» трех степеней, офицер Ордена искусств и литературы Франции, народная артистка СССР и России, Инна Михайловна Чурикова, при всем многообразии творческих дел и занятий, по приро-

де своей человек абсолютно несуетный и глубоко домашний. Во время съемки приуроченного к ее юбилею документального телефильма на Первом канале умудрилась, рассказывая о себе, накрывать стол для съемочной группы из 20 человек. И в то же время она, как никто, умеет сохранять дистанцию между собой и окружающими, оберегая свой внутренний мир.

Исключения составляют ненаглядный муж, обожаемый сын и несколько близких друзей. С Лией Ахеджаковой закатывается от хохота, болтая по телефону. Предпочитает никуда не спешить. Постоянно читает. Любит собирать грибы и просто бродить в лесу. А еще — смотреть на звезды.

К счастью, занавес для нее не закрывается и экран не гаснет... □

С.П. БОТКИН

Светлана Бестужева-Лада

**Еще один
из плеяды великих
русских врачей,
выведших
российскую
медицину из почти
средневекового
состояния в одну
из наиболее
развитых в мире.**

Родился Сергей Петрович 17 сентября 1832 года в Москве, в семье купца первой гильдии и владельца крупной чайной фирмы Петра Кононовича Боткина. В двух браках у Петра Кононовича родилось четырнадцать детей, Сергей был одиннадцатым ребенком от второго брака.

Отец в воспитание своих многочисленных отпрысков не вмешивался, предоставив эту честь старшему сыну Василию. Мать заметной роли в семье не играла. Сергей до пятнадцатилетнего возраста учился в своем «домашнем университете», где его учителями были старший брат — известный литератор, и его друзья — Грановский, Белинский, Герцен.

Тогда же Сергей познакомился с взглядами философского кружка Станкевича, Белинского и Герцена, собиравшихся в доме Боткиных.

ЛУЧШИЙ ДИАГНОСТ РОССИИ

Сергей Петрович Боткин — выдающийся врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления русской научной клинической медицины, крупный общественный деятель, надворный советник, лейб-медик императрицы Марии Александровны... Именно он впервые открыл и описал вирусный гепатит, называемый иногда «болезнью Боткина». Именно он создал первую бесплатную больницу, и его именем названа известная всем больница в Москве.

Но все давалось не сразу и не просто...

(Кстати, Герцен впоследствии лечился у уже известного доктора Боткина от диабета.)

На одной из сестер Боткиных был женат поэт Афанасий Афанасьевич Фет, на другой — профессор университета Пикулин.

В 1847 году Сергей поступил полупансионером в частный пансион Эннеса. Эльзасец Эннес славился умением подбирать учителей среди молодых кандидатов, только что окончивших курс в Московском университете.

«В описываемое время учителями пансиона были молодые люди, не заезженные рутинной, с юношеской горячностью относящиеся к преподаванию, а потому легко зажигали страсти к своим предметам в ученических головах», — писал друг Боткина Белоголовый в своих воспоминаниях.

Больше всего Сергея Боткина привлекала математика, которая *«наиболее соответствовала логическому складу его ума, искавшему уже и тогда в приобретаемых знаниях наибольшей точности и ясности».*

В пансионе Боткин находился с восьми часов утра до семи вечера, готовя уроки вместе с Белоголовым. Но продолжал занятия еще и дома, читал в подлиннике французскую литературу, сидел над учебниками латыни.

К поступлению в Московский университет Сергей готовился у студента-математика А.Ф. Мерчинского. Возможно, он не отказался бы от математики ради медицины, но возникли неожиданные обстоятельства: с мая 1849 года по высочайшему указу был ограничен прием на все отделения университета, кроме медицинского. Через год Боткин стал студентом медицинского факультета.

Учился он у известных профессоров — физиолога И.Т. Глебова, патолога А.И. Полунина, хирурга Ф.И. Иноземцева, терапевта И.В. Варвинского. В период учебы близко

познакомился со своим сокурсником И.М. Сеченовым, во время их пребывания за границей после окончания университета эти отношения переросли в тесную дружбу. Летом 1854 года участвовал в ликвидации эпидемии холеры в Москве.

В 1855 году с отличием окончил университет со званием «лекаря». Это был самый разгар Севастопольской кампании, и С.П. Боткин немедленно был послан за счет великой княгини Елены Павловны на театр военных действий, где работал в Бахчисарайском лазарете великой княгини под руководством Н.И. Пирогова, от которого заслужил весьма лестный отзыв.

После окончания войны Боткин был отправлен за границу для усовершенствования. Он работал во всех лучших клиниках и лабораториях: в Париже — у Клод-Бернара,

*Дом, в котором родился С.П. Боткин —
Москва, Земляной вал, 35*

в Берлине — в клиниках у знаменитого профессора Траубе, в патолого-анатомическом институте Вирхова и в лаборатории HoppeSeyler'a.

В 1859 году Сергей Петрович женился на Анастасии Александровне Крыловой, дочери московского чиновника, которая через год родила сына Александра (в будущем — морского офицера). Через шесть лет родился еще один сын — Петр (в будущем — дипломат) и почти сразу за ним третий сын — Сергей. Самый младший, Евгений Боткин, лейб-медик, лечащий врач семьи императора Николая II, погиб вместе с ней.

К сожалению, у Анастасии Александровны обнаружилось острое малокровие, и сделать было уже ничего нельзя. Ее здоровье катастрофически ухудшалось, и в 1873 году она умерла.

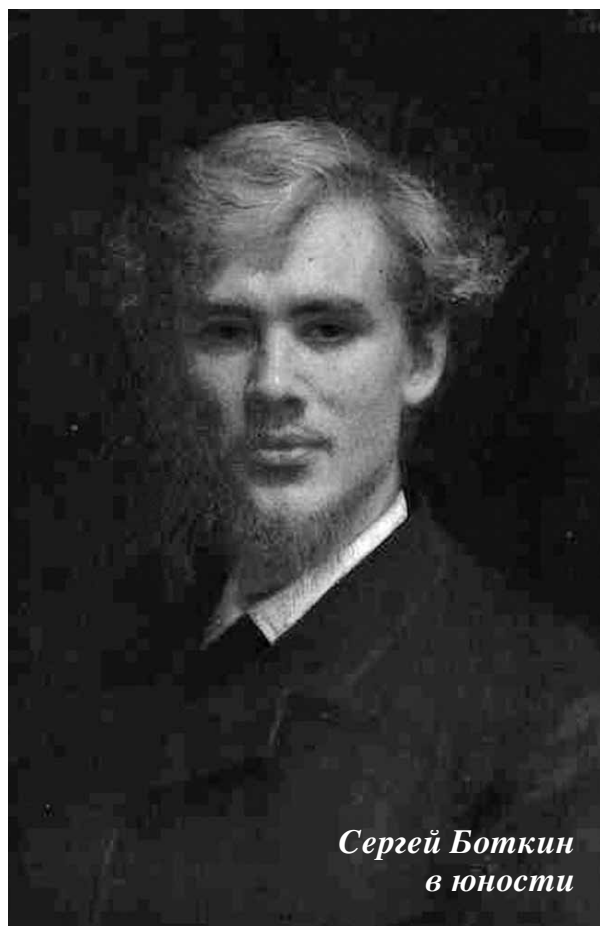
Второй раз Боткин женился на Екатерине Алексеевне Оболенской, дочери князя Оболенского. Она родила ему сына Виктора.

Но вернемся от дел семейных к делам служебным.

Вернувшись в Россию, Боткин был приглашен президентом медико-хирургической академии Дубовицким в клинику терапии Медико-хирургической академии в Петербурге в качестве адъюнкта к профессору Шипулинскому.

Незадолго до этого он защитил докторскую диссертацию на тему: «О всасывании жира в кишках».

Вскоре, однако, отношения Боткина и Шипулинского испортились,

*Сергей Боткин
в юности*

и последний был вынужден подать в отставку. Однако конференция академии не хотела передавать руководство клиникой талантливому Боткину, и только письмо от студентов и врачей позволило ему занять освободившуюся должность в 1861 году. В возрасте 29 лет он получил звание профессора.

Вышедшие из клиники ученики Боткина вскоре возглавили собственные кафедры: Н.А. Виноградов — в Казанском университете, В.Т. Покровский — в Киевском университете, В.Г. Лашкевич — в Харьковском, а Л.В. Попов — в Варшавском.

В 1865 году Боткин выступил инициатором создания эпидемиологического общества, целью которого

была борьба с распространением эпидемических заболеваний. Общество было малочисленным, но деятельным, его печатным органом был «Эпидемический листок». В рамках работы общества Боткин изучал эпидемию чумы, холеры, тифов, натуральной оспы, дифтерии и скарлатины.

Наблюдая заболевания печени, протекающие с высокой температурой, он впервые описал болезнь, которую до него считали желудочно-кишечным катаром с механической задержкой желчи. Заболевание это проявлялось не только желтухой, но и увеличением селезенки, иногда заболеванием почек.

Болезнь, как указывал С.П. Боткин, тянется несколько недель, в дальнейшем может привести к тяжелейшему осложнению — циррозу печени. Отыскивая причины болезни, Сергей Петрович пришел к выводу, что источником заражения служат загрязненные пищевые продукты. Этот вид катаральной желтухи он отнес к инфекционным болезням, что и было подтверждено в дальнейшем (болезнь Боткина, вирусный гепатит А).

Боткин стоял у истоков женского медицинского образования в России. В 1874 году он организовал школу фельдшериц, а в 1876 году — «Женские врачебные курсы».

Активная жизненная позиция, интерес к общественной деятельности позволили врачебной общественности избрать С.П. Боткина в 1878 году председателем Общества русских

врачей, которым он руководил до своей кончины. Одновременно с этим он являлся членом главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, гласным петербургской думы и заместителем председателя Комиссии общественного здоровья Санкт-Петербурга.

Известность и врачебный талант сыграли свою роль, и С.П. Боткин стал первым в истории русским лейб-медиком семьи самого императора, чего никогда не случалось прежде — лейб-медиками были только иностранцы.

Чтобы оценить значение Боткина, необходимо припомнить, в каком положении находились русские врачи и русская медицина во время его деятельности. По словам историка медицины Е.А. Головина, *«...медицинские кафедры во всех русских университетах были заняты людьми, лучшие из которых не выходили за уровень посредственности. Ученым считали уже того, кому удавалось перевести с иностранного на русский язык или кое-как скомпилировать какое-нибудь руководство по лечению болезней. Большинство преподавателей повторяло из года в год одни и те же, раз и навсегда заученные лекции, сообщая порой сведения чуть ли не времен Средневековья. В своих лекциях одни клиницисты вещали, что печень есть «много раз свернутый кишечный канал», другие разглагольствовали о молоке, всасываемом в кровь в послеродовом периоде, и тому подобное».*

Научной медицины не было, практическая медицина находилась в руках больничных врачей, которые преимущественно были немцами, особенно в петербургских больницах. Записи о ходе болезни велись на немецком языке, и бывали случаи, когда врачи просто не могли объясняться со своими пациентами по-русски. В обществе невольно сложилось убеждение, будто хорошо могут лечить только врачи-иностранцы, поэтому не только представители высшего общества, но и богатые купцы, и даже зажиточные ремесленники лечились только у врачей-немцев.

дувание ошибок, несправедливые наветы, клевету...

Несмотря ни на что, он неутомимо продолжал свою врачебную деятельность. Кроме того, стал попечителем по врачебной части Александровской барачной больницы. (Отсюда и появилось название «Боткинские бараки», ныне клиническая инфекционная больница им. С.П. Боткина.) Во многом именно благодаря ему появилась первая санитарная карета, как прообраз будущей «Скорой помощи».

С.П. Боткину выпало редкое счастье выступить на поприще общественной деятельности в один из луч-

К

поступлению в Московский университет Сергей готовился у студента-математика А.Ф. Мерчинского. Возможно, он не отказался бы от математики ради медицины, но в том году, по высочайшему указу, был ограничен прием на все отделения университета, кроме медицинского. Боткин стал студентом медицинского факультета, а через шесть лет окончил его со званием «лекаря с отличием»

С появлением Боткина положение понемногу начало меняться: пришла могучая молодая сила, пылкий аналитический ум. Естественно, что объявивший войну рутине человек далеко не всем пришелся по душе. Как говорится, не велик тот, в кого не бросают грязью. Сергею Петровичу пришлось испытать общую участь всех первопроходцев: зависть, раз-

ших моментов исторической жизни России, после Крымской кампании, когда все сферы общественной жизни были охвачены лихорадочной деятельностью, когда новые веяния внесли стремление к переустройству всего общественного и государственного быта. Все это также коснулось и медико-хирургической академии.

В то время в лаборатории клиники работала масса молодых людей по различным вопросам научной и практической медицины. С.П. Боткин создал целую школу учеников, из которых более 20 человек занимали и занимают по настоящее время кафедры по частной патологии и терапии в различных университетах России. Из них многие приобрели известность, как, например, покойный профессор Кошляков, профессор В.А. Манассеин, Полотебнов, Стольников и многие другие.

В начале 60-х годов С.П. Боткин был назначен совещательным членом медицинского совета министерства внутренних дел и военно-медицинского ученого комитета, с 1873 года — почетным лейб-медиком. Тогда же он был избран председателем общества русских врачей в Санкт-Петербурге.

И.М. Сеченов писал в своем дневнике:

«Для Боткина здоровых людей не существовало, и всякий приближавшийся к нему человек интересовал его едва ли, не прежде всего, как

больной. Он присматривался к походке и движениям лица, прислушивался, я думаю, даже к разговору. Тонкая диагностика была его страстью, и в приобретении способов к ней он упражнялся столько же, как артисты вроде Антона Рубинштейна упражняются в своем искусстве перед концертами.

Раз, в начале своей профессорской карьеры, он взял меня оценщиком его умения различать звуки молоточка по плессиметру. Становясь посередине большой комнаты с зажмуренными глазами, он велел поворачивать себя вокруг продольной оси несколько раз, чтобы не знать положения, в котором остановился, и затем, стуча молотком по плессиметру, указывал, обращен ли плессиметр к сплошной стене, стене с окнами, к открытой двери в другую комнату или даже к печке с открытой заслонкой».

После этого случая о поразительной диагностической интуиции Боткина ходили легенды. Его имя сразу стало популярным и за стенами академии. Посыпались приглашения к тяжелым больным как со стороны врачей, ему сочувствующих, так и со стороны враждебно настроенных.

Профессор С.П. Боткин первым в России создал при своей клинике экспериментальную лабораторию, где производил физические и химические анализы и исследовал физиологическое и фармакологическое действие лекарственных веществ. Изучал также вопросы физиологии

и патологии организма, искусственно воспроизводил на животных аневризму аорты, нефрит, трофические расстройства кожи с целью раскрыть их закономерности. Вместе с тем, он подчеркивал, что клиницист может только до известной степени переносить на человека данные, получаемые в результате опыта на животных.

Исследования, проведенные в лаборатории Боткина, положили начало экспериментальной фармакологии, терапии и патологии в русской медицине. Эта лаборатория была зародышем крупнейшего научно-исследовательского медицинского учреждения — Института экспериментальной медицины.

Сергей Петрович также впервые широко использовал лабораторные исследования (биохимические, микробиологические), ввел измерение температуры тела термометром, аускультацию, перкуссию, осмотр больного и многое другое. С беспристрастностью судебного следователя он собирал и анализировал собранные данные и давал студентам стройную картину болезненного процесса.

До Боткина большинство выпускников академии постепенно увядало в захолустьях, он же старался выдвинуть своих учеников в петербургские больницы. Так открылся доступ для русских врачей, до того времени закрытый или затрудненный для них до крайности.

Одним из важнейших периодов развития медицины вообще и рус-

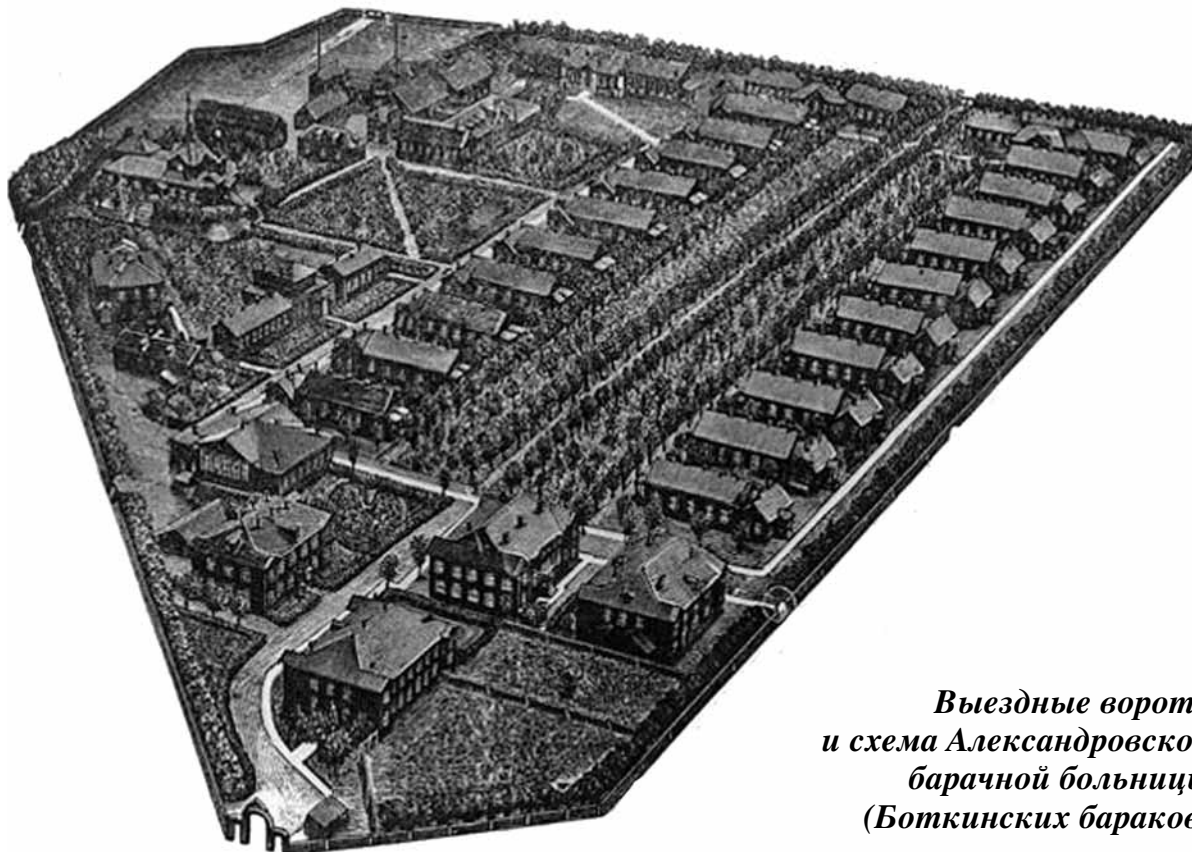

ской в частности являются 1856-1875 годы. Такой сравнительно короткий отрезок времени объясняется двумя важными обстоятельствами в истории медицины. Во-первых, именно в это время с полной очевидностью обнаружилась несостоятельность гуморальной теории, той теории, которая почти безраздельно властвовала как в западноевропейской, так и в русской медицине с начала и до середины XIX столетия, и философия которой учила:

«Первый деятель в нашем организме есть жизненная сила, самостоятельно образующая материю, и ее формирующая — это начало не-весомое, неуловимое, проявление вечно деятельного, вечно движимо-

го духа, для которого организм всего лишь земная оболочка».

Во-вторых, обнаружилась несостоятельность гуморальной теории и возникла потребность в новой теории медицины. Так и произошло, причем почти одновременно сразу в двух странах: в России и Германии. В России новую теорию представил Боткин, в Германии — Virchow. По своему содержанию это две совершенно разные теории. Теория Virхова основывалась на учении о клетке, теория Боткина — на учении о рефлексе. Обе теории легли в основу двух разных направлений в медицине: теория Virхова положила начало анатомическому, или «локалистическому», направлению, теория Боткина — физиологическому, или функциональному.

*Выездные ворота
и схема Александровской
барачной больницы
(Боткинских барачков)*

Свои взгляды по вопросам медицины Сергей Петрович Боткин изложил в трех выпусках «Курса клиники внутренних болезней» и в 35 лекциях, записанных и изданных его учениками. Он был истинным новатором, совершившим переворот в медицинской науке, творцом естественно-исторического и патогенетического метода в диагностике и лечении и основоположником научной клинической медицины.

В своих воззрениях С.П. Боткин исходил из понимания организма как целого, находящегося в неразрывной связи с окружающей его средой. Эта связь, прежде всего, выражается в форме обмена веществ между организмом и средой. Благодаря обмену организм живет

и сохраняет известную самостоятельность по отношению к среде и вырабатывает в себе новые свойства, которые, закрепляясь, передаются по наследству. Он связывал происхождение болезни с причиной, которая всегда обуславливается исключительно внешней средой, действующей непосредственно на организм или через его предков.

Центральным ядром клинической концепции Боткина является учение о внутренних механизмах развертывания патологического процесса в организме (учение о патогенезе). Сергей Петрович исходил из учения И.М. Сеченова о том, что анатомо-физиологическим субстратом всех актов человеческой деятельности

является механизм рефлекса. Развивая эту теорию, он выдвинул предположение, что и патологические процессы внутри организма развиваются по рефлекторным нервным путям.

Так как в рефлекторном акте главным членом является тот или иной узел центральной нервной системы, то Боткин большое внимание уделял исследованию различных центров головного мозга. Он экспериментально открыл центр пототделения, центр рефлекторных воз-

действий на селезенку, центр лимфообращения и кроветворения, показал значение всех этих центров в развитии соответствующих заболеваний и тем доказал правоту неврогенной теории патогенеза. Исходя из этой теории, он начал строить и новую теорию лечения (воздействие на лечение болезни через нервные центры), но не успел развить ее до конца.

Сергей Петрович был первым врачом, избранным в думу, был он и

заместителем председателя Комиссии общественного здоровья. В 1886 году его выбрали председателем Комиссии по вопросу улучшения санитарных условий и уменьшения смертности в России. Он попробовал реформировать всю систему здравоохранения, но не было для этого ни людей, ни денег, ни лекарств, ни нужной статистики.

В 1877 году Сергею Петровичу присвоили звание тайного советника

ответственных учреждений, в качестве гласного Городской думы.

Со времени перехода больниц в ведение города он постоянно работал во вновь учрежденных санитарной и больничной комиссиях. По его инициативе и указаниям стало улучшаться содержание больниц, он приступил к устройству новых — общины св. Георгия и Александровской барачной больницы. Кроме того, им же было обращено

В

1859 году Сергей Петрович женился на Анастасии Александровне Крыловой, дочери московского чиновника, которая уже через год родила сына Александра (в будущем — морского офицера). Через шесть лет родился еще один сын — Петр (в будущем — дипломат) и почти сразу за ним — третий сын Сергей, затем четвертый — Евгений. Самый младший — Евгений Боткин, лейб-медик, был лечащим врачом семьи императора Николая II и во время расстрела погиб вместе с ней

и, назначив лейб-медиком Императорского двора, поручили лечить государыню императрицу, серьезно заболевшую. Сергею Петровичу удалось восстановить ее угасавшие силы и на много лет продлить ей жизнь. При дворе, как и везде, он скоро приобрел доверие и любовь и получил свободный доступ к царской семье, у которой пользовался расположением.

Чрезвычайно плодотворна была деятельность С.П. Боткина в обще-

внимание на недостаточность врачебной помощи среди неимущего класса столичного населения, Городская дума, по его предложению, устроила институт думских врачей.

Особенно значительны достижения С.П. Боткина в области изучения заболеваний сердечно-сосудистой системы. Изучая клинику артериосклероза, С.П. Боткин доказал, что это заболевание обычно приводит к поражению сердечной мышцы с по-

Много было сделано С.П. Боткиным и для изучения ревматических заболеваний. По поводу ревматического эндокардита он указывал врачам, что к диагностике этого заболевания не следует подходить так легкомысленно, как французский клиницист Буйо, находивший эндокардит в 60% случаев суставного ревматизма. Часто развитие систолического шума бывает связано с поражением папиллярных мышц и их ослаблением, а совсем не с наличием эндокардита.

Диагноз блуждающей почки был известен и до Боткина, но только он внес ясность в клинику этого забо-

И

следования, проведенные в лаборатории Боткина, положили начало экспериментальной фармакологии, терапии и патологии в русской медицине. Эта лаборатория была зародышем крупнейшего научно-исследовательского медицинского учреждения — Института экспериментальной медицины

следующим расстройством компенсации. В области периферического кровообращения С.П. Боткин открыл новую страницу врачебной науки. Он указывал, что артерии и вены не являются простыми механическими аппаратами для распределения крови, а представляют собой самостоятельные, периодически сокращающиеся и расширяющиеся кровеносные органы.

левания. Показал путь к правильной диагностике и объединил в одно целое ряд явлений, ошибочно связывавшихся с сердцем, печенью и другими органами. Им был предложен особый метод осмотра, при котором живот обследовался не только в лежачем, но и в стоячем положении больного.

«Подвижная почка, — писал он, — беспокоит больных большею частью

Слева:

*Евгений
Боткин —
младший сын
Сергея
Петровича,
расстрелен-
ный вместе
с царской
семьей*

*Современные
корпуса
больницы
им. С.П. Бот-
кина*

в силу раздражения нервных аппаратов, отчего и возникают различные расстройства».

С.П. Боткин оставил заметный след и в изучении инфекционных болезней. Видя увлечение врачей микробиологией, он говорил, что нельзя забывать о защитных силах организма.

«Мы в клинике на каждом шагу убеждаемся в действительном существовании тех неизвестных нам физиологических условий в организме, которые дают ему возможность бороться с заболеванием».

Труды С.П. Боткина оказали влияние и на развитие военно-полевой терапии. В этом отношении он основывался на опыте двух войн — Крымской кампании и русско-турецкой войны 1877 года. Находясь некоторое время при ставке главнокоман-

дующего на Балканах, Боткин инспектировал госпитали, наблюдал работу врачей, общее санитарное состояние армии.

Тяжелое впечатление производили на него как на врача-патриота бездарность высшей администрации и хищническая работа различных торговых «частных товариществ», которым была отдана на откуп русская армия. Он видел, как голодали солдаты, находясь в стране с богатыми запасами хлеба. По поводу всего виденного С.П. Боткин писал:

«Будем надеяться на русского человека, на его мощь, на его звезду в будущем. Может быть, он со своей несокрушимой силой сумеет выбраться из беды, несмотря на стратегов, интендантов и тому подобное».

Как председатель Общества русских врачей в Петербурге и как ре-

дактор медицинского журнала, в котором печатались исключительно оригинальные статьи, С.П. Боткин способствовал развитию отечественной медицинской науки. Но особенно велико его значение как педагога. Он воспитал сотни врачей и подготовил к профессорской деятельности десятки ученых-медиков.

С.П. Боткин избегал говорить о самом себе. Только, может быть, однажды в письмах к жене из Болгарии в 1877 году он написал:

«...Не боясь упреков в самохвальстве, я все-таки имею отрадное сознание, что принес свою лепту для того хорошего нравственного уровня, на котором стояли наши врачи в течение этой кампании. Эту мысль я позволю высказать только тебе, зная, что ты не усмотришь в этом и следа самообольщения, которое мне не было никогда и не будет свойственно. Смотря на труды нашей молодежи, на их самопожертвование, на их честное отношение к делу, я не раз сказал себе, что недаром, не бесплодно терял я свои нравственные силы в различных испытаниях, которые устраивала мне моя судьба».

Основной мыслью С.П. Боткина как клинициста, которую он завещал будущим врачам, была мысль о необходимости глубокого, всестороннего изучения природы.

«Нельзя допустить, — говорил он, — чтобы предварительное теоретическое знание заключалось только в специальных отраслях соб-

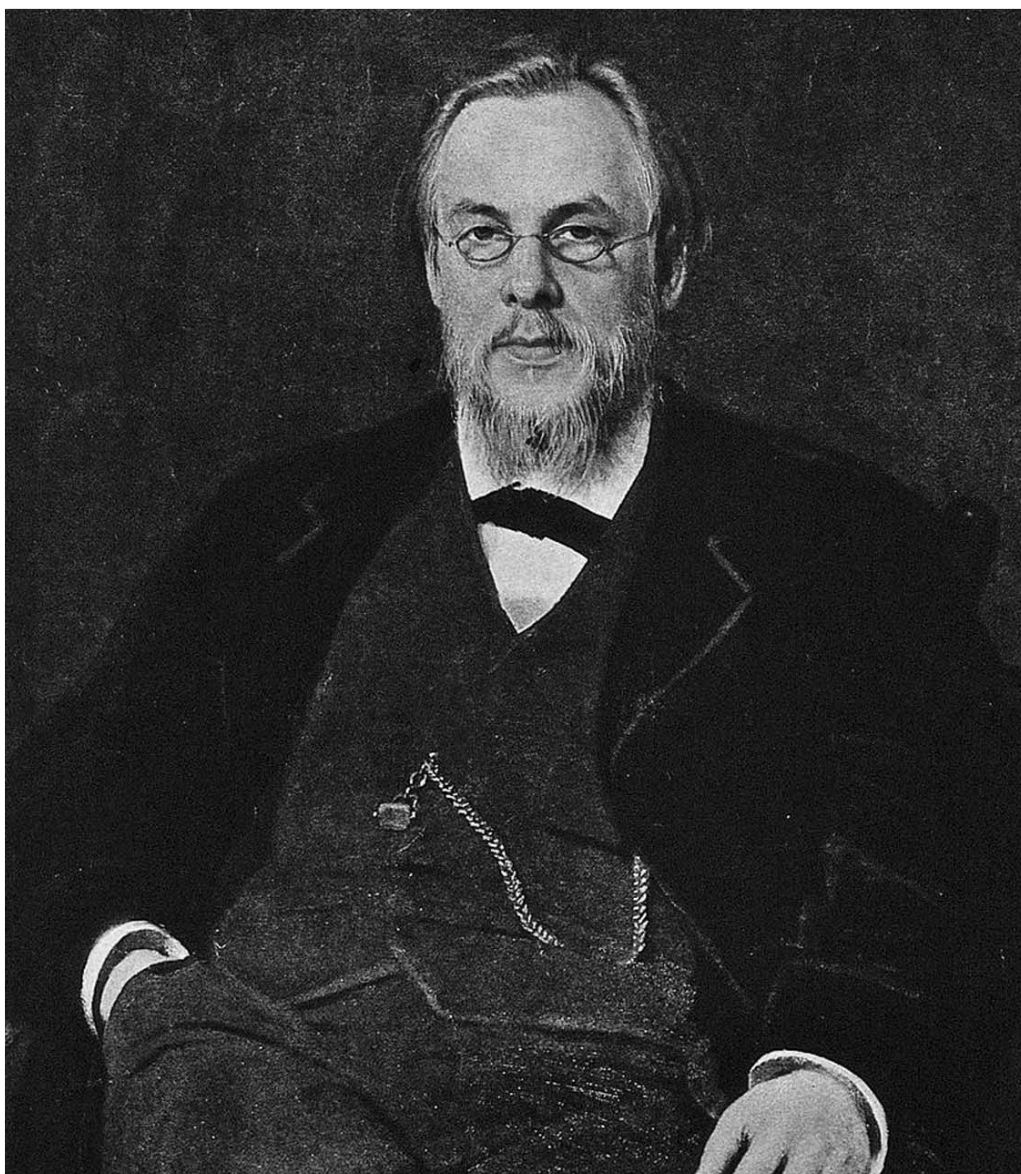
ственно медицины, так, например, нормальной и патологической анатомии, физиологии и пр. Для будущего врача научного направления необходимо изучение природы в полном смысле этого слова.

Знание физики, химии, естественных наук, при возможно широком общем образовании человека, составляют наилучшую подготовительную школу к изучению научной практической медицины».

Скончался Сергей Петрович 24 декабря 1889 года во Франции, в Ментоне, где лечился от желчнокаменной болезни. Был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. В это время шел съезд русских врачей, работу которого прервали. Гроб с телом Боткина несли на руках на протяжении четырех верст.

В своем выступлении на заседании Общества русских врачей, посвященном памяти С.П. Боткина, И.П. Павлов отметил:

«Покойный С.П. Боткин был лучшим олицетворением законного и плодотворного союза медицины и физиологии — тех двух родов человеческой деятельности, которые на наших глазах воздвигают здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье — здоровье и жизнь... Я имел честь в течение 10 лет стоять близко к деятельности покойного клинициста в ее лабораторной отрасли... Глубокий ум его, не обольщаясь ближайшим успехом, искал ключи к великой загадке: что

такое больной человек и как помочь ему — в лаборатории, в живом эксперименте. На моих глазах десятки лет его ученики направлялись им в лабораторию, и эта высокая оценка эксперимента клиницистом составляет, по моему убеждению, не меньшую славу Сергея Петровича, чем его клиническая, известная всей России деятельность».

P.S. Уже после смерти Сергея Петровича один из его сыновей — Евгений — стал лейб-медиком при

дворе. Когда императорскую семью сослали в Тобольск, он не оставил их и последовал за ними. При переезде в Екатеринбург ему предложили уехать в Питер. Он остался. За два дня до гибели его снова просили оставить Ипатьевский дом. Он посчитал это для себя невозможным. Доктора Боткина расстреляли вместе с царской семьей.

Смею думать, его отец поступил бы также. И уж точно гордился бы своим сыном. □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

8

Всего несколько лет назад Анатолий Петрович даже не думал о Братском индустриальном институте или о каком-нибудь другом техническом высшем учебном заведении. Но, как в случае со строительным техникумом, продолжающийся стремительный карьерный рост требовал одновременно с углублением практических еще и теоретических знаний, тем более что без них получить заветный диплом, для одних казавшийся пропуском в сладкую жизнь, для других действительно дающим законное право заниматься любимым делом, было невозможно. Понятно, ни к первым, ни ко вторым Анатолий Петрович относиться не мог, ибо после крушения юношеской мечты — стать морским офицером, — захватившей его романтическую душу страстно, он вынужден был волей-неволей следовать исключительно в русле, определенном судьбой. Окончательно уподобиться роботу, действующему строго по электронным командам, ему, к счастью, не позволила природная многогранность натуры. Сначала он вроде исключительно для себя увлекся лепкой, но так успешно, что много будущего, кроме призвания скульптора, знакомые, близкие и родные люди ему не предсказывали. Потом в его душе стали все чаще и чаще, где бы он ни находился, куда бы ни ехал, оживать поэтические слова, яркие образы,

которыми можно было, как оказалось, выплеснув на бумагу, в том числе и печатную, облегчить душу, ощутить восторженное чувство полета. И вообще — заявить о себе как о начинающем писателе, тем более что кроме стихов его еще время от времени тянуло писать и прозу — рассказы о тех событиях, участником которых он сам был, и о людях, с кем бок о бок трудился.

Все шло к тому, что надежд окончить технический институт оставалось все меньше и меньше, ибо все чаще, все затаенней поглядывалось в сторону Литературного института. Конечно, Анатолий Петрович понимал, что никакой вуз не научит писать лучше, глубже, но не сомневался в том, что с его помощью, вернее с помощью полученных в нем знаний, прежде всего по истории Отечества, еще шире разовьется его мировоззренческий кругозор. Однако, являясь по зодиакальной системе Рыбами, привык, прежде чем раз отрезать, не семь, а сто семь раз отмерить. Хотя в случае с литературой это не давало никаких конкретных результатов, что порой очень печалило и без того за все годы юности исстрадавшуюся душу — и, в конце концов, заставляло, к сожалению, вновь убеждаться в неизбежности и безысходности судьбы...

Но пока надо было учиться в индустриальном институте, кстати, в который он поступил, лишь сдав профилирующий предмет — высшую математику на отлично, поскольку техникум окончил с красным дипломом. И все-таки Анатолий Петрович относился к новым, более сложным занятиям, как к любому доброму делу, со всей ответственностью, на максимуме своих способностей, и поскольку ему казалось, что профессиональную работу, за которую он получал неплохую зарплату, никто лучше его не сделает, то и каждую сессию превращал в бешеное соревнование — чуть ли не на разрыв аорты! — с целью обязательно к финишу прийти первым. В его конкретном случае это означало — все зачеты и экзамены сдавать в самые короткие сроки и обязательно по высшему счету, чтобы скорей вернуться к любимому труду. Такое напряжение, кроме способностей к учебе требовало уединенности, строгого исполнения расписанного им самим по минутам учебного графика.

Поэтому на весь необходимый временной сессионный период Анатолий Петрович, прилетев в Братск, селился в городской гостинице в одноместном номере, сколько бы за него ни надо было платить. Спал не больше четырех часов в сутки, а чтобы за этот короткий период хотя бы поддерживать силы на работоспособном уровне, на всю ночь открывал створки окон настежь, ибо где-то вычитал, что чем прохладней ночь, тем быстрее человек восстанавливает во сне силы. Завтракал в номере заранее купленными в гостиничном буфете кефиром и батоном, запивая их водой из крана.

Обедал, если позволяли учебные обстоятельства, в институтской столовой за рубль с мелочью. Ужинал снова в номере все теми же бутербродами. Никаких знакомств со своими коллегами — студентами-заочниками не заводил, да и редко когда с ними встречался, экстерном сдавая экзамены. Если можно было не подкреплять силы, он вообще бы отказался от пищи, лишь бы как можно лучше изучить тот или другой предмет и усилить полученные знания.

И все-таки в свой первый приезд, было это тоже поздней весной, Анатолий Петрович водителя такси, везущего его из аэропорта в гостиницу, попросил показать знаменитую, в свое время прогремевшую на всю страну Братскую ГЭС. Тот согласился, однако предупредил, что, к сожалению, по самой плотине проезд строго сквозной. За остановку запросто можно поплатиться водительскими правами!

— Ничего, ты, пожалуйста, привези на место, а там разберемся! — успокаивающе ответил ему Анатолий Петрович.

— Извините, но это вы разберетесь! — поправил водитель пассажира.

— Пусть будет так! Только вези, куда прошу!

Даже увиденный с дороги размах, с которым была построена гидроэлектростанция, показался в глазах Анатолия Петровича самым настоящим чудом, тем более что оно являлось рукотворным. Никакие египетские пирамиды не могли сравниться с ней! Но, чтобы получше разглядеть грандиозное сооружение, любознательный студент, едва выехали из режимной зоны на высоченный скалистый берег, упросил водителя остановить машину и, выйдя из нее, поднялся на самую высокую точку, с которой и плотина, и водохранилище, с невиданной силищей подпирающее ее, и река, вспененная слетающей со стометровой высоты водой, в полете проворачивающей огромные лопасти турбин, были видны как на ладони! Более величественной панорамы представить было трудно. Она своей неповторимостью вместе с дующим сильно верховым ветром вривалась в душу, вызывала сладкий восторг, захватывающий дух!

И сразу стало понятно, почему известные композиторы, поэты да и просто неравнодушные люди, такие как Алексей Марчук, который был проектировщиком — автором уникальных работ по перекрытию великих сибирских рек, на этих берегах писали стихи, музыку — и вечерами у костра исполняли свои песни, со скоростью молнии приобретающие всесоюзное признание и любовь у молодых почитателей литературы и любителей трудовой романтики. А такой, в то время ну просто неумолимо гремевший на многих эстрадных подмостках, в том числе один раз даже дома культуры Ленска, где, путешествуя по Лене, ради публичного чтения стихов, остановился, поэт Евгений Евтушенко даже создал целую поэму, которую так

и назвал — «Братская ГЭС». Только, как считал Анатолий Петрович, было жаль, что, воспевая героические будни советских комсомольцев, автор не смог обойтись без идеологических мотивов, в результате чего по большому счету высокохудожественного произведения, к глубокому сожалению, не получилось.

В этот прилет в Братск, который со временем стал в Восточной Сибири центром не только энергетической, но и деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и алюминиевой промышленности, тоже захотелось хотя бы проехать по плотине. Но из-за того, что, можно сказать, целые сутки были брошены словно псу под хвост и, чего уж там говорить, по своей вине, выразившейся в наплевательском отношении к своему современному приобретению авиабилетов, Анатолий Петрович, не желая больше терять ни минуты, из аэропорта сразу поехал в институт. И удачно, поскольку успел в самом конце рабочего дня застать на месте заведующую учебной частью заочных факультетов Нину Сергеевну Воробьеву, женщину хотя давно пенсионного возраста, но каким-то чудом сумевшую сохранить прямую, словно девичью, статью, зоркий взгляд, а главное, являясь уроженкой Ленинграда, она была словно насквозь пропитана высоким тактом общения — обращалась к студентам и к преподавателям исключительно по имени и отчеству. Она обладала удивительно культурной речью — говорила негромко, но словно после каждого слова ставила жирную точку. Удивительно: седина волос, которую она не скрывала, не старила ее, а лишь делала элегантно строгой.

Когда Анатолий Петрович, от быстрого подъема по крутой лестнице с мраморными ступенями тяжело дыша, вошел к ней в кабинет, она, тепло ответив на его вежливое приветствие, промолвила:

— А я вас еще вчера ждала? Почему опоздали — что-то серьезное случилось на работе или дома?

— Спасибо за беспокойство, но, к счастью, у меня все хорошо, просто не позаботился заблаговременно приобрести билет!..

— Это бывает! А что все-таки смогли прилететь, хоть с опозданием, — это, голубчик мой, славненько, ведь за несдачу сессии из института исключат в два счета! Список всех экзаменов и зачетов я, как обещала, в полном объеме для вас составила. С какого предмета начнем?..

— С самого сложного — сопромата!

— Я так и знала! И с преподавателем Ольгой Ивановной Стрельниковой, вы ее должны помнить по сдаче технической механики: она такая дородная, статная, всегда строго одетая в черный костюм, — я уже договорилась, чтобы она у вас экзамен приняла!

— Помню, конечно! А в какой аудитории и когда я смогу ее найти?

— Завтра утром в пятьсот пятой!

— Это на пятом этаже? — уточнил Анатолий Петрович.

— На пятом, голубчик, на пятом! Но предупреждаю, лифт на ремонте!

— Вот и хорошо!

— Да?! А мне в такую тягость!.. Ну, ни пуха вам ни пера!

— Подождите! Я тоже приехал не с пустыми руками, — сказал благодарный студент-заочник и не без труда поставил на стол целлофановый пакет, почти доверху заполненный. — Это мои гостинцы, между прочим, ваши любимые!

Нина Сергеевна несколько смутилась, поблекшие щеки зажглись стыдливым румянцем, чтобы быстрее побороть смущение, она все же заинтересованно спросила:

— А чем именно решили меня удивить в этот раз?

— Да как всегда — консервированными продуктами: красной икрой, шпротами, сайрой, а для ваших ненаглядных внучат положил еще и несколько банок сгущенного молока!

— Спасибо большое за угощение! Только мне интересно: как это вы умудряетесь в наше теперешнее время, когда на магазинных прилавках обыкновенной вареной колбасы не купить, такие дефицитные, можно сказать, деликатесы доставать?

— Знаете, у меня руководитель районной торговой организации «Сельпо» хороший знакомый!.. Иногда чем может, помогает!

— Доброе знакомство! Им дорожить надо! Ну, до завтра? Спасибо вам!

— Не за что!..

А вот в гостинице Анатолию Петровичу, можно сказать, сильно не повезло, поскольку вообще никаких свободных номеров не оказалось. Как пояснила администраторша, из-за проводимого в городе международного форума по спасению редких животных.

— А как же мне в таком случае быть?! Может, все-таки куда-нибудь подселите бедного студента! — не теряя надежды, с умоляющей, жалостливой улыбкой попросил Анатолий Петрович.

Администраторша, совсем молоденькая — лет восемнадцати, белокурая, с голубыми, так и стреляющими глазами, жирно подведенными тушью, глубоко вздохнула и с такой силой выдохнула, что белоснежная прозрачная сорочка туго натянулась на полной груди, и явно обозначились розовые соски, — вдруг сказала:

— Знаете, сто первый двухместный номер забронировал военный, полковник, но вселился в него почему-то один. Может, вы с ним поговорите... Он только что, вернувшись со службы, взял ключи!

— Спасибо за совет! Я согласно ему и поступлю!

Полковником оказался Игорь Михайлович Звонов, пятидесятилетний мужчина, среднего роста, совершенно лысый, с внушительным — сильно выпирающим вперед животом и, как многие полные люди, с доброжелательным характером. Не без интереса выслушав Анатолия Петровича, он тотчас разрешил ему подселиться. Когда же разговор зашел об оплате, сразу по-военному твердо сказал, как отрезал:

— Что вы! — какие деньги! Тем более со студента! Номер мне оплатило Министерство обороны, в котором имею честь служить! А то, что я проживаю один, так за это благодарите моего сослуживца, буквально в день отъезда из Москвы в командировку заболевшего! Да и я вам, думаю, никаких проблем не создам, ибо большее время суток провожу с инспекцией в местных воинских подразделениях!

— Нет, так не пойдет! — ответил Анатолий Петрович и, достав из чемодана бутылку армянского коньяка, протянул ее полковнику: — Возьмите хоть это в знак благодарности!

— А вот от такого благородного напитка не откажусь! Сразу признаюсь, люблю иной раз рюмку-другую с устатку выпить! — благодарно принимая бутылку, удовлетворенно воскликнул полковник. И, на секунду задумавшись, вдруг неожиданно предложил: — А может, сегодня за знакомство и чтобы сессия удачно сложилась, мы с вами грамм по сто выпьем?!

— Да я бы с удовольствием, но, к сожалению, должен отказаться, поскольку уже завтра утром сложный экзамен сдавать!

— Понимаю, понимаю! Тогда вы тут по-хозяйски устраивайтесь, а я в гостиничный ресторан поужинать схожу!

Добродушный полковник напомнил Анатолию Петровичу, что он тоже с юных лет мечтал посвятить всю свою жизнь военной службе. И если бы так случилось, то он уже был бы в звании не меньше капитанского! Только здоровье подвело... Но, видно, точно все в руках судьбы: по странному стечению обстоятельств, вызванному халатным отношением к своему врачебному долгу председателя медицинской комиссии, пусть лишь всего курс молодого бойца, но в армии пришлось послужить. Однако — воистину неисповедимы пути Господни! — и этого времени хватило понять, что все-таки на этот свет он пришел для чего-то совсем другого!

Назавтра, ровно в девять часов утра, Анатолий Петрович, взяв один из многочисленных экзаменационных билетов, разложенных прямоугольником на столе, сел на самую дальнюю парту и стал тщательно готовиться. Когда уже заканчивал решать третью задачу, вдруг в дверь постучали. Ольга Ивановна, подняв голову с крашенными в каштановый цвет волосами, повелительно громко сказала:

— Кто там?! Входите!

В дверном проеме сначала показалась коляска с грудным младенцем, потом сама мать, лет двадцати пяти, с высокой прической, ярко окрашенная и со вкусом одетая в черную юбку и голубую сорочку, очень идущую к ее огромным фиолетовым глазам. Вообще, видя эту молодую женщину, можно было сказать, что она похожа на лесную птаху с вычищенным до блеска оперением — такой чистотой веяло от нее! Анатолий Петрович даже восхищенно подумал: «Надо же, какая молодец!.. Так выглядеть, имея ребенка на руках, да еще учась в высшем учебном заведении, может только женщина или сильно любящая себя, или от природы являющаяся собой в высшей степени аккуратность!..»

Между тем молодая мать-студентка, оставив коляску с младенцем у дверей, подошла к преподавательнице:

— Ольга Ивановна, извините! Но я зашла только узнать, когда вы сможете принять у меня экзамен!

— Да хоть сейчас! — тотчас, словно только и ждала этот вопрос, ответила строгая преподавательница, но, видать, очень уж сердобольная. — Что же вы будете грудного ребенка и себя мучить! Ума не приложу, как это вы вообще по такой крутой лестнице, да еще с детской коляской ко мне аж на пятый этаж поднялись!

Вдруг младенец заплакал. Мать тотчас бросилась к нему, взяла на руки и, качая его, говоря ласковые слова, стала успокаивать. Но он не унимался! Видно, требовал материнскую грудь или, описавшись, ну никак не желал лежать в мокрых пеленках. Преподавательница, в свои немалые годы знающая по себе, как нелегко растить детей, быстро встала из-за стола и, подойдя к студентке, спросила:

— Зачетка с вами?

— Да! В сумочке лежит!

— Дайте ее мне!

И без лишних слов, словно подгоняемая все усиливающимся плачем малыша, быстрым шагом вернулась за стол.

— Конечно, я вам, дорогуша, при всем своем желании пятерку поставить не могу, а вот тройку или даже четверку — с удовольствием! — сказала она. — Ну так как?..

— Даже не знаю, что и сказать! Мне так неудобно, так неудобно! — покраснев, пролепетала молодая мать. — В общем, если вас на самом деле не затруднит, то за понимание я вам очень буду благодарна!

— Вы это о чем? — вдруг снова став строгой, многозначительно спросила преподавательница.

— Ой, извините! Я просто хотела сказать, что буду помнить о вас исключительно как о замечательном, отзывчивом человеке!

Анатолия Петровича поведение Ольги Ивановны ничуть не смутило. Еще учась в техникуме, он понял, что к студентам-заочникам, особенно великовозрастным, успевшим пройти серьезную трудовую и жизненную школу, многие преподаватели относятся благодушно. Порой — даже чересчур. К примеру, один математик, на вид очень строгий, а на самом деле в душе искренне добрый, войдя в аудиторию, сразу объявлял:

— Уважаемые студенты, кого из вас устроит тройка, не медля, дабы не задерживать других, подходите с зачетками ко мне, а те, кто хочет получить более высокую оценку, — готовьтесь!..

Понятно, что и такое отношение было ненормальным, ибо печально плодило недоучек, что отрицательно сказывалось на профессиональном уровне выпускников техникума. Но ведь были среди преподавателей и такие, которых иначе как людей, потерявших всякий стыд и совесть, назвать то было невозможно! Безо всякой оглядки они по двухсторонней договоренности использовали студентов в личных целях: одни в поте лица трудились на их дачах или приусадебных участках, другие ремонтировали автомашины, третьи производили ремонтные работы квартир. В качестве расчета студенты-бедолаги, не отдававшие себе отчет, что без необходимых строительных знаний никакого объекта качественно, а главное — самостоятельно! — не построить, естественно, получали необходимые для успешной сдачи сессии липовые оценки.

Но чего греха таить, в эту сессию и Анатолий Петрович первый раз в жизни пошел в некоторой степени на сделку со своей совестью. К концу десятого сессионного дня ему, благодаря помощи заведующей учебной части Нине Сергеевне, оставалось сдать один экзамен по истории научного коммунизма. Но преподаватель, мужчина в возрасте около тридцати, выше среднего роста, худощавый, с черными волосами, зачесанными назад, в очках с мощными линзами, отчего карие глаза казались неправдоподобно большими, выслушав ответы на все вопросы билета, то ли потому, что, как ему показалось, студент говорил не вполне убедительно, то ли решил глубже проверить его знания такого важного в то время предмета, вдруг задал дополнительный вопрос, заключающийся в том, сколько конкретно делегатов было на съезде в Цюрихе, проходившем незадолго до революции тысяча девятьсот пятого года. Анатолий Петрович, как ни напрягал память, вспомнить точно не смог, а поскольку молчать уже было просто неудобно, взял, да и наугад ответил:

— Восемнадцать!

— А вот и неверно! — сказал преподаватель и, сделав паузу, в течение которой пролистал зачетку, продолжил: — Я, думаю, вы не захотите четверкой портить общее впечатление от ваших знаний, поэтому вам придется еще раз заглянуть ко мне!

— Это невозможно! Я уже на завтра взял обратный билет на самолет! — возмутился Анатолий Петрович — Сами должны понимать, как весной по-топаешь, так зимой и полопаешь!..

— Не совсем понял вас! Точнее можете выразить свою озабоченность?

— Могу! Вот вы меня только что спросили о делегатах, старых партийцах, которые, преследуемые вездесущей царской охранкой, вынуждены были ради нашего с вами счастья тайно, далеко — за границей — разрабатывать важные документы о свержении тяжкого гнета самодержавия, строительства нового, справедливого строя и, рискуя свободой, претворять их судьбоносные решения в жизнь! Так я, можно сказать, в память об этих замечательных людях несу свет коммунизма, как эстафетный огонь, в светлое будущее!..

— Вы хотите сказать, что работаете в партийных органах?!

— Нет, я, не жалея живота своего, служу родной нашей партии тем, что выполняю ее ответственные поручения по развитию государственных предприятий! К примеру, в прошлом году в качестве заместителя главного инженера леспромхоза организовывал и руководил строительством всего необходимого для заготовки древесины, идущей на экспорт, на новых лесных массивах, отдаленных от места сплава на добрую сотню километров, в этом же — основательно укрепляю материально-техническую базу районного объединения «Сельхозхимия»! На носу посевная! От того, насколько возглавляемая мной организация хорошо удобрит пашни, напрямую зависит урожайность сельскохозяйственных культур! А я, простите, только потому, что от природы имею недостаточно хорошую память на числа, да и имена тоже, смогу порядком подвести райком партии! Не смешно ли? Смешно! Нет, право слово, обидно!

— Что ж вы мне сразу не объяснили свое положение! — несколько дрогнувшим голосом сказал преподаватель, приподняв очки и потирая переносицу, как-то уж сразу и до конца впечатлительно внявший доводам Анатолия Петровича. — На все вопросы, поставленные в билете, вы действительно дали вполне исчерпывающие ответы, поэтому без всяких сомнений заслуживаете достойной оценки!

И, достав из внутреннего кармана ручку, заправленную черными чернилами, поставил оценку «отлично» в зачетную книжку и, отдав ее владельцу, на прощание крепко пожал ему руку.

Вернувшись в гостиницу, Анатолий Петрович стал не спеша собираться в обратную дорогу. Положив в чемодан со сменным бельем учебные пособия, необходимые для подготовки к следующей сессии, задумался, что же ему делать с оставшейся бутылкой коньяка. Тут вернулся полковник

и сразу с порога доброжелательно, на правах близкого знакомого, с легкой веселой улыбкой на тонких губах спросил:

— Ну, как дела у студента? Отмучился?..

— Да! Сегодня сдал последний экзамен! И как-то сразу, внутренне расслабившись, почувствовал, что страшно устал!

— Оно и немудрено! Иначе и быть не может при продолжительном недосыпе!.. А с лица-то как спал — кожа на скулах, как на походном барабанае, натянулась аж до синеваы, хоть дежурному по полку подъем на ней играй!.. Шучу!

— А я вот на полном серьезе предлагаю вам, уважаемый Игорь Михайлович, за успешную сдачу мной очередной сессии выпить. Теперь это сделать можно! Нет, нужно! Да еще как! Ведь все экзамены сдал на «отлично»! Поскольку со своим алкоголем в ресторан идти крайне неудобно, я сейчас мигом сбегаю в гостиничный буфет за закуской — и мы у себя в номере за милую душу приглубим приберегаемую мной на всякий, так сказать, пожарный случай бутылку этого, — и Анатолий Петрович глазами показал на стоящую на столе бутылку, — знаменитого кизлярского коньяка «Багратион». Идет?!

— Вполне!

После первых же ста граммов благородного напитка, выпитых из гостиничного граненого стакана, по нутру разлилось успокаивающее тепло, в ушах тихонько зашумело, а вот в голове, все еще забитой до предела учебной информацией, прояснело. И Анатолий Петрович, с таким удовольствием дожевывая тонкий, сочный ломтик лимона, что даже слегка причмокнул о небо языком, посмотрел на полковника пристальным, долгим взглядом, словно продолжал решать на экзамене сложную задачу по расчету теплопроводности бруса внешней стены здания. Наконец задумчиво, со всей серьезностью заговорил:

— Знаете, Игорь Михайлович, а я ведь тоже, правда, еще в ранней юности, мечтал посвятить свою жизнь воинскому служению Отечеству! Да здоровье подвело! Но уважение к армии, к ее солдатам и офицерам осталось в душе, да и в сознании — непоколебимым! Поэтому я в некотором роде нахожусь в недоумении от тех статей, которые начали появляться в некоторых центральных газетах, бесцеремонно бросающих тень на армейскую службу по причине якобы разросшейся до невероятных размеров «дедовщины». Я сам пусть не до конца положенного срока, но служил в радиотехнических войсках, это позволяет мне считать, что, по крайней мере, в нашей части неуставных отношений между старослужащими и новобранцами не было! Разногласия случались! Но не более того! Так вот, что вы можете как служащий аж в самом министерстве на такой должности,

которая позволяет вам не с чьих-то слов, а самому, лично, знать истинное положение вещей... в общем, скажите, правду пишут корреспонденты-пострелы или нет?!

— Отвечать, как на духу?!

— Конечно!

— Ну, тогда, прежде чем ответить, давай еще по сто грамм выпьем, причем, исключительно за наши славные вооруженные силы!

— Согласен! — сказал Анатолий Петрович, заполнил на треть стаканы крепким алкоголем, в лучах электрического света красиво переливавшимся светлыми оттенками, прозрачным насквозь, и чокнулся с полковником.

Залпом выпив коньяк, утерев губы платком, тот стал не спеша, словно расставляя каждое слово, как солдат на плацу, отвечать:

— Значит, так, понятие «дедовщина» появилось сравнительно недавно, вскоре после того, как молодые уже стали служить по два года, а призванные в армию до выхода соответствующего распоряжения правительства во исполнение закона о воинской обязанности, как и их предшественники, выслуживать три года, а на флоте и того больше — четыре! В тех частях, где командиры, в первую очередь взводов и рот, извините за грубое сравнение, словно многие начальники колоний, отстранившись от своих прямых обязанностей, сделали пресловутыми «смотрящими» воров в законе, также переложив выполнение своего долга по соблюдению всеми без исключения солдатами норм устава на старослужащих, вот там с каждым годом и стали усиливаться тенденции произвола по отношению к молодым, особенно только что призванным. Вмешайся вовремя начальник такой части в творимый его младшими офицерами бардак, поставь слишком зарвавшихся на место или вообще уволь с позором в запас, уверен, удалось бы в самом зародыше искоренить признаки появившихся в отдельных частях неуставных отношений — и мы бы с вами о них и думать забыли!

— Но неужели, — перебил Анатолий Петрович полковника, — это приняло такие катастрофические формы, что даже цензура вынуждена пропускать публикации, явно вызывающие недовольство армией, прежде всего у родителей молодых солдат! Если так пойдет дальше, военную службу опустят до такого уровня, что возникнет еще одна проблема, а именно — призыва в том объеме, который строго диктуется обороноспособностью нашего Отечества!

— Поверьте, мой младший товарищ! — начал полковник. — А впрочем, давайте выпьем еще понемногу, а потом я вам выскажу свой, более глубокий взгляд, но уже не на «дедовщину», поскольку никаких катастрофических форм этого позорного явления в армии нет! Более того, в тех вооруженных конфликтах, к примеру, таких, как афганский, где принимают участие

подразделения наших вооруженных сил, про неуставные отношения солдаты узнают лишь из писем родных!.. Вот так-то! Но вам будет интересно узнать нечто другое, более важное, более злободневное, более опасное, чем та же «дедовщина», будь она неладна!

Анатолий Петрович еще разлил коньяк по стаканам. Собеседники выпили, полковник снова одним глотком, а его визави не спеша, смакуя вкус алкогольного напитка, со вкусом катая его, словно мягкие, созревшие горошины, языком во рту.

— Так вот! — многозначительно сказал Игорь Михайлович. — Есть такое утвердившееся мнение, что у России есть только два настоящих союзника — это армия и флот! Не вам объяснять, до какой степени усилилось противостояние между нашей страной и США. Их политическое и военное руководство спит и видит, как бы ослабить наши вооруженные силы. Сделать это извне со страной, обладающей огромным запасом ядерных боеголовок, способных несколько раз уничтожить все человечество, невозможно. Вот они и используют любой, даже самый незначительный шанс, в том числе и «дедовщину», якобы как раковые метастазы, проросшие во всем теле Советской армии, чтобы изнутри начать разрушать нашу невиданную военную мощь! А предателей, готовых за американскую «зелень» заложить душу дьяволу, у любого народа всегда хватало и, к сожалению, хватает. Теперь тебе, Анатолий Петрович, понятно, что такое на самом деле неуставные отношения, как они сознательно раздуваются и используется нам во вред!

— Это-то я как раз понял, но все равно никак не могу взять себе в толк: о чем думает, куда смотрит до сих пор высшее руководство, в первую очередь политическое, ведь и дураку понятно, кто у нас в стране рулит на самом деле всем и вся?..

Тут полковник, прежде чем ответить, не без тревоги посмотрел по сторонам и, словно их могли подслушивать, пальцем показав на потолок, едва слышимым шепотом заговорщически произнес:

— А ты что, в самом деле думаешь, что там, наверху, все сплошь патриотически настроенные люди?! Если это так, то глубоко заблуждаешься, ибо и в руководстве государства есть самые настоящие враги, смотрящие туда же, за ту же проклятую «зелень», куда и все главные редакторы продажных газет смотрят!

— Да быть такого не может! — чуть не вскричал, вскочив со стула, Анатолий Петрович, ибо, как молодой коммунист, слепо верил в незапятнанность и принципиальность в отстаивании коммунистических завоеваний членов дорогой ему партии и правительства!

— Тише! Тише! Ишь расшумелся, как петух на насесте! — урезонил его полковник. — Поверь, я знаю, что говорю! И правоту моих слов в полной

мере, думаю, совсем недалекое время докажет! В любом случае мы с тобой станем свидетелями того, что я только что сказал!

— Вы что, ясновидящий?!

— Нет, просто много кое-чего секретного знающий!.. Может быть, даже больше, чем надо, чтобы спокойно спать всюду, как в своей постели, куда бы меня военная служба ни заносила!

9

Самолет, выполняющий рейс по маршруту Братск-Ленск, был ранним. Солнце еще только начало всходить из-за сопки, поросших хвойным лесом в диаметре несколько сотен километров вековой сибирской тайги, а воздушное судно уже, как иголка хлопок, прошло своим дюралевым туловищем перистые, озаренные снизу золотоносными лучами, а сверху казавшиеся бесконечными снежными барханами, кудрявые сплошные облака. Моторы, во время взлета работавшие на форсаже, отчего ревели раненым зверем, и корпус, как тело в простуду, была мелкая дрожь, теперь в пронзительно-синей вышине, казавшейся, хотя так на самом деле и было, без края и конца, гудели стройно, успокаивающе.

Анатолий Петрович, довольный сполна исполненным, по крайней мере для себя, ученическим долгом, с удовольствием расслабил сильно уставшее за последние десять дней тело, будто не головой работал, а против воли своей ворочал с утра до поздней ночи тяжеленные камни, и, закрыв глаза, вдруг поймал себя на мысли, что, если и вспоминал о Марии, то редко и как о чем-то далеко туманном. Обиделся на нее? Нет! Да он и право-то на это не имел! Но вдруг резанувшее по сердцу чувство, ну явно похожее на ревность, когда он в тот злополучный день вернулся из аэропорта несолоно хлебавши, как ни крути, говорило, что симпатичная агрохимичка волея-неволей стала ему небезразлична. Что же касается Петровского, то, очень уж хорошо зная его похотливую суть и считая, что он поступил по отношению к человеку, которого называл другом, если не предательски, то необъяснимо с точки зрения порядочности, — безо всякого сожаления, напроочь в своем сознании, как неверную фразу в стихах, вычеркнул его из числа своих старых друзей.

Да, он был такой: если уж рвал с людьми отношения, то сразу и с корнями!.. Иначе просто не могло и быть, поскольку не прощающий себе даже малой оплошности, — иначе он до сих пор, образно говоря, продолжал бы на совхозной ферме крутить коровам хвосты, — Анатолий Петрович глубоко в душе оставался за проступки суров и требователен к другим.

А к тем людям, которых по-настоящему считал друзьями, — особенно! Уже давно не занимаясь лепкой даже исключительно для себя и еще не став, по своему мнению, настоящим писателем, он между тем, как сам считал, благодаря именно своему максимализму, проявлявшемуся во всем и везде в полной мере, и смог состояться, назло времени и судьбе, как руководитель-производственник.

Лишь природная любовь к труду не изменяла ему, приносила то настоящее удовлетворение собой, верней, неповторимое, ни с чем не сравнимое счастье, когда жизнь кажется такой прекрасной, что, будь за спиной крылья, взлетел бы под самые облака — и там, под ослепительно-ярким, золотосным солнцем, в поразительно лазурном, бесконечном небе, не зная ни усталости, ни покоя, парил бы и парил, как горный орел в черно-коричневом оперении, отливающим блескучей черно-бурой синевой, дав полную волю душе выражать свои чувства в звонком пении, словно весенний соловей поутру в густом лозняке на берегу речки, словно ручей подпрыгивающий волнами на камнях и говорливо несущий прозрачные, холодные — до ломоты зубной! — свои воды к большой реке-матери. Поэтому, прекрасно понимая, что не проходящие заботы сразу же по прилете нахлынут, окатят с головой, Анатолий Петрович даже не понял, как, но мысленно сполна перестроился на них, с нетерпением ожидая, когда же, наконец, самолетное шасси с резким, визгливым шумом коснется ленской взлетно-посадочной полосы!

Но вот наконец-то это произошло! И он уже через час после приземления вошел в свой рабочий кабинет, огляделся — все: и мебель, и папки с документами, лежавшие на столе, и книги, выстроившиеся в ряд на полках в стеклянном шкафу, и плотные шторы на окнах — словно говорило ему, что он никуда и не уезжал! От этого теплого чувства сразу на душе стало по-рабочему полновесно спокойно. Но все же хотелось скорее узнать, как закончились предпосевные работы механизированных отрядов в совхозах, да и вообще про всю деятельность вверенной ему организации. И он через секретаршу пригласил зайти в кабинет Эльзу. Едва она, дружески улыбаясь, поблескивая линзами очков, переступила порог, как подскочил к ней, обеими руками пожал ее тонкую ладонь, да так нечаянно сильно, что она даже негромко вскрикнула.

— Прости! Не рассчитал с жару с пылу силы! — весело сказал Анатолий Петрович. — Давай присаживайся — и скорей рассказывай, как у вас идут без меня дела! Надеюсь, хорошо! Или все же, не успев выйти из одной проблемы, тотчас попадаете в другую?!

— Вы так говорите! — ответила не без обиды Эльза, — словно отсутствовали не полторы недели, а не меньше года! Между тем осмелюсь доложить,

что все поставленные вами производственные задачи выполнены! В том числе и строительные! Правда, вчера из Якутска зачем-то звонил Ляпунов...

— И что ему надо? Он попусту тревожить не будет!

— Наверно, так, ибо просил вас по приезду срочно перезвонить ему! Как я поняла из разговора с ним, у него есть важное сообщение, касающееся вашей дальнейшей работы!

— Ты его правильно поняла?

— Надеюсь! Да вы ведь сами можете все узнать прямо сейчас — долго, что ли, трубку поднять? Один момент!

— Так и сделаем!

И Анатолий Петрович набрал знакомый номер. Трубку взяла, как обычно, секретарша. Но что-либо выяснить не удалось, поскольку Ляпунов срочно вылетел по заданию министра в рабочую командировку. Когда он разочарованно положил трубку, Эльза, сделав озабоченные глаза, тем не менее, как бы между прочим, промолвила:

— Конечно, то о чем я хочу спросить, исключительно ваше личное дело, но поскольку в свое время попросили меня позаботиться о нашей новой сотруднице, то не могли бы мне сказать, что именно произошло перед самым отлетом на сессию между вами и Марией?

— Ничего особенного — все как у людей!.. Только коли спрашиваешь, то готов биться об заклад, что все сама прекрасно знаешь!

— Знаю! Но только то, что Мария в день вашего отъезда в институт на работу вообще не вышла! А вечером ко мне домой заявила с опухшим лицом! Видать, плакала! Все мои расспросы увенчались лишь ее жалобой на себя, как она выразилась, «самую настоящую дуру»! На мой вопрос: «Почему?» — ответила: «Потому, что продолжаю смотреть на жизнь, словно через розовые очки, хотя она в лучшем случае бело-черная, как старое кино!»

Услышанное одновременно обрадовало и озадачило Анатолия Петровича. Было приятно узнать, что к нему Мария неравнодушна! Но как вырвать с корнями пусть только сомнение в ее порядочности, невольно закравшееся в душу и теперь, в разговоре с Эльзой, зачем-то напомнившее о себе какой-то необъяснимой тяжестью, да так, что враз говорить вообще расхотелось. Но поставить хоть какую-то точку в разговоре с женщиной, которую считал своим настоящим другом, надо было... И Анатолий Петрович пересилил себя:

— Эльза, мы с тобой без всяких натяжек люди свои! — сказал он вполне спокойно. — Поэтому скажу в лоб, может, даже и грубо, за что прошу заранее меня простить. Так вот, любая порядочная женщина, прежде чем лечь в постель с серьезным мужчиной, должна положительно ответить

хотя бы на один, а именно такой вопрос: хочет ли она с ним серьезных отношений, вплоть до создания семьи?! И ответив на него положительно, вести себя лишь в соответствии с этим! Если твоей молодой подруге не хватает жизненного опыта, так не стой в стороне, а будь рядом с ней — и в мудром поступке, и в добром слове!.. Больше, по крайней мере, сейчас мне сказать тебе нечего, да и вряд ли надо!

— Понятно! А ночевать к нам приедете?

— К сожалению, по крайней мере, не сегодня — нет. Надо больного брата навестить! Сама понимаешь, как это для нас с ним важно!

А жизнь, как сноровистая лошадь, неслась во весь опор, то угрожающе храпя, то страшно вставая на дыбы, чтобы всякий раз попытаться сбросить всадника... И надо было не только удержаться в седле, но еще управлять жизнью, надо было, как хороший шахматист, просчитывать все дела на десять, пятнадцать ходов вперед — и только потом приступить к ним — и вершить безоглядно, не теряя ни минуты! И Анатолий Петрович, вместо того чтобы до конца разобраться в своих отношениях с Марией, хотя прекрасно понимал, что ставит молодую женщину в неловкое положение, словно подвешивая между небом и землей, закончив одно дело, тотчас приступал к другому, а порой умудрялся при помощи своих заместителей заниматься одновременно двумя, а то и тремя. Лишь один раз, встретившись с Марией в слабо освещенном даже днем коридоре первого этажа, посчитал ее такой обворожительно чистой, что взглянул на молодую женщину с глубокой нежностью, не позволяющей ей ни на йоту терять надежду, — и она в ответ благодарно и радостно зарделась лицом.

Вскоре его вызвал первый секретарь Михаил Викторович Скоробогатов через свою секретаршу, женщину средних лет, полноватую, с умными синими глазами, с первых дней знакомства почему-то с симпатией относившуюся к молодому председателю «Сельхозхимии», что она выражала своим спокойным бархатным голосом, говоря с ним по телефону или при редких встречах, связанных с совещаниями в райкоме. Но почему-то в этот раз она не сообщила, конкретно к какому вопросу ему следовало бы подготовиться. Поскольку порой так случалось и раньше, то Анатолий Петрович не придавал очередному вызову партийного начальства большого значения, лишь, положив трубку, совершенно спокойно подумал: «Наверно, опять срочно необходима какая-нибудь серьезная помощь совхозам в подготовке к сенокосу...»

Скоробогатов был не из местных, лет пятидесяти, высокий, поджарый, со светлыми волосами, аккуратно зачесанными назад, с острым, даже колючим взглядом, с тонкими, немного бледными губами. Говорил, даже в самые критические моменты, не повышая строгого, со звонким тембром,

сухого голоса. Он, к уважению горожан, из спрессованного до предела времени каким-то чудом умудрялся почти ежедневно выкраивать час-полтора для езды на велосипеде. Люди с пустыми языками и черствой душой на этот счет то ли в шутку, то ли всерьез судачили: «Это он от инфаркта пытается убежать! Только из-за его собачьей работы без выходных и проходных — ну никак не получится!..»

Анатолия Петровича первый секретарь встретил очень даже уважительно. Едва он вошел, встав из-за стола, сделал по кабинету несколько шагов навстречу и крепко, по-мужски, пожал протянутую руку. Вежливо пригласил сесть поближе и сначала задал несколько дежурных вопросов, на которые получил исчерпывающие ответы, при этом из его глаз не исчезала, а, наоборот, только усиливалась какая-то непонятная глубокая озабоченность к срочно приглашенному молодому руководителю. Внезапно замолчав, Скоробогатов встал и начал ходить вдоль длинного стола совещаний взад-вперед, сцепив пальцы рук за прямой спиной, несколько оттопырив, мастерски пошитый и сидящий на плечах как влитой серый пиджак. Наконец, собравшись с мыслями, снова заговорил:

— Анатолий Петрович, прошу вас внимательно выслушать мою, скажем так, большую просьбу, поскольку она для руководства района очень много значит сегодня, в самый разгар сельскохозяйственных работ...

— Хорошо, уважаемый Михаил Викторович, я вас слушаю.

— Вы лучше других руководителей-сельхозников района знаете, что несколько лет назад был поспешно организован новый совхоз, ибо полтора года назад работали в нем, если мне не изменяет память, прорабом. Так вот, есть мнение нашего уважаемого бюро рекомендовать обкому партии и министерству сельского хозяйства назначить вас директором этого, прямо скажу, проблемного хозяйства, ставшего моей самой настоящей не проходящей головной болью!

Заметив, как протестующе вскинулись брови Анатолия Петровича, первый секретарь замолчал, надеясь, что тот по молодости, всплыв, выговорится — и тогда дальнейший разговор будет вести легче. Но его надежда не оправдалась. Молодой руководитель уже научился обуздывать свою горячую натуру — он лишь глубоко вздохнул и сжал пальцы руки, лежащей на столе, в кулак. И первый секретарь сам был вынужден продолжить разговор, так непросто начавшийся:

— Поймите, за четыре года существования совхоза во главе его поменялось четыре директора! Ровно по одному — за год! И всех освобождали как не оправдавших высокого партийного доверия... В результате самое большое в республике хозяйство оказалось на последнем месте по всем производственным показателям. Мы, руководство района, больше так экс-

периментировать с кадрами не можем. Обком, да и министерство сельского хозяйства нас не поймут...

— Ну а я-то тут при чем, ведь только год назад вы своей партийной волей меня из этого же совхоза, правда, с повышением, за что искренне вам признателен, перевели на другую, не менее ответственную работу, с которой, между прочим, я совсем неплохо справляюсь! Но буду работать еще лучше, со временем глубже вникнув в суть нового для меня производства! В конце концов, надо было меня не переводить в район, где я был вынужден, так и не получив обещанной квартиры, все сбережения потратить на покупку дома, а сразу поставить во главе этого, ставшего вашей головной болью, проблемного совхоза! Или три предыдущих, как вы выразились, эксперимента с кадрами не стали сигналом, что с директорским корпусом в сельском хозяйстве давно, извините, не до экспериментов?! Кстати, а куда подевался ваш последний назначенец, как я смог убедиться, человек с большим жизненным опытом?

— С ним полный просчет вышел!

— Это как же?

— Сразу после посевной взял недельный отпуск якобы для медицинского обследования в Новосибирске. Но летал туда или нет, никто не знает! Но есть информация, что запил! Да, хотя и стыдно мне это говорить, повторю — запил, причем, по-черному!

— Но ведь, как мне известно, в совхозе почти все заместители в прошлом работали директорами. Назначьте кого-нибудь из них...

— В том-то и дело, что работали...

— Не понимаю вас?..

— А тут и понимать нечего: если бы они были толковыми руководителями, то и поныне работали бы ими, а не слетались, как сороки на подводы с хлебом, со всех концов нашей необъятной страны на Север, в наш район, где получили приличные подъемные деньги, должности и прочее... А потом, как говорится, в кусты...

— И то верно!

— Как и то, что в настоящее время положение в совхозе сложилось действительно аховое. Исполняющий обязанности директора — главный зоотехник — даже не смог организовать прополку капусты — и теперь на площади восемьдесят гектаров вымахал по пояс бурьян! Ветер по нему, как по морю, волнами гуляет! Сам видел. А на носу — сенокос! Если еще с ним совхоз не управится, то сколько же скота придется под нож пускать — даже подумать страшно! — И вдруг перешел на «ты»: — Анатолий, не упрячься, по-отцовски прошу тебя, помоги!..

Тут кандидат на директорское кресло не то чтобы дрогнул, но вспомнил то ли о долге, прежде всего, нравственном, то ли в нем заговорила безответная благодарность — ведь это первый секретарь помог ему развестись с первой женой. И как! Одним звонком в суд! А ведь мог не делать этого! И по тем временам, может, даже не имел морального права. Человек! Настоящий! В общем — совесть взяла верх над Анатолием Петровичем — и он согласился, но хватило ума и смелости поставить условие. Всего лишь одно... А именно:

— Уважаемый товарищ первый секретарь, ваша взяла, но в совхоз я должен приехать прежде всего серьезным человеком, а потом уже хорошим руководителем... — сказал он ему.

— Не понял, объясни доходчивее?

— В общем — мне в этот раз надо помочь с ускоренной регистрацией брака! — немного сконфузившись, попросил Анатолий Петрович.

— Ну, ты даешь: давно ли развелся, а? И вот теперь снова решил жениться! Молодец, ничего не скажешь... Нет, точно с тобой не соскучишься, слушаю тебя — и в самом деле петь хочется! — искренне оживился первый секретарь.

— Если так, то это же хорошо! — сказал Анатолий Петрович, — Только, хоть режьте меня, но холостым — не поеду!

— Вот, черт! а на ком жениться-то решил, если не секрет?

— Да есть одна особа на примете! Вы ее должны знать...

— Это, случайно, не новый ли агрохимик?..

— Агрохимик, агрохимик...

— Так она же совсем недавно к нам в район приехала. Когда только успел девку окрутить? Ну, точно — наш пострел везде успел!

— Товарищ первый секретарь, какая вам разница? Или вы уже передумали насчет моего директорства?

Михаил Викторович хотел о чем-то еще спросить Анатолия Петровича, но, резко повернувшись к окну, выходящему на улицу, немного помолчал и сказал задумчиво, скорее себе, чем ему:

— Время не терпит: капуста зарастает, картофель сохнет, а тут еще на носу сенозаготовка! Да уже и к уборочной надо готовиться! — И, словно находился один в кабинете, отрешенно взял одну из многочисленных телефонных трубок и кому-то в нее строго сказал: — Марья Ивановна, сегодня, сразу после обеда к вам зайдет один наш уважаемый товарищ, надо его сочетать браком с... забыл, как звать ее, в общем, сами увидите. И чтоб никаких там проволочек... Вам ясно? — И, видимо, услышав утвердительный ответ, со светлой улыбкой, озарившей лицо, на котором как-то сразу разгладились морщины, положил трубку: — Ну, давай, Анатолий Петрович,

еще раз женись, может быть, тебе наконец и в любви, как в работе, повезет, ведь жизнь что тельняшка — то белая, то синяя... Но чтоб завтра же с утра сел на совхоз, все необходимые бумаги о переводе без тебя согласуют с кем надо и сделают, ты только заявление об увольнении с прежней работы напиши!

— Михаил Петрович, пока вы разговаривали по телефону, у меня созрела еще одна просьба, и заключается она в том, чтобы вы дали распоряжение нашему начальнику управления сельского хозяйства Паку производственный план на следующий год утвердить именно тот, какой я представлю со всеми необходимыми экономическими расчетами и пояснительными записками. В общем, план будет спущен не сверху, а обоснованно предложен, так сказать, снизу, откуда, как ни крути, ни верти, всегда виднее и сегодняшнее, и будущее. Договорились?

— Подожди со своим «договорились»! Ты сначала толком поясни, что это району в конечном результате даст?!

— Как что!.. Позволит, наконец, хозяйствовать, руководствуясь не волюнтаристическим методом, а хозяйственным расчетом, покажет, что в наших суровых климатических условиях спасительно для развития сельского хозяйства, а что, наоборот, губительно. Работать не на ощупь, вслепую, а зряче — только и всего!

— Теперь понятно! Но смотри — если твой план не удастся, то мне точно башки не сносить, да и тебе — тоже!

— Поживем — увидим!

— Да иди уж!

Вышел Анатолий Петрович на улицу в таком состоянии, как будто его из полымя, да в ледяную прорубь бросили. Но коль назвался груздем, то надо было лезть в кузов, причем без сомнения и страха, как нырнуть со скалы в любимую морскую пучину, в которой всякий отпуск он находил такое отдохновение для души, которое позволяло не только осмыслить жизнь до мелочей, но и вершить ее без оглядки!

А июньское солнце полыхало в синих бездонных небесах с такой силой, так ослепительно, что от взгляда на него в глазах расходились радужные круги, и только сощурив глаза, можно было видеть, как золотистые лучи исходят от светила не сплошным потоком, а длинными, до самой земли световыми пучками, чем-то похожими на перевязанные суслоны пшеницы. С многоводной, чистоструйной Лены легкий ветерок, по-мальчишески ероша на голове волосы, нес живительную прохладу, которую хотелось вдыхать полной грудью, явно чувствуя в душе такой огромный прилив сил, что казалось: еще немного — и можно будет ворочать горами. Но самое

главное — впервые после многолетнего молчания, которое по воле свыше потребовалось для глубоких поисков самого себя, а потом и для выражения своей души в добрых делах, внезапно, как в срединной юности, снова написались стихи, в которых Анатолий Петрович еще не любил Марию, влетевшую в его жизнь, как быстрокрылая синица, спасаясь от лютых морозов и диких вьюг, в квартирную форточку, но уже почему-то всей душой ненавидел город, который принес ей столько страданий: *«Мне ненавистен этот город, где ты жила, где ты росла,/ где вдруг нагрывшее горе/ глотками полными пила./ Не выдержала и сбежала/ одна — куда глаза глядят!../ сквозь неумолчный шум вокзалов/ без направлений, наугад?!/ Пылали над землей зарницы/ высоким плазменным огнем.../ И надо ж было так случиться,/ что встал я на пути твоём./ Встал, как живое отраженье/ твоей судьбы в иных мирах,/ стал для тебя я, как спасенье, —/ и сам презрел безумья страх.../ В суровом жизненном просторе,/ где все расписано судьбой,/ свела нас не любовь, а горе,/ не счастье сблизило, а боль...»*

Подъехав к зданию конторы, Анатолий Петрович вышел из машины и направился в свой кабинет, как обычно, не порывисто, а не спеша, словно еще до конца не определился в своем решении по отношению к Марии, прошел по длинному внутреннему глухому коридору, показавшемуся с улицы мрачноватым, больно уж темным, по бетонной лестнице с покрашенными белым суриком металлическими поручнями, поднялся на второй этаж. Секретарша Светлана Георгиевна, женщина бальзаковского возраста, высокая, статная, с русыми волосами, туго собранными на затылке в пучок, с голубыми близорукими глазами, при появлении начальника встала и с вопросительно вытянувшимся лицом замерла. Анатолий Петрович на секунду задержал на ней, ничего не значащий, прямой взгляд и попросил:

— Будьте добры, пригласите ко мне Марию Васильевну! Срочно!

— Она куда-то вышла!

— Так найдите! Тоже мне проблему нашли!..

В кабинете Анатолий Петрович не сел за стол, а подошел к окну, из которого открывался вид на дорогу, ведущую к автобусной остановке, и стал, как в то утро, когда увидел идущих вместе — своего заместителя и новую работницу, — смотреть отстраненно на улицу, словно хотел сравнить первые душевные ощущения к молодой особе с сегодняшними, ставшими стремительно развиваться после недавней ночи, то ли любви, то ли страсти, то ли просто желания здорового мужского организма обладать молодым телом приглянувшейся женщины. Ушел в свои раздумья так глубоко, что даже не расслышал, как скрипнула дверь, и вызванная им Мария Васильевна вошла. И только когда она, постояв минуту, другую, решилась деланным кашлем напомнить о себе, Анатолий Петрович повернулся,

поймал ее недоуменный взгляд и, продолжая хранить молчание, жестом руки пригласил сесть за стол, а сам стал ходить по кабинету, потом остановился и, нежно улыбнувшись, не отрывая глаз от ее красивого лица, как само собой разумеющееся, сказал:

— Мария, понимаешь, мне буквально полчаса назад в райкоме партии неожиданно предложили возглавить совхоз, тот самый, в который мы вчера с инспекцией работы нашего механизированного отряда ездили. По дороге я тебе еще говорил, насколько крепко душой врос в это хозяйство, поскольку свой трудовой путь семнадцатилетним пареньком в качестве скотника начал именно в нем, когда оно было лишь одним из отделений совхоза «Ленский», которое на протяжении целых пятнадцати лет возглавлял мой отец. Помня об этом и переживая за то плачевное состояние, в котором он оказался по вине властей предрержащих, я не смог отказаться. Но переехать снова из города за более чем сто километров в поселок жить и трудиться я хотел бы именно с тобой! Поэтому очень тебя прошу... — Он вдруг замолчал, словно удивился сам своей смелости в решении такого важного вопроса, как супружество. Но, коль нырнул в реку, то надо было и выныривать, чтобы плыть и плыть по волнам неоглядного жизненного моря, и он, лишь выдохнув, закончил выражать мысль: — Пожалуйста, выходи за меня замуж!

— Как замуж?! — удивилась она.

— Как все небезразличные друг другу люди...

— А разве мы с вами объяснялись на этот счет?

Анатолий Петрович сделал вид, что не расслышал вопроса, продолжал своим вопросительным взглядом буквально сверлить Марию! И ей ничего другого не оставалось, как спросить:

— А подумать можно?

— Конечно!.. Но, увы, не больше часа, ибо после обеда нас с тобой уже будут ожидать в загсе. Да, совсем забыл сказать: если поженимся, то уже завтра должны будем ехать...

Тут как-то сразу Мария взяла себя в руки, подумала: «А что за час можно решить? Да ничего! И зачем, когда этот молодой мужчина действительно мне нравится прежде всего за оправданную самоуверенность...» — и, вздохнув, скорее с облегчением, чем с тревогой, глядя в синие глаза Анатолия Петровича, обращенные на нее в ожидании, чуть слышно сказала:

— А я согласна...

— Вот и здорово! Вот и прекрасно! Ты даже не можешь себе представить, как же я благодарен тебе за понимание!.. Только, надеюсь, не будешь возражать, что из-за нехватки времени — после регистрации брака начнем готовиться к переезду, а наш свадебный вечер — проведем уже

на месте, в совхозном поселке, в гостях у моего закадычного друга детства и юности Иннокентия Авдеева?

— Конечно, нет!

Через полчаса они уже расписались в городском загсе, находящемся на первом этаже здания райисполкома. Вручив слегка смущенным молодоженам свидетельство о браке, заведующая загса Марья Ивановна, женщина средних лет, полная, с круглым румяным лицом, делавшимся книзу шире из-за жировых складок, образовавшихся одна над другой на короткой шее, но с такой искренней светлой улыбкой полных, накрашенных ярко губ, что невольно казалась самой ее величием добротой, вручила Марии еще и талон, дающий права на покупку в местном ювелирном магазине золотого супружеского кольца. Заметив вопросительный взгляд Анатолия Петровича, она несколько сконфуженно, словно оправдываясь, виноватым голосом прошелестела, как бумага, подхваченная свежим, порывистым ветром:

— Извините и не обижайтесь, ибо мужчины, женившиеся во второй раз, лишены права приобретения еще одного кольца! Такие порядки!..

— Марья Ивановна, я даже и не думал расстраиваться, хотя и в первый раз в сельсовете мне не выдали «золотого» талона! Зато теперь куплю себе красивую, объемную печатку, тем более что давно о ней мечтаю! Да-да! Вот так увидел на курорте у одного господина на пальце переливавшуюся в солнечных лучах всеми цветами радуги драгоценность — и загорелся!..

Когда вышли на улицу, Анатолий Петрович предложил:

— Мария, давай-ка после похода в ювелирный магазин зайдём в самый лучший городской ресторан, находящийся в здании гостиницы, чтобы, во-первых, утолить голод, ведь как-никак с самого утра не ели, а, во-вторых, выпьем по бокалу сухого вина за наше, надеюсь всем сердцем, счастливое, полное любви и понимания семейное будущее!

— Я согласна!

Ресторанов в городе было несколько. Но Анатолий Петрович привел Марию в самый ближний к загсу, только что открывшийся, еще пахнущий свежей краской, центральный, находившийся в здании пятиэтажной гостиницы на первом этаже, фасадом выходящий прямо на полноводную Лену, величественно катившую свои прохладные воды, конечно, не через всю Азию — с юга на север! — но на протяжении аж более чем трех с половиной тысяч добрых километров к морю Лаптевых. В просторном зале с эстрадой, на которой по вечерам играл местный инструментально-вокальный ансамбль, почти никого не было. Молодожены сели за столик, аккуратно накрытый свежей шелковой скатертью и стоявший у самого окна, большого — чуть ли ни во всю бетонную стену! Так что великая сибирская река была видна как на ладони.

Анатолий Петрович сначала заказал подошедшей официантке, высокой девушке в белом фартучке с оборками по краям, с симпатичным, пылающим свежестью, лицом, на котором голубые глаза светились глубокой доброжелательностью и учтивостью, все, что Мария выбрала из меню для обоих, а уж потом, как бы неожиданно, словно подчиняясь какой-то необъяснимой магнетической силе, посмотрел в витринное стекло, за которым на переднем плане лежал береговой крупнозернистый песок со сверкающими фиолетовыми искрами, густо вкрапленной в него, пластинчатой слюдой. На втором — разлившись во всю полноводную ширь на добрых два километра, речная лента, совершенная недвижимая ни ветром, ни пароходными волнами, влажно отливала синеватой сталью, до того прозрачной, что в ней глубоко — чуть ли не до самого дна! — отражались перистые, от солнечных лучей снизу розовые, но все же в основном белые-белые, как первый октябрьский снег, крупные, разных форм и оттенков облака, изредка как бы черкаемые на мгновение-другое редкими чайками, с криками проносающимися по-над самой рекой, то не без труда взлетая круто вверх, то так стремительно срываясь вниз, что испуганно думалось: «Ну точно влетят в воду!..» Но они каким-то чудом умудрялись на выходе из пике лишь чиркнуть упругим крылом, как остро наточенным ножом, ее зеркальную гладь. На третьем — сразу от противоположного берега круто вверх высоко уходили скалистые сопки, поросшие густым хвойным лесом, от которого до самой середины речного полотна стелились легкие светлые тени. А на четвертом, самом дальнем, враз открывалась бездонная глубина пронзительной синевы небосвода с взошедшим на свою небесную вершину бело-золотым солнцем в ореоле малиново-золотистых лучей, светящих так ослепительно ярко, что человеческий взгляд был не в силах выдержать их напора!

Казалось, что сама матушка природа неволью удивленно восклицала: «Художники, живописцы, ну где же вы, где! В какой безвестности запропали?! Скорей хватайте свои натянутые на подрамники холсты и масляные краски, устанавливайте на берегу мольберты и, не теряя ни минуты, нет, даже ни секунды, на размышления или того хуже — сомнения, а сходу, с жару, с пылу пишите с меня свой бессмертный пейзаж, чтобы вслед за временем идти в самую вечность, для чего и дала я вам бесценный дар художника для отображения меня и того сурового времени, в котором вам именно посчастливилось, а не иначе, жить, какие бы страдания ни пришлось перенести, какие бы муки ни выдалось перетерпеть, тем более что жизненные лишения только укрепляют веру в свои силы, в свою волю, в свое предназначение земное, способное в полной мере, в конце концов, обратиться в небесное!..»

И все-таки в тот день Анатолий Петрович, лишь глубоко, но без сожаления вздохнув, стал любоваться не Леной, а своей новой женой. И когда они выпили из хрустальных, праздничных бокалов прекрасного грузинского вина за заключенный брак, он мягко взял ее тонкие, немного влажные руки, скорей всего, от все еще никак не прошедшего волнения, поднятого в душе столь знаменательным событием всей ее, еще такой молодой жизни, в свои руки, поднес к губам и, не отрывая горящего взгляда от так нравившихся ему бездонных, как небеса, карих глаз с грустинкой, покрыл их легкими, но такими жаркими поцелуями, в которых выразил и всю душевную признательность, и вдруг охватившую его мятежную душу светлую, как ясный солнечный восход, оглушающе чистую нежность. Конечно, он еще не был несказанно счастлив, но с радостью понимал, что у него появился еще один, очень важный стимул для того, чтобы безоглядно жить каждый день как последний!.. Дальше молчать было неудобно. И Анатолий Петрович заговорил:

— Мария, меня все последние дни интересует вопрос, который молодые люди обычно задают до заключения брака!

— Но ведь из каждого правила есть исключения! Не правда ли?!

— Согласен, есть! Так вот, пожалуйста, моя дражайшая половинка, ты и ответь мне, только искреннее, ну как на духу: какое впечатление я, прежде всего как человек, произвел на тебя, когда мы встретилась в моем рабочем кабинете вскоре после твоего приезда?

— Противоречивое!.. В то утро, дожидаясь приглашения зайти, чтобы представиться тебе в качестве новоиспеченного агрохимика, я сидела в приемной. Через тонкую филленчатую дверь был отчетливо слышен твой строгий голос. Так вот он с каждой минутой все поднимался и поднимался вверх, пока не взлетел, гремя небесным громовым раскатом! Почему-то казалось, что каждое твое слово относилось ко мне! Я даже с тревогой посмотрела на секретаршу. Она, поймав мой встревоженный взгляд, мило улыбнулась и не без иронии сказала: «Не переживай! Это наш молодой председатель уму-разуму учит своих седовласых заместителей. Видать, в совхозе, из которого он только что приехал, с организацией работы нашего механизированного отряда дела обстоят не на должном уровне!» Только и всего! Потом в кабинете разом все стихло! — стала продолжать Мария. — И в приемную стали один за другим выходить твои заместители с явно озабоченными, сосредоточенными, пунцовыми лицами, на которых читалось, что они сверх своих возможностей нагружены твоими производственными задачами, которые надо решать безотлагательно! Думаю: «Да молодой руководитель, однако, еще тот кремень — такие искры высекает, что от них любое горючее вещество с первого раза вспыхивает!..

Что же со мной-то будет?» А между тем секретарша говорит: «Он один остался — заходи!.. Да будь смелее! Он красивых женщин, особенно молоденьких, благодворит!..» Ну, я, как перед прыжком в воду на глубину, вздохнула глубоко несколько раз и приоткрыла дверь. А ты уже, не снижая голоса, с кем-то требовательно говорил по телефону, да так громко, как будто хотел докричаться до человека, находившегося не менее чем за сто километров. Увидев меня, широко махнул рукой, мол, проходи, садись. Ну, я прошла, присела на самый краешек стула, сижу, дрожу, как осиновый лист! Вот так!

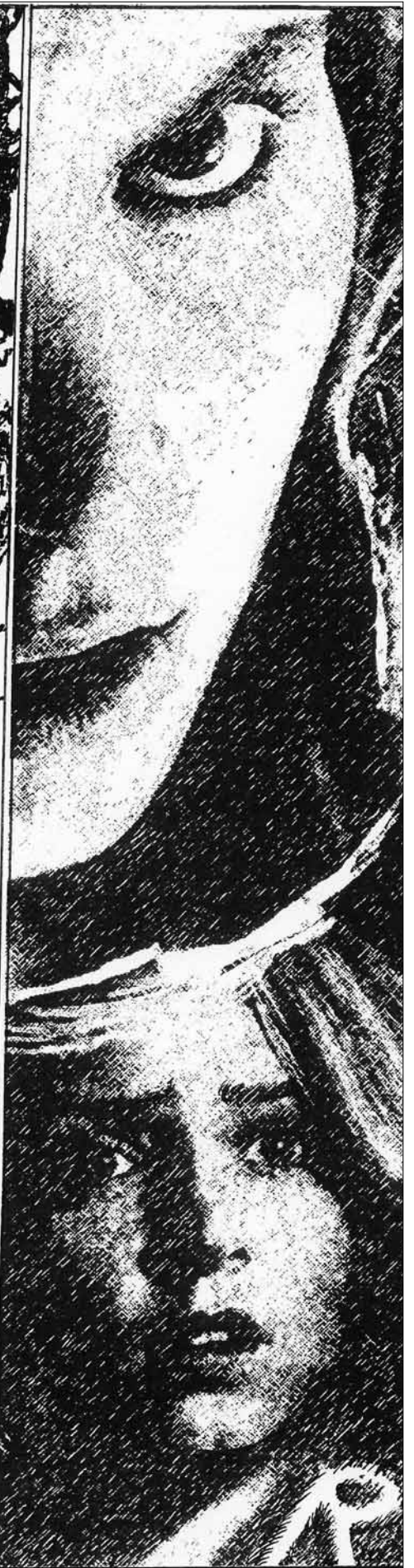
— Ну а потом? — хитро улыбаясь, явно довольный рассказом Марии, продолжал допытываться Анатолий Петрович.

— Вскоре ты собрался снова ехать в дорогой твоей памяти совхоз, видно, не терпелось проверить, как заместители исполнили твои указания. С собой взял только меня, к тому времени уже приступившую исполнять в полном объеме свои профессиональные обязанности с применением всех тех знаний, которые получила в институте и на летней практике. Всю дорогу туда и обратно, как бы лихо ты ни управлял машиной, читал мне по памяти стихи Сергея Есенина, такие как «Письмо к женщине», «Шаганэ, ты моя, Шаганэ», «Заметался пожар голубой» и многие другие. Читал с такой проникновенной нежностью, с таким душевным светом, что я невольно подумала: «Надо же, какой начитанный! И, оказывается, совсем не суровый, а очень даже милый, добрый мужчина, от которого исходит столько тепла, что так и хочется в его огромных волнах, как в южном море, купаться и купаться!..» Я уже тогда отдавала себе отчет, что у тебя очень сложная, неординарная натура, но при этом не могла отделаться от мысли: «Любая женщина будет чувствовать за этим волевым, жадным до жизни человеком, знающим, что ему от нее надо, как за каменной стеной! Конечно, его сильному характеру невозможно не подчиниться, но ведь сила любой женщины в ее слабости!..» После этого я уже не могла относиться к тебе, скажу так, не без живого интереса!..

— Ну, вот и ладно! Как говорится, извини за прямоту, но не зря же в народе говорят: «Были бы кости, а мясо нарастет!..» Надеюсь, ты правильно понимаешь, к чему я так сейчас сказал?

— Думаю, что да! □

Продолжение следует.

Андрей Дышев

УБИТЬ

остров

Глава 20 Лагутин

Волна с легкостью приподняла резиновую лодку, выложила ее на песок, словно кусочек торта на тарелку, и откатилась назад. Лагутин тотчас вскочил, чтобы успеть до следующей волны оттащить лодку подальше от воды. Пара встревоженных птиц взмыла в темнеющее небо. Из леса повеяло сыростью и прохладой.

Он спрятал лодку в камышах и, чтобы найти ее потом, вогнал в песок высокий шест. Несмотря на то, что эта местность мало отличалась от берегов и зарослей острова, сердце Лагутина наполнилось волнующим чувством свободы и легкости. Закинув сумку на плечо, он вышел на грунтовую дорогу, свернул налево, как объяснил ему Безымянный, и быстро пошел к поселку, который светился россыпью огней.

Оказавшись на центральной улице, Лагутин даже растерялся от избытка веселых и хмельных людей. Ему показалось невероятным, что шумная и разгульная цивилизация находится столь близко от его острова. Контраст был настолько ярким, что он в какой-то момент почувствовал себя здесь чужим. Держась ближе к забору, отгораживающему дачные

Окончание. Начало в №6, 2016.

кварталы от улицы, он медленно шел вперед, глядя исподлобья по сторонам в поисках продуктового магазина. Его внимание привлекла ярко освещенная «стекляшка», небольшая витрина которой впечатляла разнообразием продуктов. Там он закупил все, что заказал ему Безымянный, и, отягощенный сумкой с раздутыми боками, пошел на заправочную станцию. Пацаны, подрабатывающие на обслуживании клиентов, раздобыли для него старую, но еще вполне пригодную канистру и наполнили ее самым дешевым бензином.

Оставалось еще немного денег, и Лагутин, едва переставляя ноги под тяжестью ноши, остановился передохнуть на открытой терраске пивного бара. Он постыдился своего дремучего вида и не стал заходить в душный и прокуренный зал, наполненный голосами и музыкой. Официант, тем не менее, проявил готовность обслужить его и на терраске. Ожидая заказанный бокал холодного пива, Лагутин глотал слюни и с нетерпением поглядывал на дверь, ведущую в зал.

И тут сердце его замерло. На маленькой сцене за клавиатурой синтезатора сидел плешивый низкорослый музыкант, а над ним, покачиваясь и тыча пальцем в нотную тетрадь, склонился Бревин. «Робинзон» был хоть и небрит, но одет цивильно, в просторный спортивный костюм с яркой голубой полосой на груди.

— Эта песня посвящается нашему гостю из Москвы Саше, — объявил в микрофон музыкант и надрывно, с искусственной хрипотцой, запел что-то пронзительное и тоскливое про «братву».

«Гость из Москвы», покачивая плечами, спустился со сцены и сел за столик, заставленный пивными кружками. Сидящая напротив него девица оперлась подбородком на кулак и глубоко затянулась сигаретой. Она слушала песню, смотрела на Бревина, и ее глаза наполнялись слезами. Время от времени она вздыхала, покусывала губы и, пытаясь сказать нечто задушевное, с широким замахом ударяла себя ладонью в грудь. Локоть ее, будучи единственной точкой опоры, срывался, и отяжеленная хмелем голова девушки ударялась о стол.

«Вот это «Робинзонада»! — подумал Лагутин и даже присвистнул. — Это что ж получается? Вместо того чтобы шишки лузгать на острове, он здесь под музыку пивом давится!»

Он стал вспоминать, не было ли сообщения о выходе Бревина из игры? Да нет, вроде ничего такого не было. Сошли с дистанции только Павлов и Лена. А пропустить столь важное сообщение о Бревине Лагутин никак не мог — радиостанция всегда при нем. Значит, Бревин тайно переправился на берег и теперь всю радуется жизни?

«Вот же сволочь! — с ненавистью подумал Лагутин. — Я, как дурак, на острове дичаю, а эта гадина как сыр в масле катается! Он же наверняка и ночует где-то здесь, с лярвами в постели!»

Ему стало так обидно, что он даже не допил пиво и поставил бокал на перила с фигурными балясинами. «Может, все давно перебрались жить на берег, и лишь к сеансу связи возвращаются на острова? — мелькнула мысль. — Этак я никогда победы не дождусь! В этом поселке можно припеваючи жить хоть до Нового года, хоть до Первого мая!»...

С испорченным настроением Лагутин возвращался к озеру. Когда сошел с грунтовки в камыши, уже совсем стемнело, но лодку он нашел без труда, загрузил в нее канистру и сумку, а самому пришлось стоять на коленях, балансируя, чтобы не свалиться за борт.

«Домой!» — без особой радости, но все же с некоторым облегчением подумал Лагутин, отчаливая от берега.

Глава 21

Резать кабанчика

— У меня такое ощущение, что ты темнишь, фраерок...

Безымянный сидел на стволе поваленного дерева и маленькими глотками пил горячий чифирь. Остатки его зубов плохо справлялись с кусочком рафинада, и сахар приходилось размачивать.

Солнце уже поднялось над озером, но его лучи увязали в густом тумане, а потому было еще прохладно и сыро.

— Почему я темню? — осторожно, чтобы не обидеть, спросил Лагутин.

— А почему вчера сказал, что шансов на победу у тебя мало?

— Да я вообще по натуре пессимист! — попытался отшутиться Лагутин и прикусил язык: надо же, едва не проболтался про Бревина!

Безымянный отставил кружку, бережно положил с ней рядом липкий, обгрызенный со всех сторон кусочек сахара и выхватил из-за пояса тесак. Не успел Лагутин догадаться, что сейчас будет, как уголовник кинулся на него, повалил на землю и, приставив к его горлу лезвие, на высокой ноте закричал:

— Ты, падла, меня не зли!! Ты за свой базар ответь!! Я тебе сейчас голову на хрен отрежу и на елку посажу!! Замочу гниду!! На куски порублю, рыбе скормлю!! — Успокоившись столь же внезапно, как и вспылал, Безымянный поднялся на ноги, вытер о брюки выпачканный в глине тесак

и, сунув его за пояс, произнес: — Чтоб ты быстрее оптимистом стал, начнем разгонять твоих конкурентов. Мне тоже ждать надоело. У меня деньги на исходе. Собирайся, поплывем к соседу в гости.

— К какому соседу? — насторожился Лагутин.

— Ты же говорил, что на том острове, — кивнул головой Безымянный на восходящее солнце, — «нового русского» поселили.

— Говорил, — не совсем уверенно ответил Лагутин. — А зачем к нему плыть?

— В баньке попариться да кабанчика зарезать!! — опять истошным голосом заорал уголовник. — Не задавай идиотских вопросов!!

Лагутин с ужасом покосился на тесак, торчащий у него за поясом, и как можно мягче проговорил:

— Послушай, мы так не договаривались. Я что обещал? Что дам тебе половину выигрыша, если ты будешь меня кормить...

— А я не знал, что ты жрешь так много! — с нечеловеческой ненавистью процедил Безымянный, смял в кулаке ворот Лагутина и, качнув бритой головой, ударил лбом по его переносице.

Тот сразу обмяк, схватился руками за лицо. Боль была такой сильной, что ему показалось, будто нос с хрустом вошел в черепную коробку. Пошатываясь, Лагутин отошел к сосне, прислонился к ее стволу и прошептал:

— Ты хоть убей меня, но я не смогу... Хочешь, я тебе лучше шестьсот тысяч отдам?

Безымянный тотчас подскочил к нему, приподнял его лицо и, напряженно улыбаясь, торопливо произнес:

— Слово сказал, назад не воротишь. Шестьсот моих! Только я никак не пойму, чего ты испугался, фраерок? Я ж не «мочить» тебя заставляю, а всего-то полить сухостой бензином да поджечь. При таком ветре ельник вспыхнет от одной спички. Твой «новый русский» тут же штанишки промочит от страха и на помощь позовет.

Лагутин осторожно, боясь, что снова ощутит боль, пощупал нос, а потом посмотрел на пальцы. Странно, но под носом крови не было.

— Заметят нас, — сказал он уже без надежды на то, что Безымянный от него отвяжется.

— А кто больше должен беспокоиться, чтоб его не заметили? Если меня хоть одна собака увидит, мне опять за решетку идти. А что с тобой станется? С острова снимут, и домой отправят? — Он похлопал Лагутина по плечу с небывалым великодушием и добавил: — Не все же время дармовщинку жрать!

Глава 22

Факел

Ворохтин пробежал по берегу километров пять, прекрасно разогрелся и снял с себя курточку, оставшись в одной борцовке. Бронзовый от загара и лоснящийся от пота, он уже штамповал свои следы на гладком песке пляжа базы, как ему наперерез кинулась Кира.

— Гвоздев только что сел в джип и куда-то уехал! — крикнула она.

— Сможешь за ним проследить? — схватил ее за плечи Ворохтин.

— Конечно!

— Поедешь на моей «десятке»!.. Стой! Я тебе дам ключи и рацию!

Он изо всех сил рванул к «скорой», которая все еще служила ему домом. Кира отстала, но, пока он вытряхивал из карманов брюк ключи от машины и настраивал на свою волну радиостанцию Павлова, девушка, высунув язык, подбежала.

— Все время будь со мной на связи! — на ходу инструктировал Ворохтин.

— Хорошо!

— И если он сядет в лодку и поплывет к островам, немедленно сообщи!

— Само собой!

— У тебя хоть права есть?! — крикнул он вдогонку удаляющейся машине, которая прыгала на дорожных ямках, словно большая механическая лягушка, и, застегивая на ходу куртку, побежал в аппаратную.

Саркисян был занят, он просматривал какой-то эпизод.

— Где твой помощник? — спросил Ворохтин, раздвигая в стороны монтажеров и садясь на стол напротив Саркисяна.

— Привет! Ты еще здесь? — рассеянно произнес режиссер и тут же повернулся к своей команде: — После третьего рекламного блока какой даем остров?

— Четвертый! — отозвался кто-то.

— Какой еще Четвертый? Кто там сошел с ума? — беззлобно заворчал Саркисян. — На Четвертом уже и следов Павлова не осталось! Третий даем! Наш юный друг покажет зрителям, как готовить жаркое из водяной крысы.

Наконец он снова ошастливил своим вниманием Ворохтина:

— Извини, о чем ты меня спросил?

— Гвоздев где?

— Понятия не имею! Где-то болтается, сукин сын. Может, в столовой?

— Куда ты его отправил?

— Да господь с тобой! — отмахнулся Саркисян. — У меня не хватает ни власти, ни денег, чтобы им управлять... Ну-ка, ребяташки, кто даст мне хронометраж смонтированного куска?

— Семнадцать минут, Арам Иванович.

— А-я-яй! Как всегда, перебор! Голубчик, может быть, ты слезешь со стола?

— Имей в виду, — сказал Ворохтин, ткнув пальцем в грудь Саркисяну, — если сегодня что-нибудь случится, это будет явный перебор, и ты уже не отвертишься!

— О чем он? — часто моргая, спросил Саркисян, вращая толстой короткой шеей во все стороны. — Наверное, он сошел с ума! Полиция завела на него уголовное дело, и у него от этого поехала «крыша»!

Ворохтин отошел подальше от генераторов, которые оглушительно трещали, вынул из кармана радиостанцию и надавил кнопку вызова.

Кира ответила не сразу. Наверное, ей понадобилось время, чтобы пристроить наушник, а сделать это, управляя автомобилем на лесной дороге, было не так-то просто.

— Да... Слушаю! — наконец отозвалась она.

— Кира, ты где?

— Я у него на «хвосте»! — сквозь треск помех раздался ее голос. — Он едет в поселок!

— Он тебя не видит?

— Вряд ли... Очень плохая дорога, а у него скорость будь здоров... Как у вас омыватель включается? Стекло в пыли...

— Кира, будь осторожна! — крикнул Ворохтин, кидая взгляды во все стороны. — Не приближайся к нему слишком близко! Этот тип на все способен!

— Хорошо, не беспокойтесь... Ах, черт возьми!

— Что там у тебя?

— Он не доехал до поселка и свернул в лес! По-моему, эта дорога ведет в детский лагерь!

Ворохтин торопливо ходил по опушке леса и места себе не находил. Как жаль, что он не может разорваться на две части! И за островами следить надо, и Гвоздеву на «хвост» не мешало бы сесть, чтобы потом взять его с поличным и как следует намылить ему морду!

— Кира, держись от него на приличном расстоянии! — пуще прежнего забеспокоился Ворохтин — мало ли что этот подонок на безлюдной лесной дороге может выкинуть! — Если он вдруг остановится, сразу же давай задний ход и уходи!

— Поняла, поняла, — процедила Кира. — Что ж вы так кричите... У меня уже в ухе звенит... Ай! Так и знала...

— Что? Он опять свернул?

— Да нет же... Вы меня, наверное, убьете!

— Говори, не трави душу!

— Я передним колесом в яму села.

— И не можешь выехать?

— Пока не получается. Попробую враскачку...

Ворохтин сплюнул и опустил руку с радиостанцией, которая от напряжения уже начала неметь. Доверил девчонке такое опасное дело! Не дай бог, с ней какая-нибудь скверная история случится!

— Как ты там, Кира? — спросил он, снова прижимая радиостанцию к губам.

— Да вот подкладываю под колесо ветки... Понимаете, тут передок на грунт лег, потому так тяжело выходит...

— Джип где?

— Да его уже не видно. Скрылся за деревьями.

— А ты уверена, что эта дорога ведет в детский лагерь?

— Конечно, уверена!

— Хорошо. Не суетись. Все, в общем-то, уже понятно... Прислать кого-нибудь на помощь?

— Вы что, опозорить меня хотите? — возмутилась Кира. — Сама справлюсь, не маленькая! Веток только надо собрать как можно больше и под колесо сунуть. А если не получится, я с домкрата попробую...

— Ну, давай, пробуй!

Ворохтин отключил радиостанцию и посмотрел на часы. Без четверти шесть! Пятнадцать минут до начала связи с островами.

Он кинулся к спасательной вышке, поднялся наверх и, взяв у наблюдателя бинокль, стал молча рассматривать призрачные из-за тумана очертания островов... Первый остров, Второй... Третий... Вон и Пятый...

В первое мгновение Ворохтин не заметил ничего особенного, но постепенно все более отчетливо проявлялось яркое пятно, увеличивающееся прямо на глазах. Оно двигалось, словно танцевало, и из-за плотного тумана казалось, что от него во все стороны расходятся лучи.

— Черт возьми! — пробормотал Ворохтин. — Это что за пионерский костер?

Он быстро спустился вниз, забежал в аппаратную и, протиснувшись к Саркисяну, выдернул из его потной руки микрофон:

— Бревин, что у вас там горит?

Не ожидавший подобного вопроса, тот молча посмотрел по сторонам, пожал плечами и неуверенно переспросил:

— В каком смысле — горит?

— Ты что творишь? — возмутился Саркисян. — Остановите запись!

— Бревин, на вашем острове очень большой костер, если, конечно, это можно так назвать!

— Костер? — смущенно произнес Бревин и опять посмотрел по сторонам. — Нет, вроде бы ничего...

— Вы что, запаха дыма не чувствуете? — теряя самообладание, выкрикнул Ворохтин.

— Дыма? — снова переспросил Бревин. — Вроде не чувствую...

Спасателю показалось, что он разговаривает с идиотом. Опустив руку с микрофоном, он оглядел бригаду и произнес:

— У него что, насморк вместе со слепотой? Там так полыхает, что у нашего берега уже вареная рыба всплывает!

— Где полыхает? — заморгал глазами Саркисян и мимоходом вырубил все мониторы.

— Господи! — взмолился Ворохтин. — Неужели я непонятно выражаюсь? На Пятом острове горит лес!

В аппаратной началось нервное оживление. Технари и монтажеры вслед за Ворохтиным выбежали на улицу. Столпившись на волейбольной площадке, они замолчали и замерли, замороженные жутким и в то же время притягательным зрелищем.

Пятый полыхал, словно сноп. Пламя охватило уже больше половины острова и стремительно перекидывалось на оставшиеся деревья. Усиливающийся с каждой минутой ветер раздувал огонь, красные языки пламени отражались в озере, и создавалось впечатление, что в воде плавают гигантская ракушка, обросшая рыжими водорослями.

— Что это? — бормотал Саркисян, пялясь на горящий остров и не веря своим глазам. — Быть не может... Кто это сделал?.. Мистика какая-то...

Ворохтин выхватил из кармана радиостанцию, торопливо ввел частоту и нажал кнопку вызова. Бревин на сигнал не отвечал.

— Вызывай его через каждые полминуты! — крикнул он стоящему в общей группе наблюдателю. — Скажи, пусть окунется в озеро прямо в одежде и немедленно уходит с подветренной стороны! Ты понял?!

— Понял! Пусть окунется и уходит с подветренной стороны!

— Ты куда? — растерянно крикнул Саркисян Ворохтину, который во весь опор побежал на причал к моторным лодкам. — Это опасно! Остановите его! Кто-нибудь, задержите его! Ты не имеешь права туда соваться!! Я отвечаю за твою жизнь!! Немедленно вернись!.. Что вы стоите, остолопы! Догнать его!

Никто не мог понять, почему спасатель не имеет права спасти человека. Саркисян хватал за рукава и толкал в спины своих подчиненных, но толку от этого было мало.

— Ворохтин, ты об этом пожалеешь!! Не смей трогать моторку, это частная собственность!! — не на шутку распалился режиссер.

В этот момент на берег, к самому причалу, выехал джип, резко затормозил, и из него выскочил помощник режиссера.

— Гвоздев!! — закричал Саркисян. — Догнать его!! Догнать! Он хочет воспользоваться нашей моторкой!

Гвоздев на мгновение замер, пораженный видом горящего острова, который коптил небо, словно нефтеперерабатывающий завод, но затем послушным цербером бросился Ворохтину наперерез. Он оказался на причале раньше и успел даже принять боксерскую стойку, от которой секундой позже отказался.

Ворохтин приближался к нему с решимостью локомотива, доски под ним скрипели, и весь причал ходил ходуном. До Гвоздева вскоре дошло, что он сам загнал себя в ловушку, и студент с отчаянием посмотрел по сторонам. Увидев валяющийся рядом рычаг от лебедки, схватил его и с воинственным видом стал им размахивать:

— Не подходи! Голову проломлю!

Ворохтин продолжал идти прямо на Гвоздева. Приблизившись на шаг, он увернулся от одного удара, затем от второго, потом присел, и рычаг просвистел над его головой. Гвоздев, схватив железяку двумя руками, ударил ниже и попал Ворохтину в плечо. Удар был сильный, и Гвоздев, следуя по инерции за своим оружием, потерял равновесие. Тут спасатель улучил момент и хлестким ударом впечатал кулак в челюсть студента. Выронив рычаг и раскинув руки, Гвоздев перелетел через оградительный леер и упал в воду.

Ворохтин отвязал швартов, прыгнул в лодку и запустил мотор.

— Тебе, сынок, я бы посоветовал утопиться, — сказал он Гвоздеву, который, шумно сморкаясь, лупил по воде руками, пытаясь ухватиться за дощатый настил.

Придерживая на голове фуражки, к причалу с опозданием бежали полицейские.

Глава 23

Мистика

Он слишком торопился и совершил ошибку: из двух лодок выбрал ту, на которой мотор был слабее. Уже несколько минут спустя он увидел, что его настигает вторая моторка. Она неслась по пенному следу и прыгала на волнах. Саркисян, сидящий на носу, грозил ему кулаком и что-то кричал.

Совсем некстати запищала радиостанция.

— Слушаю! — отозвался Ворохтин.

— Это я! — раздался в наушнике голос Киры. — Я уже на базе. Не сердитесь, я пробила колесо... А куда все подевались?

— Поговорим позже, я занят! — бросил Ворохтин и заложил крутой вираж, пытаясь оторваться от преследователей.

— Ворохтин, не делай глупостей! — донесся сквозь вой мотора крик Саркисяна.

Расстояние между лодками увеличилось, но ненамного и ненадолго. Вскоре преследователи поравнялись с ним. Теперь обе лодки шли рядом, словно на параде. Ворохтин упрямо смотрел вперед, демонстративно не желая вступать в разговоры с Саркисяном.

— Ты делаешь себе только хуже! — кричал режиссер. — На тебя заведено уголовное дело, и все свои действия ты должен согласовывать с полицией!

Обе лодки промчались мимо Третьего острова. Ботаник, стоя на высоком обрыве, отдавал честь.

— Гражданин Ворохтин! — раздался голос старшего лейтенанта Зубова. — Вы нарушили подписку о невыезде!

Ворохтин чуть потянул рукоятку управления на себя, и его лодка слегка ударилась в борт второй лодки.

— Ох, доиграешься ты у меня! — закричал Саркисян. — Кровавыми слезами плакать будешь!

Сержант, сидящий на корме, прибавил газу, и оперативно-съёмочная группа ушла вперед, оставляя за собой брызги и бензиновую гарь.

Окутанный дымом остров надвигался огнедышащей громадой. Сухие ели полыхали как факелы. Языки пламени напоминали развевающиеся флаги, поднятые над островом победителями. Дым, вытесняя туман, стелился над водой. Моторка, идущая впереди, нырнула в него и исчезла из виду.

Ворохтин еще раз, но уже без всякой надежды, попытался связаться с Бревиным. «Неужели он сгорел заживо? А может быть, увидел надвигающийся пожар и кинулся в воду? Намочил радиостанцию и потому не отвечает...»

Он едва успел сбросить скорость и круто повернул в сторону, иначе бы неминуемо врезался во вторую лодку, которая покачивалась на волнах в нескольких метрах от берега. Все ее пассажиры, забыв на время про Ворохтина, молча смотрели на жуткое и в то же время притягательное зрелище. Пожар пожирал последние уцелевшие ели и сосны на дальней стороне острова, лес трещал и стонал, словно в агонии. Некогда живописная полянка на краю обрыва, где была установлена камера, превратилась в мрачное дымящееся пепелище, окруженное обугленными стволами. На одном из них все еще висели почерневшие детали камеры, расплавленные и деформированные от жары.

От острова тянуло нестерпимым жаром, и потому Саркисян со своей командой не подплывал к нему ближе. Оператор, стоя на коленях, снимал мрачную панораму. Полицейские, сняв фуражки, смачивали в воде платки и прижимали их к своим разгоряченным лбам. Головешки, плавающие вокруг, методично постукивали о борт лодки, и этот перестук был не менее страшен, чем треск деревьев, лопающихся от жара.

— Тут уж ничего живого не осталось, — произнес Саркисян и стянул с головы кепку. — Сгорел, как картонная фабрика...

— Нарушение правил безопасности при разжигании костров, — констатировал Зубов, протирая мокрым платком шею.

— У меня хранятся расписки всех участников «Робинзонады»! — немного волнуясь, заверил Саркисян. — Всю ответственность за свою жизнь и здоровье они взяли на себя! Так что моей вины здесь нет!

— Да при чем здесь вы, Арам Иванович! — махнул рукой Зубов.

Ворохтин прибавил газу. Его лодка приблизилась к берегу и ткнулась в песок, густо усыпанный пеплом.

— Пожалей себя и свои красивые волосы, голубчик! — крикнул Саркисян. — Ничего ты там уже не найдешь и никого не спасешь.

— Что делает! — покачал головой Чекота, глядя через видоискатель на Ворохтина, который спрыгнул с лодки в воду, вынул из кармана радиостанцию, чтоб не намочить, и прямо в одежде окунулся с головой.

— Ты снимай, снимай, — вздохнув, сказал Саркисян оператору. — Какое мужество! Какая самоотверженность! И все ради того, чтобы поступить наперекор старому доброму Араму Ивановичу. Чтобы ему насолить и испортить настроение.

Прикрывая лицо мокрым рукавом, Ворохтин стал приближаться к поляне. От его одежды повалил густой пар. Нестерпимый жар обжигал нос и уши и уже пробивался сквозь толстую подошву ботинок. Каждый вдох причинял нестерпимую боль. Он приблизился к середине поляны, на которой возвышалась гора тлеющих углей, накиннул подол куртки на конец большой сосновой ветки и потянул на себя. Хрупкая конструкция из головешек обрушилась, и мириады искр взметнулись в задымленное небо. Но Ворохтин ветку не отпустил и, едва не крича от боли, поволок ее на берег. Оставив свою ношу на песке, кинулся к воде, с наслаждением окунул руки и стал пригоршнями лить на голову воду.

— Что это? — поморщившись, спросил Саркисян. — Что за гадость?

Плохое зрение не позволяло ему рассмотреть бесформенный черный предмет, прицепившийся к обгоревшей ветке. Но его вопрос повис в воздухе. Никто не мог ничего сказать определенно.

— Ну-ка, давай к берегу! — скомандовал Зубов сержанту.

Моторка медленно поплыла вперед и мягко наехала на песок. Зубов вышел из лодки первым, за ним сержант, а потом уже Чекота. Зажав нос пальцами, Зубов приблизился к отвратительной дымящейся массе, склонился над ней и тотчас отпрянул.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Саркисян, выбираясь из лодки и несмело приближаясь к нему. — Что это такое? Что за гадость?

— Труп вашего «робинзона», — ответил Зубов и отвернул лицо, чтобы поменьше чувствовать смрад горелого мяса.

— Как труп? Этого не может быть... Мистика...

— А вы надеялись, что он выживет?

— Кто надеялся? Я надеялся? Да я вообще... — забормотал Саркисян и, страстно желая немедленно получить исчерпывающие разъяснения, посмотрел на оператора. Но тот лишь молча покрутил головой, и на его искаженном лице можно было заметить отпечаток того же мистического ужаса.

— Можете снимать! — сказал Ворохтин, глядя на свои обожженные ладони. — Зрителям это должно понравиться.

На Саркисяна было страшно смотреть. Казалось, его красное, мокрое от пота лицо сейчас вспыхнет факелом, подобно горячей ели.

— Нет, — бормотал он, медленно птясь к воде. — Не может быть... Бред... — Вскинув голову, он дикими глазами посмотрел на Ворохтина и направил в него дрожащий палец: — Это ты... Это все ты...

Ворохтин забрался в лодку и завел мотор.

— Эй! Куда? — крикнул сержант.

— Ворохтин, стоять! — добавил Зубов, но не слишком настойчиво.

— Держите же его! — завопил Саркисян, но его голос заглушил треск мотора. Приподняв передок и отбрасывая в стороны плавающие головешки, лодка помчалась вдоль берега и быстро скрылась в дыму.

Глава 24

Бычок на бойне

Саркисян был настолько погружен в свои размышления (точнее, даже не в размышления, а в странные, неопределенные эмоции), что и едва не пропустил важный звонок от продюсера.

— Боюсь сглазить, но дела у нас идут очень даже неплохо, — сказал он. — Горящий остров сняли с самолета «эмчеэсовцы», и я уже дал этот эпизод в качестве анонса. Репортаж о пожаре должен быть ударным, Арам! Успех «Робинзонады» превзошел все ожидания. Мы вышли в тройку самых популярных передач. Так держать, Арамчик! Из оставшихся участников надо выжать максимум драматизма...

«Черт бы тебя подрал с твоей торопливостью! — подумал Саркисян и, отключив телефон, упал в кресло. — Какого черта надо было спешить с анонсом о пожаре? Теперь задний ход уже не дашь...»

Он еще не знал, как будет выкручиваться, но уже чувствовал, что ложь теперь должна быть еще более жестокой и изощренной.

— Зайди ко мне! — вызвал он по телефону Гвоздева.

Через пару минут раздался стук в дверь, и в трейлер вошел студент. Он был в камуфлированной униформе с чужого плеча, размера шестидесятого. Карманы, которые должны находиться на груди, съехали на живот, и выглядел помощник как клоун.

— Неплохо он тебя разукрасил, — не преминул заметить Саркисян, запирая входную дверь на замок.

— Чуть зуб не выбил, сволочь, — проворчал Гвоздев и шмыгнул носом.

Саркисян подошел к окну, задернул штору и тихо спросил:

— Не разнюхал, кто там сгорел?

— Нет! — так же тихо ответил Гвоздев, испуганными глазами глядя на шефа. — Вот же вы вляпались! И как теперь думаете из этой ситуации выбираться? Должно быть, уже есть какая-нибудь идея?

— Да, история неприятная, — задумчиво произнес Саркисян, глядя, как по стенкам бокала сползает маслянистая коньячная пленка. — А самое скверное то, что у передачи очень высокий рейтинг.

— Что ж тут скверного? — криво улыбнулся разбитыми губами Гвоздев.

— А то, что все мы теперь находимся под пристальным вниманием завистников и конкурентов. Если разнюхают про махинацию... — Саркисян сделал паузу и выразительно посмотрел в глаза Гвоздеву: — В которой, между прочим, ты принимал самое активное участие...

— Так я же... — попытался оправдаться помощник, сославшись на то, что лишь выполнял поручение главного режиссера, но Саркисян его осадил:

— Молчи! Подумай лучше о своем будущем! Если в институте узнают, в каком обмане ты замешан, то вылетишь оттуда, как пробка! И не видать тебе диплома режиссера, как своих ушей!

— Так это ведь вы... — Гвоздев сделал вторую попытку оправдаться, но снова безрезультатно.

— Что?! — вспыхнул Саркисян. — Что ты хочешь сказать? Что выполнял мой приказ? Это ты потом своему ректору объяснишь! Бревин через неделю разстрелит по всей Москве, как студент Гвоздев снимал его в ста метрах от гостиницы, выдавая это за необитаемый остров. Он будет рассказывать об этом как анекдот, чтобы потешить братву! А если меня спросят, я скажу, что ничего не знаю, что студент Гвоздев вступил в тайный сговор с Бревиным, чтобы мошенническим путем получить миллион рублей!

— Да что вы, Арам Иванович! — испугался студент. — Да разве я собирался что-нибудь против вас... Я не отрицаю, конечно же, я тоже виноват. Это наша общая с вами проблема. И что же делать?

— Думать! Это ведь твоя проблема, сынок. Чем я рискую? Ничем. У меня уже все есть. В том числе и деньги. А скандал лишь добавит мне известности.

— Но вы меня, пожалуйста, не бросайте! — произнес Гвоздев, жалобно улыбаясь.

— Не бросайте! — проворчал Саркисян. — Как жареный петух клюнет в задницу, так сразу: «Не бросайте, Арам Иванович!» Кто это мог быть? Вот скажи мне, какая сволочь залезла на этот остров и устроила там пожар?

— Может, турист. Или рыбак... — неуверенно проговорил Гвоздев.

— Да все берега кругом утыканы табличками, которые запрещают высадку на заповедные острова! — воскликнул Саркисян. — Значит, этот человек сознательно пошел на нарушение закона, за это и поплатился! Все беды в нашей стране из-за того, что люди плюют на законы. И что теперь делать с Бревиным?

— Давайте вырежем эпизод с трупом. Будто никакого трупа там и в помине не было! — предложил Гвоздев.

— Ну? И что дальше? — буркнул Саркисян.

— А дальше вы объявите, что Бревин снимается с соревнований за то, что грубо нарушил правила безопасности при разжигании костра, чем нанес экологии острова непоправимый вред.

Саркисян снова принялся ходить по комнате. «Снимается с соревнований! Ага, сейчас! И придется возвратить Бревину миллион рублей! Разбежался! Эти деньги мне самому нужны...» О том, что Бревин заплатил Саркисяну такую большую сумму, Гвоздев не знал. Может, и догадывался, но, во всяком случае, этого не показывал.

— Ты представляешь, что будет, когда я скажу Бревину: «Мы снимаем тебя с соревнований, потому что на твоём острове случился пожар!» Да он со своими «братками» всю базу вверх ногами поставит!

— Эх, — вздохнул Гвоздев, — зря вы с ним связались... А может, сжечь участок леса у гостиницы и продолжить съёмки на новой натуре?

Саркисян неодобрительно взглянул на студента и постучал себя кулаком по лбу:

— А ещё черной краской нарисовать на теле Бревина ожоги, из жвачки сделать волдыри на его лице и прожечь в нескольких местах униформу. Да? И на этом выжженном острове, питаясь исключительно углем, Бревин будет стремительно жиреть и страдать ежедневными запорами. Да, сынок, зритель глуп и туп! Но не до такой же степени! М-да, плакала твоя карьера режиссера.

— Арам Иванович! Но что мы ещё можем сделать?

— Не ори! — оборвал студента Саркисян и посмотрел ему в глаза долгим взглядом: — Все, в том числе и полиция, уверены, что на острове сгорел Бревин. Только мы с тобой и Чекота знаем, что это не так. И очень печально, что это не так, ибо, если бы Бревин на самом деле сгорел, то лучшего эпизода для «Робинзонады» трудно было бы придумать. Так зачем ломать голову и изобретать велосипед?

— В каком смысле — велосипед? — удивленно заморгал Гвоздев.

— В прямом. Все думают, что Бревин сгорел? Так пусть оно так и будет. А тебе, сынок, я тебе шанс спасти свою карьеру и стать полноправным соавтором «Робинзонады». Для этого ты должен сделать один сильный, но необходимый шаг. Надеюсь, ты догадываешься какой?

— Арам Иванович, — прошептал Гвоздев, тараща глаза на шефа. — Но как я смогу...

— Очень просто. Бревин, как бычок, сам пойдет на бойню. В двенадцать часов вы с Чекотой отвезете его в лес, где заранее должна быть вырыта яма. Посадишь его перед камерой, возьмешь тесак и станешь пока-

зывать Бревину, как надо его держать... Остальное — сущий пустяк. Скинешь тело в яму и закопаешь.

Гвоздев побледнел, на его лбу выступили капли пота.

— Чего ты испугался? — усмехнулся Саркисян. — У вас ведь железное алиби!

— К-к-какое? — заикаясь, спросил Гвоздев.

— Отсутствие состава преступления! Бревина ведь уже нет в живых. Он сгорел! Никто не знает, что толстый тюфяк, проживающий в гостинице «Охотник», — это и есть Бревин. На экране его физиономия всегда вымазана в глине, так что в поселке его никто не сможет узнать. И зарегистрирован он, если не ошибаюсь, под твоей фамилией. Так?

— А если... если экспертиза трупа? — пробормотал Гвоздев.

— Какая экспертиза? — фыркнул Саркисян. — Тебе очень повезло, что ты не видел этот труп! Три обгоревших ребра и жареные кишки — пооди докажи, что это не Бревин!

— А Чекота знает об этом... о вашем замысле?

— Зачем торопиться раньше времени? Когда ты прикончишь Бревина, оператор невольно станет соучастником, и потому будет молчать, так как это в его интересах. — Видя, что Гвоздев уже почти решился, Саркисян встал и ободряюще похлопал его по плечу: — Не переживай, все будет хорошо! На «Робинзонаде» мы заработаем сумасшедшие деньги. И ты можешь быть уверен: я поделюсь с тобой щедро.

Глава 25

Человек в плаще

«Только идиот может утверждать, что три смерти подряд — это случайные события, — думал Ворохтин. — Так задумано. Но кем? Кому выгодно убивать участников игры? Во-первых, Саркисяну. Трупы — это саспенс, это рейтинг передачи, а значит, большие деньги. А, во-вторых, выгодно одному из «робинзонов», который хочет выиграть миллион».

Он греб медленно, чтобы не было слышно всплесков. Лодка плыла то ли в дыму, то ли в пропахшем пожаром тумане. Ничего вокруг не было видно. Никакие звуки не проникали извне. Казалось, что лодка, подобно воздушному шару, зависла в облаке. Но Ворохтин знал, что позади него все еще коптит небо огнедышащий Пятый остров. А чуть впереди и левее притаился Второй, к нему он и направлялся.

Уже стемнело, когда передок лодки с тихим шелестом въехал в плотные заросли камышей. Упираясь веслом в мягкое дно, Ворохтин причалил к берегу. Он находился в средней части острова, в полукилометре от того места, где была установлена камера, и справедливо полагал, что Лагутин никак не сможет его обнаружить.

Закрепив моторку, чтобы ее не унесло ветром, Ворохтин неспешно пошел на северную оконечность острова. Он выбирал заросли плотнее и темнее и пробирался сквозь них бесшумно, не ломая ветвей и не наступая на сушняк. Шел крадучись, но сам не до конца понимал, какую цель преследует, желая остаться незамеченным: либо он собирался следить за Лагутиным, либо за каким-то другим человеком, намеревающимся Лагутина убить. Впрочем, самого Ворохтина этот вопрос мало занимал. Он просто не хотел, чтобы его кто-либо видел, будь то Лагутин, убийца или сам дьявол, потому как оставаться незамеченным — это преимущество на все случаи жизни.

Вскоре лес поредел и посветлел, потянуло сыростью и рыбным запахом озера. Между стволов показалась полянка, на которой, по мере того как в разрывах туч проглядывала луна, проявлялись синие тени. В первое мгновение Ворохтин подумал, что ошибся и, заплутав в потемках, вышел на другую полянку, потому как не увидел ни костра, ни светящихся углей, столь обязательного атрибута походной жизни. Но, подойдя ближе, различил треугольный силуэт шалаша и закрепленную на дереве камеру.

«Спит, наверное!» — подумал он и лег на траву под кустом, откуда можно было увидеть достаточно. Ночь была холодной, и Ворохтин вскоре продрог. «Как же он без костра? Окоченеть можно, если на голой земле лежать!»

И тут в его мозгу вспыхнула внезапная и страшная мысль, от которой в мгновение стало жарко: «А вдруг он уже мертв?» Вскочив на ноги, Ворохтин быстро подошел к шалашу, присел у входа и провел рукой по сухой траве. «Так же разрыв сердца получить можно! — с облегчением подумал он, убедившись, что в палатке пусто, даже одеяла нет. — Но где же Лагутин?»

Не желая нечаянно напугать своим присутствием хозяина, если тот вдруг вернется с ночной прогулки или, что было более вероятно, с ночной рыбалки, он снова вернулся в свою засаду и только пристроился под кустами, как увидел бесшумно движущуюся тень. Она приблизилась к сосне с камерой, на мгновение слившись с ней, затем отделилась и медленно поплыла по кругу. «Лагутин?» — подумал Ворохтин, но тотчас сам воз-

разил себе. Этот человек, больше смахивающий на бесплотное существо, был в длинном плаще с капюшоном, сделанном то ли из резины, то ли из крепкой ткани, чего у Лагутина быть не могло. Но не только это заставляло усомниться, что по темной поляне бродит Лагутин. Незнакомец, как и он сам, шел крадучись, что вряд ли стал бы делать хозяин острова. «Неужели это Гвоздев?» — подумал Ворохтин, хотя почти не сомневался, что это так.

Вдруг из глубины леса донесся тихий звук, похожий на шлепок. Вероятно, это была птица, вспорхнувшая с ветки, или же в лужу прыгнула лягушка, но незнакомец моментально выпрямился и бегом кинулся в заросли.

«Уйдет!» — понял Ворохтин и, ругая себя, выскочил из своей засады.

— Гвоздев, стой!! — крикнул он, преследуя беглеца с такой скоростью, на какую вообще был способен, но сослепу налетел на бревно, лежащее посреди поляны, и кубарем полетел в траву. Громко ругаясь, поднялся и, прихрамывая, побежал дальше.

— Тебе конец, Гвоздев! — убеждал Ворохтин темноту, не желая признавать своего поражения. — Запомни, урод, я тебя все равно найду! Я повешу тебя вниз головой и сниму самые лучшие кадры! Ты слышишь меня, гнус?

Он бежал через кусты и валежник напролом, с треском ломая все, что оказывалось на его пути. Выдохшись, остановился и прислушался. Ему показалось, что где-то правее раздаются шлепки ног по воде. Ворохтин рванул на звук, выскочил на узкую просеку, которая делила остров пополам, и в скупом свете луны снова увидел человека в плаще.

— Стоять, Гвоздев!! Стреляю без предупреждения!!

Но человек в плаще угрозы не испугался и побежал по воде еще ретивее, пока окончательно не скрылся за стеной камышей.

— Кто здесь?! — тотчас услышал Ворохтин испуганный голос.

Вспыхнул огонь зажигалки, и он увидел встревоженное лицо Лагутина.

— Фу ты! — с облегчением вздохнул тот. — А я подумал, что кто-то чужой... Я на той стороне рыбу острогой бил и тут слышу — голоса...

— У тебя гость. Я видел, как он высадился на твой остров, — немного переврал историю Ворохтин, — и мне пришлось тоже причалить, чтобы разобраться... Ты не видел человека в плаще?

— Нет! — заверил Лагутин и посмотрел по сторонам, хотя увидеть что-либо после зажигалки было практически невозможно.

— Надо прочесать весь остров, — предложил спасатель. — Он скрылся вон там, за камышами.

— Странно, — с каким-то суеверным страхом пробормотал Лагутин. — Кто мог сюда приплыть ночью? И главное, зачем?

— Я тоже хочу в этом разобраться.

— Ты знаешь, кто это?

— Скорее, догадываюсь.

— Мой сосед? Ботаник?

— Об этом потом! — ушел от ответа Ворохтин. — Давай так: я пойду по лесу, а ты берегом...

— Нет-нет! — категорически возразил Лагутин. — По лесу лучше пойду я!

— Разве это так принципиально?

— М-м-м... я береговую полосу... не очень хорошо знаю... — неуверенно пробормотал Лагутин.

— Хорошо, — кивнул Ворохтин. — Как дойдешь до южной оконечности, поворачивай в обратную сторону. Только иди тихо, чтобы себя не выдать. А я бегом... Надеюсь, сумеешь сопляка на землю положить?

— Нет проблем!

— Встречаемся у камеры!

Они разошлись. Ворохтин побежал по просеке, по песку обогнул поросшую камышами затоку и выскочил на пляж. Ветер усиливался, по озеру шла волна, но туман еще был достаточно плотным и позволял незаметно покинуть остров. Понимая, что вся эта ночная «зачистка» острова — все равно, что мертвому припарки, Ворохтин, чтобы успокоить совесть, полностью обежал его по берегу и закончил круг на поляне.

Через несколько минут туда же подошел Лагутин.

— Ничего?

— Ничего...

— Ну и черт с ним! — решил Лагутин, глядя в ту сторону, где в тумане скрывался остров Ботаника. — Наверное, уплыл уже к себе.

Ворохтин хотел сказать Лагутину, что отныне и до конца своей жизни он должен молиться на острогу, которой бил рыбу, но высказался в более мягкой форме:

— Ты все же не расслабляйся. И не спи сегодня в шалаше. Пересиди где-нибудь в кустах...

Лагутин согласно кивнул, пробормотал что-то вроде «баба с возу — кобыле легче» — и спросил:

— Ты сейчас на базу?

— Покатаюсь по озеру немного, — уклончиво ответил Ворохтин и побежал по сыпучему склону вниз, туда, где спрятал моторку.

Глава 26

Тот, кто зашел без стука

Разбитый, с больной головой, Гвоздев появился в столовой и, повстречав там Саркисяна, с ужасом вспомнил о том, что должен сегодня сделать.

Саркисян будто не замечал своего помощника. Напрасно тот пытался попасть в поле его зрения — Саркисян громко обсуждал с монтажерами очередную подачу «Робинзонады» и смотрел на кого угодно, но только не на него.

«Может, он отказался от этой мысли?» — со слабой надеждой подумал Гвоздев, без аппетита жуя горячий бутерброд с ветчиной и плавленым сыром.

— Арам Иванович! — с мольбой в голосе произнес он, остановив Саркисяна в тамбуре.

Главный режиссер одарил студента холодным взглядом и многозначительно проговорил:

— Иди и работай! Работай и иди!

Побледневший Гвоздев понял, что шеф не отказывается от своего страшного замысла. На ватных ногах студент вышел из палатки и по большому кругу направился к пожарному щиту. Он кружился вокруг него, как спутник по орбите вокруг Земли, с каждым кругом приближаясь. Ему казалось, что вся база исподтишка наблюдает за ним и злорадно хихикает: «Смотрите! Смотрите! Он делает вид, что просто так прогуливается около пожарного щита! А правым глазом все время косит на лопату! Убийца! И как его только земля носит?»

Липкий от пота, Гвоздев, наконец, подошел к щиту, встал, как вкопанный, и стал озираться по сторонам. «Так нельзя! — думал он. — Я слишком долго торчу здесь! Надо было быстро пройти мимо и на ходу, не останавливаясь, снять лопату!»

Не чувствуя рук, Гвоздев взялся за выкрашенный красной краской черенок и потянул на себя. Лопата продолжала висеть на крючках, словно приваренная. Оказалось, что какой-то умник прикрутил черенок к крючкам проволокой. Дрожащими руками он принялся раскручивать проволоку и, чуть не плача, подумал: «Меня же все видят! Сейчас подойдет кто-нибудь и скажет: «А зачем тебе лопата? Могилу рыть собрался? Не Бревину ли, случайно?»

Он сорвал лопату, торопливо сунул ее под куртку и, прихрамывая, заковылял к джипу. Кинул лопату между сидений, сел за руль и завел двигатель, мысленно сказав себе: «А я еще подумаю, убивать его или нет. А яма

в лесу... яма еще ничего не значит. Может, я клад хочу найти! Может, я археологией увлекся!» Успокаивая себя, он поехал в поселок, часто поглядывая в зеркало заднего вида, свернул в лес и, остановившись на полянке, принялся копать. Острие лопаты входило в прессованный грунт тяжело, и Гвоздев выдохся, углубившись лишь на штык. «Не маловата будет? — подумал он, глядя на будущую могилу. — Видела бы сейчас меня моя мама! Она бы сошла с ума от стыда и страха... Но почему? Почему? Может, я и в самом деле не собираюсь никого убивать!»

Обман подействовал, Гвоздев немного успокоился и продолжил работу. Незаметно пролетел час, а студент углубился лишь на полчеренка. «Успеть бы!» — вдруг мелькнула мысль, и Гвоздев неожиданно понял, что в ней кроется спасение. Если он не успеет вырыть приличную могилу до начала съемок, значит, ликвидацию Бревина придется отложить. А там, глядишь, и Саркисян откажется от этой мрачной затеи.

Он нарочно стал копать медленнее и все чаще останавливался, чтобы передохнуть. Но судьба словно издевалась над ним. Слой глины закончился, и пошел песок. Глубина ямы росла прямо на глазах. И время как будто притормозило.

— Проклятая яма! — пробормотал Гвоздев и, срывая злость на лопате, принялся копать с удвоенным рвением. Песок вылетал из ямы с такой силой, словно там работала землеройная машина. Углубившись по грудь, он вышвырнул лопату и не без труда выбрался из ямы...

Вернувшись на базу и стараясь не думать о подробностях того, что ему предстоит, Гвоздев тщательно вымыл в озере ботинки и руки и начал готовиться к съемкам, будто это было главное, что он должен был сделать в этот день.

Не менее примечательное событие происходило в это время в дачном поселке. Девушка Рая, которую Бревин называл про себя «Гуманоидом», пила на веранде чай с ватрушкой и смотрела телевизор. Шла «Робинзонада», ведущий захлеб говорил о пожаре на Пятом острове, потом на экране появились ужасающие кадры: горящий лес, густой серый дым и обгоревшие человеческие останки, лежащие на песке. «Бревин погиб! — комментировал ведущий. — Язык не поворачивается произнести эти страшные слова...»

«Так это же Сашкин брат! — ахнула Рая. — Сгорел заживо!»

Давясь ватрушкой, она вскочила из-за стола, выбежала во двор и, сев на велосипед, помчалась в гостиницу «Охотник», которая находилась совсем недалеко от дачи.

Пропустив мимо ушей вопросы администратора, девушка взлетела по ступенькам на второй этаж и кинулась в конец коридора, где находился номер, в котором она провела незабываемую ночь с обаятельным толстяком.

— Саша! — закричала она, барабанила кулаками в дверь. — Открой! Это я, Рая! Очень важная новость!

Никто не открывал, но Рая видела, что изнутри в замочную скважину вставлен ключ, следовательно, Бревин был в номере. «Может, он спит?» — подумала она.

Бревин не спал, но находился в постели.

— Кто это? — шепотом спросила его ушастая брюнеточка Анжела, которую Бревин мысленно прозвал «Телепузиком».

— Жена приперлась, — солгал Бревин, причем сделал это с необыкновенной легкостью и артистизмом, присущим уже вполне опытному актеру, привыкшему ежедневно входить в роль.

— Как жена? — ахнула Телепузик. — Разве ты женат?

— Конечно, — пробормотал Бревин и потянулся к бутылке с минералкой. «Сколько же я вчера пропил денег?» — подумал он, стараясь не смотреть на ушастую девушку с покатыми плечами, щедро усеянными веснушками.

— Что ж теперь делать? — прошептала Телепузик, с отчаянием глядя на содрогающуюся под ударами дверь.

— Быстро одевайся! — посоветовал Бревин. — Если она ворвется сюда, то последние волосы тебе вырвет.

Девушка проворно вскочила с постели и принялась носиться по комнате, на ходу подбирая раскиданные повсюду предметы туалета.

Вскоре стуки стихли. Телепузик, уже одетая по полной форме, в скорбной позе сидела на стуле у двери.

— Ушла? — с надеждой спросил она.

— За подмогой, — ответил Бревин, — так что сваливай лучше сейчас.

— Мы еще встретимся?

— Вряд ли. Если она уже приперлась, то останется со мной.

Телепузик осторожно, словно обезвреживая мину, повернула ключ, приоткрыла дверь и выглянула наружу. Убедившись, что коридор пуст, она помахала слабой ручкой и выскользнула из номера.

«Что алкоголь с человеком делает! — думал Бревин, наслаждаясь одиночеством и покоем. — Ведь на трезвую голову я с такой сырокопченой курицей ни за какие деньги в постель не лягу. А как выпью — вокруг букеты красавиц расцветают...»

Он услышал, как тихо скрипнула дверь. Кто-то вошел в его номер. «Если это Гуманоид, скажу, что с женой был, она только что за чебуреками вышла». Но, открыв глаза, с удивлением увидел, что это вовсе не Гуманоид.

— Привет! — недоуменно произнес Бревин и чуть привстал, натягивая на себя простыню. — Какими судьбами?

Последнее, что он успел увидеть, — это идеально круглое отверстие в стволе пистолета, из которого вырвалось белое пламя.

Глава 27

Перед казнью

— Тридцать минут осталось, надо поторопиться, — сказал Чекота, глянув на часы.

Джип ехал по лесной дороге, поднимая за собой клубы желтой пыли. Дорога была разбита, но для мощной иномарки это не было препятствием, ехать можно было гораздо быстрее. Гвоздев же словно забыл, что нужно давить на педаль газа. Он смотрел прямо перед собой, сжимая влажными руками руль, и думал о чем-то страшном — его лицо становилось все более напряженным, а глаза наполнялись ужасом.

— Что с тобой? — спросил оператор. — Тебе плохо?

— Кому? — встрепенулся Гвоздев. — Мне? С какой стати мне должно быть плохо? — и непроизвольно надавил на газ.

Джип взревел и подпрыгнул, как мячик. Чекота ударился головой о потолок кабины и ухватился за камеру, которая лежала на заднем сиденье.

— Черт тебя подери, — пробормотал он. — Какая муха тебя сегодня укусила?

Гвоздев попытался взять себя в руки, и вроде ему это удалось. Он даже включил музыку и поделился с оператором своим мнением о погоде. Но как только машина выехала на асфальт, и за деревьями показались дачные дома, его снова охватило оцепенение. Скорость упала до двадцати километров в час, и за джипом вытянулся длинный хвост машин, которые «моргали» фарами и сигналили. Гвоздев словно не понимал, чего они от него хотят. Наконец он прижался к обочине и остановился.

— Давай-ка я за руль сяду, — предложил Чекота, но студент, тяжело вздохнув, отказался и повел машину дальше, снова погружившись в свои мрачные мысли.

Он чуть не проехал мимо гостиницы, резко затормозил, дал задний ход и, остановившись на парковке, сказал, криво улыбаясь:

— Пойду, позову Бревина.

— Сиди! — махнул рукой Чекота. — Сам выйдет. Не велика персона.

— Да нет же, — с мягкой настойчивостью произнес Гвоздев и приоткрыл дверь. — Я лучше поднимусь к нему и потороплю. Так будет быстрее.

— Ну, как хочешь, — равнодушно ответил Чекота.

Гвоздев быстро поднялся на второй этаж гостиницы. Решение уже созрело. Он знал, что это единственный выход из мрачного тупика, куда его загнал Саркисян. Он пойдет на этот обман ради своего будущего. Сейчас все объяснит Бревину, раскроет перед ним все карты...

Он подошел к номеру, который снял для Бревина, и постучал. Дверь оказалась незапертой и медленно открылась.

— Можно? — спросил Гвоздев, стараясь удержать на лице маску доброжелательства.

Переступив порог, он увидел, что Бревин лежит в постели, никак не реагируя на его появление, и, приблизившись к кровати, оцепенел, чувствуя, как в груди замирает сердце и немеют ноги. Лицо Бревина было залито кровью, и все вокруг в крови — подушка, простыня и даже стена.

Гвоздев тихо заскулил, закатил вверх глаза и выдавил из себя:

— Опоздал... Он меня подставил... Сволочь! Сволочь!

Затем попятился к двери, вышел в коридор и шатающейся походкой поплелся к лестнице. В голове гудело, сознание наполнялось голосами, которые становились все более громкими и отчетливыми.

— Остановите его! — крикнула женщина в белом халате, показывая на Гвоздева пальцем. — Он вышел оттуда!

По лестнице гроыхали ботинки, цокали каблуки, из гостиничных номеров выглядывали люди. Пожилой мужчина преградил Гвоздеву путь и спросил:

— У вас пропуск есть?

Гвоздев остановился на лестничной площадке и стал шарить по карманам. Снизу быстро поднимались несколько человек в полицейской форме, с «калашниковыми» наперевес.

— Стоять!! — очень грубо крикнул ему один из полицейских, и он тотчас замер, боясь дышать и моргать, только подумал про себя: «Хоть бы бить не начали!»

Его толкнули к стене, ударами по коленям заставили раздвинуть ноги. Гвоздев не возмущался, только при каждом ударе ойкал. Ни протеста, ни злости не вспыхнуло в его душе. Все, что происходило, он воспринимал как должное, потому что все было одной историей — начиная с тайного разговора с Саркисяном, продолжая могилой в лесу, и заканчивая лесной дорогой.

— Я не хотел, — бормотал он, упираясь руками в стену, обшитую «вагонкой», на которой висели кустистые олени рога. — Это не я... я просто не успел... я не смог бы так сделать...

Его обыскали, вытащили из карманов бумажник, документы, тесак и коробочку с косметическими тенями. Потом надели на него наручники и повели к выходу.

Чекота увидел, как Гвоздева вывели на улицу и затолкали в зарешеченную полицейскую машину. Он присвистнул, пересел за руль и завел мотор. «Что ж он натворил там? А ведь я как чувствовал, что все эти игры с Бревиным добром не кончатся. Все, с меня довольно! Я умываю руки! Пусть Саркисян ищет другого оператора!»

Глава 28

Шприц

Едва рассвело, Лагутин принялся наводить на острове генеральную уборку. Никто и никогда не должен узнать, что на острове жил беглый уголовник! Никакая, даже самая дотошная экспертиза не должна догадаться, что Лагутин с первого до последнего дня «Робинзонады» питался не хуже, чем в родном доме.

Сначала он снял палатку — самый большой и заметный предмет, оставшийся после Безымянного. Хоть и жаль было отказываться от такого уютного и комфортного жилища, но риск, что палатку заметит кто-нибудь из организаторов шоу, был слишком велик. Это ведь не «Робинзонада», а бардак какой-то! Оказывается, ночью, пока Лагутин спит, по острову целые толпы шастают! То беглые каторжники, то спасатели, то подозрительные типы в черных плащах. А завтра, чего доброго, сюда Саркисян со всей группой высадится, чтобы подробнее отснять, так сказать, финальную агонию.

Он аккуратно надрезал большой пласт дерна и скатал его, словно ковровую дорожку. Потом стал рыть яму и, выкопав ее, плотно уложил туда коврик, палатку, примус, пустые консервные банки, пакеты и продукты — оставил себе лишь пачку ржаных сухарей да несколько банок тушенки с рисом. Затем раскатал дерн и поправил его края. Идеальная работа! Ни за что не скажешь, что здесь что-то спрятано.

Покончив с бывшим пристанищем Безымянного, Лагутин вернулся к своему шалашу, соорудил костер и тщательно прокоптил на нем котелок. Для пущей убедительности, набрал каких-то ягод, кореньев, залил

их озерной водой и поставил кипятиться. Когда на остров приедет съёмочная бригада поздравлять его с победой, он угостит их этим зельем. Пусть попробуют экзотики, которую они так превозносят на протяжении десяти дней!

Пока варилось угощение, Лагутин взял тесак и пошел в заросли камышей. Подойдя к затоке, присел у берега и вдруг увидел лежавший в траве маленький продолговатый предмет. Поднял его, положил на ладонь и внимательно рассмотрел. Это был пластиковый шприц, готовый для инъекции. Игла была закрыта колпачком, внутри переливалась прозрачная жидкость.

«Я был здесь вчера, — подумал Лагутин, — и вряд ли бы не заметил этой штуковины. Значит, ее выронил «гость», за которым мы со спасателем гонялись сегодня ночью. Он собирался сделать мне укол? Интересно бы узнать, что это за гадость?»

Он тут же вытащил радиостанцию и связался с Ворохтиным:

— Послушай, я напрасно на мальчишку бочку катил...

— На какого мальчишку? — не понял спасатель.

— На Ботаника. Это не он был у меня сегодня ночью.

— Почему ты так решил?

— Я нашел шприц с иглой. Могу поклясться, что до сегодняшней ночи этой штуки на острове не было. Это кто-то с вашей базы «лечить» меня надумал.

— Шприц заправлен?

— Да, полностью. Но, сам понимаешь, пробовать на вкус и даже нюхать эту муру у меня большого желания нет.

— Ни в коем случае! — предупредил Ворохтин. — Какой цвет у жидкости?

— Вроде желтоватый.

— Это плохо. Спрячь шприц в надежное место, я при случае посмотрю.

— Что это может быть, как ты думаешь? — заинтригованный реакцией спасателя, спросил Лагутин.

— Если это дексалин, то одной инъекции достаточно, чтобы вплавь перебраться с одного острова на другой и при этом даже не подхватить насморка. Так что версию с Ботаником пока рано хоронить.

— Согревающее средство?

— Стимулятор. Пожалуйста, будь осторожен. Особенно после вечернего сеанса связи.

Отключив радиостанцию, Лагутин еще раз внимательно посмотрел на шприц. «Знать бы, чем все это кончится, — задумчиво покачал он головой. — Лавровым венком или надгробным?»

Глава 29

Ва-банк

«Я не спасатель, — с раздражением думал Ворохтин. — И не врач. Я провокатор! Черт дернул меня за язык сказать Лагутину про свойства дексалина! А вдруг у него начнется помутнение разума, сделает себе укол и поплывет убивать Ботаника?»

Он находился в салоне «скорой помощи» и медленно выкладывал на столик упаковки с глюкозой, инсулином, преднизолоном, новокаином... А вот и «обойма» с дексалином. Целехоньякая, все ампулы на месте. А купить его в аптеке без рецепта невозможно.

— Значит, это был не дексалин, — вслух подумал спасатель, закрыл сумку и сел на порожек машины, продолжая размышлять.

«Это был героин, вот что, — вдруг осенило его. — Это был шприц с героином из косметички Лены, которую у меня забрал Зубов. Наверняка заправлен лошадиной дозой. Что ж, прекрасный способ отправить человека на тот свет!»

Он резко вскочил, с силой захлопнул дверь «скорой», запер ее на ключ и решительно направился в сторону пляжа, где под зонтиком у мангала несли бессменное дежурство Зубов и сержант.

— А-а! Сам явился! — обрадовано сказал Зубов. — Садись, приятель! В ногах правды нет, — и придвинул Ворохтину стул. Видя, что тот садиться не желает, старший лейтенант нахмурился и спросил: — Что ж ты подписку о невыезде нарушаешь? Под арест хочешь?

— Я хотел бы узнать, — заговорил Ворохтин, — на каком основании вы потребовали от меня подписку?

Сержант, листая иллустрированный журнал, вздохнул и сокрушенно покачал головой:

— Что ж у вас память такая плохая? Вы, гражданин Ворохтин, были задержаны за незаконное хранение наркотических средств, что, согласно статье двести двадцать восемь Уголовного кодекса, является тяжким преступлением и наказывается лишением свободы на срок до десяти лет. В интересах следствия мы взяли у вас подписку о невыезде...

— Каких наркотических средств? — перебил его спасатель.

— Которые мы у вас изъяли, — повторил Зубов, и в его голосе уже угадывалось назревающее недовольство.

— Вы изъяли у меня шприц, ампулу и белый порошок, — уточнил Ворохтин. — Экспресс-анализа вы не делали, и потому не можете утверждать, что это был наркотик.

Полицейские переглянулись между собой.

— Какие, блин, все умные пошли, — ухмыльнулся сержант.

Зубов поковырялся в зубах спичкой, швырнул ее себе под ноги и, посмотрев пытливым взглядом на Ворохтина, недобрым тоном произнес:

— Сам напрашиваешься. А ведь я хотел все миром решить.

— Мне нужно заключение экспертизы, — твердо проговорил спасатель.

— А жалеть не будешь? Ну, ладно. — Зубов сплюнул и посмотрел на сержанта: — Неси изъятые у гражданина Ворохтина материалы, а потом вместе с задержанным отправляйся в лабораторию.

— Ага, — кивнул сержант. — Будет сделано! — и направился к серому УАЗу.

Ждать его пришлось довольно долго. Зубов сначала вел себя подчеркнуто равнодушно, потом стал постукивать пальцами по столу, затем недовольно произнес:

— Он что там, уснул, что ли?

Сержант, наконец, вылез из машины, произвел какой-то странный жест, будто отряхивал брюки, обошел «уазик» и снова полез в него через другую дверь.

— Его только за смертью посылать! — проворчал Зубов и с каким-то скрытым подозрением взглянул на Ворохтина.

Когда прошли все мыслимые и немыслимые сроки, и Ворохтин устал стоять, а Зубов смотрел на УАЗ уже с нескрываемой ненавистью, ударяя кулаком по столу, сержант, наконец, приплелся.

Ворохтин смотрел на него и чувствовал, как спадает напряжение. В руках у сержанта ничего не было.

— Ну? — рявкнул на него Зубов.

Не исключая серьезной взбучки, тот, на всякий случай, остановился в трех шагах от своего начальника и развел руками:

— Хрен ее знает, где она!

Зубов опять кинул на Ворохтина пытливый взгляд. Тот выдержал взгляд, но вот с нахлынувшей улыбкой справиться не смог. Старший лейтенант поблел и процедил сквозь зубы:

— А где она, по-твоему, может быть?

— Не знаю! Она под задним сиденьем лежала!

Зубов вновь посмотрел на Ворохтина:

— Чего улыбаешься? Ну, чего ты улыбаешься? Твоя работа?

— Нет, — покрутил тот головой.

— Ладно, свободен! Пока свободен! И не надо радоваться. Сияешь, как новая копеечка.

— А почему бы мне не радоваться? Вы же прекрасно знаете, что к этому порошку я не имел никакого отношения. Теперь все потихоньку встанет на свои места.

— Ты так думаешь? — усмехнулся Зубов.

— Да, — подтвердил Ворохтин и посмотрел на полукруглые, словно буйки, острова. — Скоро содержимое сумочки к вам вернется. Только уже в качестве орудия убийства.

Глава 30

Прокол

Во второй половине дня Саркисян давал показания в районной прокуратуре.

— То, что Бревин не сгорел на острове, а был застрелен в гостинице — это для меня полнейшая неожиданность! — запальчиво лгал он. — В пьяном угаре такое не пришло бы мне в голову! В кошмарном сне не увидел бы!

Немолодой, высокий, с рыжими усиками и обширной лысиной следователь внимательно и не перебивая слушал его.

— А вот администратор гостиницы утверждает, что ваши сотрудники, в том числе и Гвоздев, дважды в день приезжали за Бревиным и куда-то увозили его на джипе.

— Это ужасно! — произносил Саркисян, прикрывал глаза и прижимал ладонь ко лбу. — Все это безобразие творилось за моей спиной. Люди, которым я бесконечно доверял, нагло пользовались моим доверием. Втайне от меня они вступили в сговор с Бревиным и занялись грандиозной профанацией. Если бы они обманули только меня! Так ведь жертвой этого обмана стали сотни тысяч доверчивых телезрителей!

— Но Чекота сказал, что вместе с Гвоздевым выполнял ваш приказ.

— Правильно! — часто моргая и растягивая пухлые губы в улыбке, подтвердил Саркисян. — А что он еще мог сказать? Что действовал по собственной инициативе? А зачем ему признаваться, если проще все свалить на руководителя. В нашей стране всегда и за все отвечает начальство...

— Хорошо, — прервал красноречие Саркисяна следователь и неторопливо вытащил из пачки сигарету. Так же неторопливо прикурил, выпустил струйку дыма и загасил спичку. — Я смотрел несколько передач вашей «Робинзонады». Мне понравилось. Ловко вы все закрутили. Мне кажется, передача во многом бы проиграла, если бы не ряд трагических событий на островах.

— Увы, — вздохнул Саркисян и собрал на лбу морщины. — Это так. Но если бы вы знали, какие нравственные муки пришлось мне пережить, принимая решение ставить в программу или не ставить тот или иной эпизод. Поверите? Каждое такое решение — это бессонная ночь. Ведь это для зрителей — игра. А для меня — драма!

— Будь ваша воля, вы бы, наверное, остановили «Робинзонаду», чтобы не подвергать риску оставшихся людей?

— Безусловно! — очень стараясь казаться убедительным, ответил Саркисян и порывисто качнул головой. — Жизнь игроков — вот главная ценность, а не рейтинг передачи и не деньги от рекламы.

— Сохранение жизни игроков оправдывает все и снимет любой моральный груз, — развил мысль Саркисяна следователь. — Хотите чаю?

— Совершенно с вами согласен! — все больше оживлялся Саркисян, чувствуя, что грозовые тучи над ним тают. — Вы просто читаете мои мысли... Да, чайку, если можно!.. Святая ложь! Не надо ее бояться, если за ней стоят богоугодные дела! Эх, товарищ следователь! Хотя вы понимаете наш неблагодарный труд! Я всегда готов войти в положение любого игрока, понять его, помочь! Это же игра! Вот, допустим, страдает человек, умирает. А я что — зверь? Мне его почки дороже, чем этот проклятый рейтинг! Ну, взял я грех на душу — пусть радуется жизни, если никому от этого хуже не будет...

— А разве у Бревина были больные почки? — спросил следователь, подавая чашку Саркисяну.

— А то! Откуда здоровье, если он каждый вечер в баре гостиницы кутил? И наутро лицо его так опухало, что глаз не было видно. Ему перед камерой выступать, а он...

И тут Саркисян с ужасом понял, что проболтался. Он сильно побледнел, медленно поставил чашку на стол и со страхом взглянул на следователя.

— Дальше! — пристально посмотрел на него следователь. — Ему перед камерой выступать, а он глаза открыть не может. Так?

Саркисян судорожно сглотнул и неуверенно покрутил головой.

— Я хотел сказать... то есть...

— То есть вы снимали на камеру опухшего от разгульной жизни Бревина до тех пор, пока на Пятом острове не произошел пожар. И чтобы скрыть свою ложь, вы решили Бревина убить?

Страшное волнение охватило Саркисяна. Хватая ртом воздух и прикладывая руки к груди, он торопливо заговорил:

— Это не я! Клянусь вам! Это не я его убил! Я хотел, чтоб он куда-нибудь уехал... Я даже билет на самолет хотел ему купить...

— Почитайте, — оборвал его следователь и придвинул Саркисяну лист бумаги. — Это выписка из протокола допроса Гвоздева. Он утверждает, что именно вы приказали ему убить Бревина на месте проведения съёмки. Что это была ваша идея заранее выкопать могилу в лесу. Что именно вы подсказали Гвоздеву, в какой момент тот должен ударить Бревина тесаком.

— Нет!! — дурным голосом закричал Саркисян. — Ложь!! Этот сопляк клеветает! Посмотрите на мои руки! На мои глаза! Молодежь теперь испорчена! Она глубоко порочна! Гвоздев лжет без зазрения совести!.. Я вам скажу! Я вам все скажу! Я знаю, кто застрелил Бревина! Этот человек наркоман, и он хочет бросить на меня тень! Он меня ненавидит и мечтает видеть меня в тюрьме!.. Его фамилия Ворохтин...

— Пишите! — Следователь протянул Саркисяну тонкую стопку чистой бумаги и ручку. — Обо всем, что вам известно, и очень подробно.

Глава 31

Скатертью дорога!

К вечеру ветер стих, в зеркальной воде точно прорисовались отражения берегов с белым березовым частоколом и темно-синее небо с кляксами розовых облаков. Туман сгущался незаметно, и над водой, не встречая препятствий, скользили хрустально-хрупкие колокольные перезвоны.

В раскладном шезлонге, водрузив ноги на пластиковый стол, сидел худощавый парень в синем джемпере, с коротко стриженной, выкрашенной в цвет огурца головой. В его руке время от времени тонко насвистывал мобильный телефон, парень включал его, подносил к уху и, выслушав, отвечал:

— Спасибо, ваш звонок принят!

Через несколько секунд все повторялось: звучал мелодичный сигнал, и парень, думая о чем-то своем, машинально говорил:

— Спасибо, ваш звонок принят...

Вскоре это занятие ему надоело. Не отключая трубки, он положил ее на стол, наполнил пивом большую керамическую кружку с карельским узором и, любуясь закатом, смаковал его, в то время как тысячи наивных людей накручивали телефонные диски и нажимали на кнопки, надеясь дозвониться, чтобы попасть в первую десятку и выиграть приз.

Тут в лагерь прикатил запыленный джип, из него выкатился злой и красный Саркисян и с ходу принялся делать разнос:

— Что вы ходите руки в брюки? Делать нечего? Полчаса до начала связи! Все по своим местам!

Люди засуетились и забегали. Парень с огуречной головой убрал ноги со стола, поставил кружку под стол и снова занялся телефоном.

— Ты с генератором разобрался? — накинулся Саркисян на инженера, который отвечал за всю электрику на базе.

— Вчера на радиостанциях все аккумуляторы сдохли! — переключился Саркисян на связиста. Тот попытался объяснить, что ничего подобного не было, но режиссер не дал ему договорить: — Чтобы на каждой станции по два комплекта было! По два!

Все еще не получив сатисфакции за унижение и страх, которые ему пришлось пережить в прокуратуре, Саркисян засеменял к аппаратной и остановился у наблюдательной вышки, закинув голову вверх. Увидев на площадке Ворохтина, он издал какой-то нечленораздельный звук и заторопился в аппаратную.

— Наделал Саркисян шороху? — спросил наблюдатель, вышедший из будки. В ладони он держал горсть семечек. Лузгая их и сплевывая шелуху под ноги, он оперся о перила рядом с Ворохтиным. — Тепло пошло. Ночью сильный туман будет.

— Вот этого я больше всего и боюсь, — сказал Ворохтин.

— А что его бояться! Это не пожар. И не молния. Сиди себе на полянке у костра, в холодную воду не суйся, да по валежнику в темноте не ходи — и цел будешь. Смотри, какой Ботаник умный и осторожный. Рыбу не ловит, по деревьям не лазает. Ковыряется в песке, жрет червяков и радуется жизни. Мне кажется, он пересидит Лагутина. А ты как думаешь?

Ворохтин молча пожал плечами.

— А я думаю — Ботаник, — продолжал дискутировать сам с собой наблюдатель. — Наши мужики спорят, пари заключают, кто на ящик пива, кто на ящик водки.

— У меня к тебе просьба. — Ворохтин вынул из кармана небольшой сверток. — Это свечи от моторной лодки. Я их выкрутил, чтобы никто ночью с лодкой не баловался. Пусть у тебя будут, мало ли что.

— А ты далеко собрался? — спросил наблюдатель, засовывая свечи в карман.

— В поселок. Посажу в пивнушке, отдохну от «Робинзонады».

— Ну-ну, — с иронией произнес наблюдатель, — отдохни...

— Но это не все, — прервал его Ворохтин и протянул радиостанцию: — Держи при себе. Не отключайся. Если вдруг поступит вызов, не отвечая,

беги к ментам, садись с ними в моторку и гони на Третий, к Ботанику. Чем быстрее, тем лучше.

— А почему именно на Третий? — удивился наблюдатель.

— Вот как причалишь к нему, так и узнаешь.

Наблюдатель с подозрением крутил в руках рацию.

— А это что? — спросил он, показывая на маленькую пластиковую бирочку с цифрой «1», привязанную к держателю.

— Это значит — Первый остров. Лена пользовалась ею.

— Э-э, нет, — покрутил головой наблюдатель, возвращая радиостанцию Ворохтину. — Я суеверный, вещами покойников не пользуюсь.

— Так возьми мою! Какая разница...

Они поменялись станциями. Ворохтин пожал руку наблюдателю, спустился вниз и, направляясь в сторону леса, набрал частоту Лагутина.

— Сергей, если сегодняшней ночью ты не заснешь, то, возможно, сохранишь себе жизнь, — сказал он спокойно, чтобы излишне не драматизировать ситуацию.

— Не совсем понятное, но интригующее предупреждение, — сквозь треск эфирных помех донесся далекий голос Лагутина.

— У тебя опять может быть гость, — пояснил Ворохтин. — Скорее всего, это будет знакомый тебе человек из съемочной группы или обслуживающего персонала. Как только ты его увидишь, немедленно дай сигнальную ракету. Немедленно!

— А почему ты решил, что он придет именно ко мне?

— Я думаю, что у вас с Ботаником равные на это шансы. Будь внимателен: убийца может пойти на хитрость и заговорить тебе зубы. Не исключено, что он поздравит тебя с победой и предложит что-нибудь съесть или выпить. Не верь ни одному его слову, даже если это будет Саркисян. Размахивай тесаком и не подпускай его к себе ближе чем на пять шагов. Я буду недалеко от тебя и подъеду быстро.

— Ладно, ладно! — ответил Лагутин, считая, что Ворохтин чрезмерно сгущает краски. — Я смогу за себя постоять, не беспокойся...

Освещенный двумя мощными лампами, Саркисян стоял у озера на фоне кроваво-красного заката.

— Итак, осталось двое, — говорил он в микрофон и короткими толчками дергал головой, что делало его похожим на настороженного петуха. — Два самых стойких и мужественных «Робинзона» вышли на финишную прямую. И ни один пока не намерен сходить с дистанции. Мы с вами являемся свидетелями проявления удивительных волевых качеств. Поединок усложня-

ется не только усиливающимся голодом и холодом. Растут психическое напряжение и тревога...

Безмолвная толпа полукольцом окружила режиссера. В свете ламп порхали серые мотыльки и струился табачный дым. Чуть сгорбившись, словно застыв в поклоне, у треноги с камерой стоял Чекота.

Ворохтин искал глазами Киру — обычно во время сеансов связи она околавчалась рядом со съемочной группой, — но песочной штормовки и белого платка нигде не было видно. Пришлось подняться в палаточный городок.

Кира сидела на бревне рядом со своим походным домиком. Она держала на коленях ноутбук и медленно шлепала одним пальцем по клавишам. Рядом с ней трепыхался хилый костерок, и пламя подогревало дно алюминиевой кружки, поставленной на два кирпича.

— Здрасьте! — сказала девушка, оторвавшись от монитора. — А я статью заканчиваю. Хотите почитать?

— Нет времени, — ответил Ворохтин, присаживаясь на старую автомобильную крышку.

— А куда вы торопитесь?

— Жена неожиданно в поселок приперлась. Придется сходить на свидание.

— Жена? — удивленно произнесла Кира и, как могло показаться Ворохтину, с некоторым разочарованием. — А разве... Ну да, действительно...

С неестественной сосредоточенностью она опустила голову, прицелившись в какую-то клавишу, ткнула в нее пальцем и, не отрывая взгляда от экрана, спросила:

— И долго вы пробудете в поселке?

— Как положено. До утра.

— Это дурной тон, — усмехнулась Кира, — приезжать к мужу, когда он в командировке.

— Почему?

— Мало ли какие у него тут дела... И вообще, все вы врете. Вы врунишка похлеще Саркисяна.

— А ты говорила мне только правду? — спросил Ворохтин, покусывая травинку. — Например, про то, как пробила колесо?

— Вы что! — усмехнулась Кира. — Говорить правду в этом царстве лжи? Я ведь журналистка! А знаете, что такое журналистика? Это разговор трех охотников на привале. Врать можно и нужно, но делать это надо правдоподобно и, главное, интересно... Кофе хотите? Или очень торопитесь к своей мифической жене?

— Тороплюсь к мифической жене, — ответил Ворохтин. — Но у меня к тебе одна просьба, Кира. Даже не просьба, а пожелание.

— Валяйте!

— Ночь будет темная и туманная. Со мной всякое может случиться. Я могу нечаянно напороться на сук или утонуть. В общем, не исключено, что меня не станет, а Саркисян и полицейские наверняка распускают слух, что я подался в бега. Попытайся доказать, что это не соответствует действительности. Голову на отсечение даю, что этот материал будет сенсационным, и ты заработаешь много денег.

— Договорились, — произнесла Кира, внимательно глядя в глаза Ворохтину, словно пытаюсь прочесть его мысли. — Если я правильно вас поняла, вы пришли проститься?

— Как получится...

— Так идите быстрее! — неожиданно громко и сердито воскликнула она. — Только от работы отрываете! Скатертью дорога! — и с силой щелкнула пальцем по клавише.

Глава 32

Добрый совет

Когда начало темнеть, Ворохтин перенес сумку с медикаментами в моторную лодку, спрятанную под обрывом, где она благополучно простояла весь день.

В аппаратной табачного дыма было столько, хоть топор вешай. Бригада готовила очередную подачу. Саркисян был недоволен. Последние выступления Лагутина и Ботаника оказались необыкновенно скучны. Заметно похудевший и изможденный Ботаник занудно рассказывал о том, какой пищевой ценностью обладают слизняки, но так и не продемонстрировал, как он ест эту гадость. Лагутин, который выглядел намного лучше, вел себя как-то странно, поминутно оглядывался по сторонам и нервно постукивал тесаком по стволу березы.

— И это мы будем запускать в эфир? — срывающимся голосом воскликнул Саркисян. — Лучше уж вот здесь накрыть столы, и снять, как мы пьем водку и ругаемся матом. Зрителям это понравится куда больше! — Он остановился перед монитором, на котором беззвучно шевелила губами узкая голова Ботаника, некоторое время с ненавистью смотрел на экран, затем решительно произнес: — Так не пойдет! Этого мямлика надо перемежевать с фрагментами каких-нибудь хищных животных. Звоните

в студию, пусть там связываются с Дроздовым или Би-би-си, поднимают архивы, но чтобы в кадре обязательно были волк, рысь и медведь. Пока Ботаник пускает слюни перед слизняком, за кустом должен притаиться матерый волчара, который тоже пускает слюни. И вот они оба пускают слюни, а зритель пусть гадает, кто кого быстрее сожрет...

Коллектив угодливо рассмеялся, но большинство работников мысленно выругались: «Чтоб ты провалился! Теперь начнется геморрой с этими зверями!»

Чекота незаметно вышел из аппаратной. Стараясь не попадать в свет лампочек, развешенных на деревьях и врытых в песок шестах, он направился к машине «скорой помощи». Ворохтин в это время уже запирает двери за ключ, и, опоздай Чекота на пару минут, встреча не состоялась бы.

— Добрый вечер, — сказал оператор, выплывая из темноты.

— Добрый, — ответил Ворохтин.

— Я хочу с вами поговорить, — прошептал Чекота и посмотрел по сторонам. — Давайте отойдем.

Они пошли к озеру.

— Сегодня меня вызывали в прокуратуру, — начал он. — Разговор со следователем был достаточно короткий, но я понял, что над вами висит дамоклов меч.

— Это не слишком радостная для меня новость, — признался Ворохтин.

Они остановились на краю обрыва, под которым стояла готовая к отплытию моторка.

— Хотите добрый совет? Сваливайте отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

— Куда?

— Куда-нибудь далеко, где бы вас трудно было найти. Причем сейчас же. Немедленно!

— Вы считаете, что это добрый совет?

— Безусловно. Если, конечно, вы не хотите загреметь на нары. Притаитесь где-нибудь на месячишко. А потом, когда во всем разберутся, вы уже вряд ли будете интересоваться прокуратуру.

— Неужели все так серьезно? — высказал сомнение Ворохтин.

— Если бы это было несерьезно, стал бы я вас разыскивать в темноте? В любую минуту сюда может нагрянуть ОМОН. Не думаю, что вы снова отделаетесь подпиской о невыезде.

Ворохтин вздохнул, посмотрел на небо, где не было уже ни звезд, ни луны, и проговорил:

— Ночь будет туманная и тихая. Жаль расставаться с озером в такую хорошую погоду.

— Смотрите сами, — неприятным тоном произнес Чекота. — Как бы потом не пришлось жалеть.

— Кому? — уточнил Ворохтин. — Мне или вам?..

Сторож вышел из своей будки с чайником в руке, попыхивая папиросой. Неторопливо прошел к началу аллеи, где в кустах торчал кран, присел, отвернул вентиль и наполнил чайник водой. Из-за диабета его часто мучила жажда, а пить сырую воду врачи не советовали. Вот он и кипятил полный чайник, чтобы потом пить ночью.

Радуюсь нежданному теплу, старик не торопился в свою конуру, поэтому решил прогуляться по причалу, по-хозяйски глядя на ветхий настил и мысленно прикидывая, сколько метров половой доски надо заказать, чтобы к весне подлатать дыры.

Дойдя до конца причала, он постоял на краю, кинул окурочек в воду и побрел назад, машинально пересчитывая лодки.

«Эх, безобразие! Теперь уже двух штук не хватает! Ну, что за народ! Попросить тяжело? Разве я кому отказывал?»

Он не беспокоился за пропавшие лодки. Угнать их отсюда было невозможно. Украсть — бессмысленно, ибо не было на берегах заповедного озера ни деревень, ни рыболовецких хозяйств. Закончится это баловство с «Робинзонадой», уедут телевизионщики, и на озере вообще ни одной живой души не встретишь, кроме полиции да егерей.

«Завтра же начну затаскивать лодки в хранилище, — подумал он, закрываясь в будке. — Клиентов уже не будет, осень. Пора...»

Глава 33

Редкое животное

Поравнявшись с Первым островом, Ворохтин заглушил мотор и дальше пошел на веслах. Ему пришлось обходить остров по большому кругу, чтобы не выдать себя, если убийца наблюдал за островами. Методично опуская весла в воду, которая казалась черной и густой, как нефть, Ворохтин видел, как надвигается, закрывая собой луну, берег. По воде, словно золотые монетки, запрыгали отблески костра. На мысу, приподнятом и устремленном вперед, горел костер. Он то затухал, то разгорался вновь, и его мерцающее свечение напоминало маяк. Сидит ли рядом с ним Ботаник, различить было трудно, как и невозможно было увидеть шалаш, расположенный где-то неподалеку. Ночь и плотный строй деревьев создали игру теней, они извивались, уподобляясь пламени, рва-

лись, сливались, и это напоминало бесовский танец дикарей, тонконогих и гибких.

Достигнув противоположной части острова, Ворохтин повернул к берегу. Вскоре лодка зашла в заросли камышей. Если убийца и наблюдал за ним, то теперь наверняка потерял из виду. Глубина уменьшалась, и, наконец, передок лодки, оставляя в мокрой глине борозду, въехал в берег.

В отличие от острова Лагутина, этот был почти идеально круглой формы, а в середине его протухало заросшее осокой болото, потому Ворохтину пришлось идти по берегу, где шансов остаться незамеченным было меньше. Ботанику меньше всех повезло с островом», — подумал он, мысленно сравнивая этот заболоченный берег с чистым песчаным пляжем Четвертого острова, на котором провел последние часы жизни Павлов.

Несколько минут спустя Ворохтин увидел между деревьев отблески костра, а потом и самого хозяина острова. Ботаник сидел спиной к нему и ворошил палкой в углях. Он кутался в одеяло, на котором зияла большая дыра с опаленными краями. Березовая кора и хворост больше дымили, чем горели, и Ботаник, вполголоса чертыхаясь, опустил на колени и принялся раздувать огонь. Пепел вместе с дымом взлетел в воздух, он закашлялся, отпрянул от костра и принялся тереть глаза, не видя ничего вокруг. Ворохтину казалось, что Ботаник нарочно испытывает судьбу, будто дразнит находящегося где-то рядом убийцу, провоцирует его начать свое кровавое дело.

Он вышел из-за кустов и громко проговорил:

— Добрый вечер!

Ботаник подскочил и, глядя слезящимися глазами на спасателя, зачем-то воинственно сжал кулаки и даже принял боксерскую стойку.

— Все, все, все! — успокоил его Ворохтин и показал пустые ладони: — Я к тебе с миром. Бить меня не надо.

Ботаник узнал спасателя, опустил руки, но испуг на его лице сменился выражением недовольства.

— А в чем дело? — сердито спросил он. — Я вас не вызывал.

— Правильно, — подтвердил Ворохтин, обламывая сухую буковую ветку и кидая ее в костер. — Даже если бы ты смог меня вызвать, то я вряд ли бы сумел тебе помочь.

— Но я вовсе не нуждаюсь ни в чьей помощи! И потому прошу вас покинуть остров!

— Для начала успокойся и выслушай меня.

— Я не собираюсь ничего слушать! — проявил удивительное упрямство Ботаник. — Из-за вас меня могут снять с соревнований, а я настроен на победу, чувствую себя прекрасно и не хочу никого видеть!

— Твоя победа никуда от тебя не денется, и то, что я здесь, не узнает никто.

— Я сейчас позвоню Саркисяну, если вы немедленно не уберетесь отсюда!

— Не думал, что ты такой ретивый, — покачал головой Ворохтин.

— Какой есть! Убирайтесь!

Желая показать, что его обещание не простой звук, Ботаник вынул из кармана радиостанцию и сжал ее в руке, словно гранату с выдернутой чекой.

— Вот что, парень! — начиная нервничать, сказал Ворохтин. — У меня нет большой охоты кататься ночью по островам, и здесь я не потому, что мне захотелось помочь тебе разжечь костер! Участники соревнований выходили из игры не по своей оплошности. Их методично убивали! И я не исключаю, что сегодня наступила твоя очередь отправиться за ними!

— Ерунда, — буркнул Ботаник, однако немного присмирел. — Не может такого быть. Я не верю. Это провокация!

— Ты никак не хочешь поверить, что я пытаюсь спасти твою жизнь?

— Я в одном шаге от победы, вот во что я верю! И не хочу из-за каких-то сомнительных опасений проиграть «Робинзонаду»!

— Ну, вот что! — теряя терпение, сказал Ворохтин. — Я отвечаю за твою жизнь, и буду делать то, что считаю нужным.

— А я вас не прошу отвечать за мою жизнь! — отпарировал Ботаник и, чувствуя, что спасатель готов перейти к решительным действиям, попятился к сосне, на которой была закреплена камера. — Моя жизнь принадлежит только мне, и распоряжаться ею по своему усмотрению — мое право!

— Экий же ты дурак, братец, — не сдержался Ворохтин и нащупал в своем кармане медицинский жгут для остановки крови.

— А вы не оскорбляйте! Я тоже, между прочим, могу оскорбить!

— Думаю, что очень скоро ты поймешь, как был неправ, — шагнул к Ботанику спасатель.

— Не приближайтесь! — крикнул тот, отпрыгивая назад, как кузнечик. — Отстаньте от меня!.. Вы ничего не добьетесь!.. Вы сам убийца!

Но Ворохтин уже кинулся на него, бросил на землю, перевернул на живот, завел руки за спину и крепко стянул их жгутом. Потом снял с быстро выдохшегося и ослабевшего Ботаника поясной ремень, связал им его ноги и пробормотал:

— Так поступают с редкими вымирающими животными, чтобы спасти им жизнь. Они тоже рычат и кусаются...

— Вы убийца! Это вы всех убили! Вы сами себя выдали! На воре шапка горит! — никак не мог угомониться Ботаник, пытаясь укусить Ворохтина за руку.

— Что ж, парень, ты сам напросился, — произнес спасатель и затолкал ему в рот рулон медицинского бинта. Потом заклеил рот лейкопластырем и поднялся на ноги. Отряхивая руки, он удовлетворенно посмотрел на свою работу: — Ну вот, порядок! В таком виде ты производишь куда более хорошее впечатление.

Он без усилий взвалил сухощавого Ботаника на плечо и понес его в глубь острова. Парень притих, лишь только громко сопел и вращал во все стороны зрачками.

Ворохтин выбрал глухое и темное место, посадил его на кучу прошлогодних листьев и бинтом привязал руки к стволу молодой осины.

— Посиди здесь, — сказал он, помахав рукой на прощание. — Я ненадолго тебя оставлю.

Глава 34

Гость из тумана

Ворохтин вернулся к костру, который неплохо разгорелся в его отсутствие, подкинув в огонь сухих веток, сел на бревно и стал ждать.

Эта полянка находилась на возвышенности, и всякий, кто будет подниматься сюда, увидит его лишь со спины, причем на фоне пламени костра. Значит, будет принимать за Ботаника до тех пор, пока он не обернется.

Главное — вовремя обернуться. Не раньше и не позже! Шокировать убийцу и выиграть ту секунду, которая спасет жизнь.

«Кто он? — думал Ворохтин, пытаясь в своем воображении нарисовать его портрет. — Что я знаю об этом человеке? Во-первых, что он жесток и непредсказуем. И в изобретательности ему не откажешь. Всякий раз он придумывает новые способы умерщвления игроков, и до сих пор ему удавалось маскировать свои преступления под несчастные случаи...»

Прошло десять минут, потом пятнадцать, потом полчаса... Ворохтина стало клонить ко сну. Неугомонный и тихий костер, излучая тепло, усыплял, словно гипнотизер. Веки спасателя тяжелели, дыхание становилось ровным и спокойным.

Вдруг совершенно отчетливо раздался всплеск весел, и его словно холодной водой окатили. Он вскинул голову и с трудом подавил в себе желание вскочить на ноги и оглядеться.

«Не показалось ли мне?» — подумал Ворохтин, но вскоре услышал сзади осторожные шаги. Он сунул руку в карман и нащупал рацию. Надо срочно послать вызов на базу. Вызов примет наблюдатель и сообщит полицейским... Но что это? Аккумуляторы в рации Лены оказались разряжены! Сигнал не пошел!

Мысленно выругавшись, Ворохтин сжал кулаки и перестал дышать. Кто-то тихо приближался к костру, с каждой секундой звуки становились все более отчетливыми. Вот щелкнула по одежде оттянутая ветка... Вот зашуршали под ногами листья... Вот зашелестели, осыпанные иголками, ветки можжевельника...

«Теперь можно оборачиваться... Он уже близко... Черта с два он сможет опять от меня убежать... Еще секунда... Еще...»

Ворохтин уже слышал дыхание за своей спиной. Напряжение было слишком велико, и в какое-то мгновение ему показалось, что он не сможет ни обернуться, ни вскочить на ноги, а так и останется сидеть в оцепенении, пока что-то тяжелое не обрушится ему на голову...

Человек остановился за его спиной, и чья-то рука легла на плечо спасателю...

«Эх, ты...» — с сочувствием подумал он о незнакомце, допустившем столь непростительную ошибку, немедленно схватил его за руку и вывернул запястье на излом. Вскочив, он увидел перед собой человека в плаще с поднятым капюшоном, закрывающим лицо. Незнакомец, согнувшись по полам, вскрикнул. Ворохтин разжал пальцы, отпуская безвольную руку, и откинул капюшон...

Перед ним прыгала от боли и трясла рукой Кира.

Глава 35

Стриптиз перед зрителями

— Ты? — ахнул Ворохтин.

Кира тоже была удивлена тем, что вместо Ботаника перед ней стоял Ворохтин, но выразить это удивление помешала боль в руке.

— Что ж вы мне кости без предупреждения ломаете! — воскликнула она. — А где Ботаник?

— Как ты здесь оказалась? — оставив без ответа вопрос девушки, спросил Ворохтин и оглядел ее плащ. — Что это все значит, Кира?

— Ничего не значит! — Испуг прошел, и Кира начала сердиться. Она шагнула ближе к костру и внимательно посмотрела на свою руку: — Теперь у меня здесь синяк будет! Где Ботаник?

Ворохтин уже овладел собой. Он взял девушку за плечи и посадил на бревно, где сидел минуту назад.

— Кира, какого черта ты сюда приперлась?.. Это твой плащ?

— Вас больше волнует плащ, или почему я сюда приперлась?

— Я видел тебя в этом плаще на острове Лагутина... Кира, к черту шуточки! Все очень серьезно! Я хочу получить вразумительный ответ: зачем ты сюда приплыла?

— Взять интервью!

— Какое интервью?.. Не принимай меня за идиота!

— А ты не допрашивай меня, как в полиции! Я ничего плохого не сделала! — крикнула Кира, неожиданно перейдя на «ты».

— Хорошо, — взял себя в руки Ворохтин и спокойным голосом повторил: — Ты можешь сказать, зачем сюда приплыла?

— Взять у Ботаника интервью, — упрямо повторила Кира. — У меня материал получается однобокий, понимаешь? Мало фактуры! То, что они говорят в камеру, никому не интересно. То, что говорит Саркисян, тем более неинтересно. Нужна личная беседа с каждым игроком.

— А у Лагутина что ты делала?

— То же самое!

— Почему же в таком случае убежала от меня?

— От тебя! — нервно рассмеялась Кира и всплеснула руками: — Извини, не разглядела в темноте, что это был ты! Как попрет на меня из темных кустов, да еще с криком! Скажи спасибо, что у меня разрыв сердца не случился!

— И что мне теперь с тобой делать? — задумчиво глядя на девушку, проговорил Ворохтин. — Связать, и в кусты?

— Что значит, связать? — не поняла Кира, но Ворохтин не стал уточнять. Его тщательно продуманная операция с треском провалилась. Бурный диалог с Кирой наверняка можно было услышать далеко вокруг острова. Хитрый и опытный убийца в эту ночь сюда уже не сунется.

— А ты почему здесь? — в свою очередь начала допрос Кира. — И куда, черт возьми, подевался Ботаник?

Молчать и, тем более, лгать не было смысла.

— Я надеялся встретиться тут с убийцей. Но ты все испортила, — признался Ворохтин.

— Я испортила? — усмехнулась Кира. — Надо же! Предупредил бы, что собираешься устроить здесь засаду. А то начал врать: еду к жене, на ночлег, ой-ля-ля!

— Ты, пока плыла сюда, не заметила лодки или еще чего-нибудь подозрительного? — спросил спасатель, настороженно поглядывая по сторонам. Смутное беспокойство не оставляло его. В его душе поселилось странное чувство, будто он пропускает нечто очень важное.

— Лодки? — переспросила Кира и отрицательно покрутила головой. — Лодки не видела. Зато видела бо-о-ольшой противоракетный крейсер. Нацелив орудия на остров, он шел сюда под всеми парами: чаф-чаф-чаф! Боевые расчеты заняли свои места. И капитан скомандовал: по острову, ядерными, мелкокалиберными — пли!!

— Мне нравится твой юмор, — не удержавшись, рассмеялся Ворохтин.

— Только юмор? — обиженным голосом произнесла Кира. — А больше — ни-ни? Ведь я сама тоже ничего!

— Ты просто чудо! Особенно на необитаемом острове, где выбор девушек относительно небольшой.

— Да! — кокетливо ответила Кира. — Выбора у тебя нет. А потому придется довольствоваться мною.

— Не думал, что сегодня мне свалится на голову такое счастье, — сказал Ворохтин и, взяв Киру за руки, стянул с нее штормовку.

Девушка не сопротивлялась, только поправила съехавшую с плеча резиновую ляжку. А он замер перед ней, глядя на подтяжки наплечной кобуры, которые пересекали ее грудь, и тихо произнес:

— Это что?

— Последний писк моды, — пояснила Кира. — Правда, для полного шика не хватает пистолета... Что ж ты остановился? Еще что-нибудь с себя снять?

— А где же пистолет?

Она ничего не ответила, молча оттолкнула его от себя и быстро подошла к камере, закрепленной на дереве. Потянувшись к ней рукой, поцарапала ногтем переднюю панель. С панели отвалился маленький кусочек засохшей глины, и оказалось, что под ним горит красная лампочка. Камера была включена, и шла передача изображения.

— Ну вот, — пробормотала Кира. — Я же говорила, что чувствую зрителей!

Она выключила камеру, отсоединила аккумулятор и закинула его в кусты.

Слишком много произошло событий, которые Ворохтин не в силах был объяснить. Он смотрел то на девушку, то на камеру и не знал, что сказать. Ее появление на острове, кобура, работающая камера... Что все это значило? Чья сейчас разворачивалась игра?

Кира отряхнула ладони, зябко повела плечами и произнесла:

— Куда же все-таки подевался Ботаник? И вообще, он еще живой или уже мертвый?..

— Что? — прошептал Ворохтин, отшвырнул Кирину штормовку в сторону и кинулся в глубь острова. Его глаза успели отвыкнуть от темноты, и он бежал почти вслепую. Ветви безжалостно стегали его по лицу, под ноги, как назло, попадались корни и коряги, и он несколько раз упал, прежде чем добрался до того места, где оставил связанного и совершенно беспомощного Ботаника.

Остановившись как вкопанный, Ворохтин едва различил примятую кучку опавших листьев и обрывок бинта, который болтался на стволе осины.

Ботаник исчез.

Глава 36

Нехорошо обижать девушек

«Ах, какой же я идиот! Какой кретин! Прошляпил парня! Отдал, как ягненка, на заклатие! — думал Ворохтин, возвращаясь к костру. — Кира, эта шпанская мушка, попросту отвлекала меня. И пока я, как дебил, общался с нею, убийца расправился с Ботаником!

Он возвращался намного медленнее, чем когда бежал в лес, и был страшно подавлен тем, что произошло, и пока не представлял, что сделает, выйдя на поляну, и что скажет Кире.

«Эта чертова камера снимала, как мы мурлыкали с Кирой. Ботаник забыл ее выключить? Но кто замазал глиной лампочку?»

Он посмотрел на светящийся циферблат электронных часов. Без четверти одиннадцать. В аппаратной в это время уже подходит к концу монтаж. Мониторы не настроены на прием сигналов с островов. Значит, есть надежда, что его с Кирой никто не видел.

Но зачем она носит кобуру? И был ли в ней когда-нибудь пистолет?

Ворохтин вышел на поляну, не имея ни малейшего понятия, что будет делать. Кира сидела у костра и разжигала кончик сухой палки.

— Кира, — сказал он. — Ботаник исчез. Я думаю, его уже убили.

На это известие девушка отреагировала неестественно спокойно.

— Как жаль, — вздохнула она. — Он был такой молодой...

Тут с Ворохтиным что-то случилось. Он понял, что больше не может сдерживаться и по капле выдавливать правду. Надо понять, что случилось, немедленно! Сию же секунду!

Приблизившись к девушке, он схватил ее за плечи, заставил подняться, потряхнул, словно молодую яблоню, и выкрикнул:

— Ты знала, что готовится убийство, и потому ты здесь! Это так?

— Отпусти! — запищала Кира. — Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— На острове только что убили человека! — заревел Ворохтин и так близко склонил свое лицо к лицу Киры, словно собирался откусить у нее нос.

— Это твои проблемы! — открестилась она. — Ты спасатель!

— Ты знала, что камера работает! — кричал Ворохтин, словно тисками сжимая руки девушки. — Кто это сделал? Зачем? Отвечать!!

— Я не знаю! — завопила Кира и, резко качнув головой, довольно сильно ударила лбом в подбородок Ворохтина.

Тот потрянул головой от боли, промычал что-то невнятное и подтолкнул ее к стволу березы. Она прижалась к нему спиной и, пытаясь защититься, вытянула вперед пальцы с крепкими ухоженными ногтями.

— Я сейчас вызову полицию! — пригрозил Ворохтин. — Но пока она приедет, я накормлю тебя лягушками и слизняками.

— Ой, мамочка! — заскулила от страха Кира.

— Как ты узнала, что камера работает? — рявкнул Ворохтин.

— Услышала!

— Не ври! Она работает бесшумно! И лампочка была замазана глиной! Ты хотела сделать себе алиби, так ведь? Думаешь, что всех умнее и хитрее?

— Спасите! — тихо и жалобно пропищала Кира.

Ворохтин вцепился ногтями в березовую кору и оторвал кусок. Из-под его ладони во все стороны кинулись муравьи и короеды. Он схватил девушку за подбородок, поднес к ее губам белую жирную личинку и прошептал:

— Сейчас ты ее съешь, и это будет стартом новой «Робинзонады».

Кира не сомневалась, что спасатель исполнит свою угрозу. Пытаясь отвернуть лицо, она пронзительно закричала:

— О господи! Только не это! Убери от меня эту мерзость!

— Считаю до трех. Раз... Два... Три!

— Отпустите девушку, господин спасатель! — вдруг раздался за спиной спасателя чей-то голос.

Он обернулся. За костром, окутанный клубами дыма, стоял Ботаник. На уровне пояса он держал пистолет, направляя дуло прямо в лицо Ворохтину.

— Какой кошмар! — посетовала Кира, оттолкнув обалдевшего спасателя от себя. Торопливо поправляя прическу, она подошла к Ботанику и встала за его спиной. — Он мне так сдавил руки, что я теперь целую неделю не смогу держать пистолет.

Ворохтин даже удивляться устал. Он лишь покачал головой и, опустившись на траву под березой, признался:

— Я перестал что-либо понимать.

— Значит, пора? — спросил Ботаник Киру.

— Пора, — кивнула она.

Ботаник передал пистолет девушке, вынул из кармана ракетницу, намотал на палец шнурок и дернул. С громким шипением, оставляя за собой дымный шлейф, ракета штопором ушла в ночное небо и там вспыхнула ярко-красной звездой. По поляне разлился призрачный розовый свет, и поползли тени деревьев.

— Поздравляю! — проникновенно сказала Кира и чмокнула его в щеку. — С победой тебя, милый!

— Спасибо, дорогая, — ответил Ботаник и, забрав у нее пистолет, присел на бревно.

— С победой? — переспросил Ворохтин. — Разве «Робинзонада» уже завершилась?

Ботаник вскинул руку и посмотрел на часы:

— Если быть точным, она завершилась один час двадцать минут назад.

— А откуда такая уверенность, что победитель именно ты?

— Потому что именно я переплыл на остров Лагутина и застрелил его из этого пистолета. А кроме меня больше некому побеждать.

— Вот как? — натянуто улыбнулся Ворохтин и подкинул в затухающий костер ветку. — А ты не боишься, что...

— Что меня арестует полиция?

— Что Саркисян дисквалифицирует тебя и не засчитает твой результат? — по-своему сформулировал вопрос Ворохтин.

— Не боюсь. У меня железное алиби. Вся база видела по мониторам, как вы избили меня, потом связали и унесли в лес. А то, что Кира отвязала меня десять минут спустя, не видел никто, поэтому никто и не докажет. Пока вы тут с Кирой общались, я успел сплавить на соседний остров и устранить последнего конкурента...

— И это все ради лавров победителя? — покачал головой Ворохтин.

— Лавры я отдам Кире, — усмехнулся Ботаник. — Она их для борца использует. А мне срочно нужен миллион.

— Нам нужен! — ревниво поправила Кира и ущипнула его за плечо. — Мы собрались магазин покупать, знакомые по дешевке продают. Только деньги надо было сразу внести, и у нас родилась идея выиграть их в «Робинзонаде»!

— Да, конечно, — поспешил исправиться Ботаник и погладил ладонь девушки, лежащую у него на плече. — Идея была общей, но почти все сделала Кира.

— Проще всего было утопить Павлова, — охотно стала делиться впечатлениями Кира. — Я без спросу взяла лодку на детской базе и поплыла

на остров. А Павлов в это время запруду делал, в воде стоял. Я подплыла к нему и говорю: хочу взять интервью. Он только наклонился, чтобы колышек забить, а я как шарахну его веслом по затылку! Он шлепнулся в воду, а я его этим же веслом придавила, чтобы минут пять не всплывал. Ни ран, ни синяков, а помер. Вот и вся хитрость.

— В это трудно поверить, Кира, — не своим голосом произнес Ворохтин, — чтобы сотрудница журнала «Экстремал» могла вот так спокойно...

— Да какой там «Экстремал»! — усмехнувшись, махнула рукой Кира. — Все я придумала, а ты, как дурак, поверил! И Саркисян поверил! Но корреспондентский опыт у меня есть, что правда, то правда. Пять лет сотрудничества с газетой «Путь на волю» исправительно-трудового учреждения номер сто двадцать три — семьдесят пять. Пока сидела, написала двадцать заметок, научилась работать на компьютере и подделывать документы. Так что какая-нибудь «липовая» аккредитация для меня — раз плюнуть!

— Не боитесь знать всей правды? — спросил Ботаник, играя пистолетом.

— Боюсь, — признался Ворохтин. — Но любопытство сильнее.

— Он точно чокнутый! — воскликнула Кира. — На его месте я бы с обрыва в озеро прыгнула, а он правды жаждет. — Она перевела взгляд на Ворохтина: — Ну, что, Спаситель наш всевышний? Удовлетворить ваше любопытство? Вы хотите узнать, как я замочила Лену? Тоже без особых проблем. Ленка была наркоманкой и крепко сидела на игле. Когда я нагрязнула к ней в гости, она корчилась на земле и пускала слюни. Я сказала ей, что в курсе, как погасить ломку, взяла ее под руку, отволокла к подходящему дереву и толкнула на острый сучок. Все было честно. Ленка еще минут пять хрипела, а потом отдала концы. И ломка прошла. А потом я с берега ракету запустила. — Кира захихикала от собственного остроумия и даже захлопала в ладоши.

— Ты господину спасателю настроение испортила, — заметил Ботаник, — он этой ночью заснуть не сможет.

— Заснет! — уверенно произнесла Кира. — Я знаю, как побороть бессонницу.

Ботаник вздохнул и, словно желая найти сочувствие и поддержку у Ворохтина, пожаловался ему:

— И как с такой легкомысленной девчонкой вести серьезные дела? Хватит хихикать, Кира! Лучше расскажи, какую подлянку тебе Бревин подкинул.

— Бревин? Ах, этот подлый и толстый котяра! Оказывается, он втихую откинулся с острова и поселился в отеле «Охотник», в номере «люкс».

Ах-ах-ах, какие мы избалованные vip-персоны! Я, как дура, приплываю к нему на остров... Да! Это было как раз в тот момент, когда передала спасателю по радио, что застряла на «десятке» в лесу... Ну, так вот, приплываю, а там вместо толстой котяры какой-то зэк по лесу носится, бензином сушняк поливает. Смотрю, он спичкой — чирк! — и пожар делает. Ах, ты, думаю, гадина бритоголовая, заповедный лес губить! Только я так подумала, он меня заметил и тут же кинулся ко мне. Тогда я ему в живот две пули и всадила.

— А ты мне говорила, что три, — перебил Ботаник.

— Может, и три, я не считала. Я свою непорочную честь спасала!

— А Бревина в гостинице тоже ты убила? — спросил Ворохтин.

— Да-а! Врать не буду. Я.

— Зачем? Ведь Саркисян объявил, что Бревин сгорел на острове.

Кира вздохнула и стала теревить воротник Ботаника.

— Да я сама себя за это корю, места себе не нахожу. Но ты же понимаешь, что этот котяра мог неожиданно воскреснуть и закатить скандал. Тогда бы «Робинзонада» накрылась медным тазом. А миллиончик-то терять неохота. Пришлось бедолагу застрелить в собственной постели.

— Как ты нашла Бревина?

— Очень просто! — охотно ответила Кира. — Я проследила, куда вечно ездят оператор с Гвоздевым.

— А что делала на острове Лагутина?

— Я украла у ментов косметичку с героином и хотела доставить Лагутину огромный кайф. Набрала в шприц доз десять, не меньше. А ты, бессовестный, все испортил. Напугал меня! «Гвоздев, стой!!» Я чуть не умерла со страху.

— Лучше бы умерла, — сказал Ворохтин. — А зачем вы сейчас ракету запустили? Вам бы, ребята, свалить отсюда незаметно, а вы народ вызвали!

— А зачем нам сваливать? — пожала плечами Кира и спросила у Ботаника: — Ты не знаешь, зачем нам сваливать?

— Не знаю, — ответил тот. — Это вам, господин спасатель, сваливать надо. Тот эпизод, где вы меня душите и связываете, Саркисян незаметно записал для прокуратуры. Наверное, пленка уже у следователя.

— Скверно, — согласился Ворохтин.

— Не то слово! — поддержала его Кира. — Но вы не отчаивайтесь. Я по старой дружбе помогу вам с легкостью пережить арест...

С этими словами она вынула из кармана джинсов скрученную в трубку черную косметичку Лены, бережно расправила ее и открыла «молнию». Тотчас Ботаник вскочил на ноги и направил пистолет в Ворохтина.

— Не вздумайте пошевелиться! — предупредил он. — Мне ничего не стоит застрелить вас, а труп с камнем на шее отправить ко дну, что я и сделал с Лагутиным. Но хватит крови. Ваша смерть не входила в наши планы.

Кира уже вынула из косметички заправленный шприц, сняла с иглы колпачок и слегка надавила на поршень. Из иглы брызнула тонкая струйка.

— Я сделаю вам укольчик, — ангельским голоском проговорила она. — Небольшая доза героина. Пустяк. Ведь вы как врач не должны бояться уколов.

Ботаник, продолжая держать Ворохтина на прицеле, обошел костер и, приблизившись к нему, злобно выкрикнул:

— На живот, быстро!!

— Ребята, может, я и без укола сдамся полиции? — предложил Ворохтин, медленно поворачиваясь к Ботанику спиной.

— Без укола никак нельзя, — с сожалением ответила Кира. — Зубов должен знать, что вы наркоман. Ему будет очень приятно убедиться в своей правоте.

— Я лучше бутылку водки выпью! — воскликнул Ворохтин. — А наркотики я с детства не переносу!

— Дурачок! — фыркнула Кира. — Это ведь такой кайф!

— Хватит языком трепать! — крикнул Ботаник, снова проявляя необыкновенную злобу. — На живот, быстро!!

«Неужели это конец? — подумал Ворохтин. — Может, пуля лучше?»

Все произошло столь скоротечно, что спасатель даже не успел решить, что же все-таки лучше — пуля или героин. Краем глаза он увидел, как поляну стремительно пересек Чекота с камерой на плече и, уподобляясь тарану, с ходу врезался в Ботаника. Тяжелый объектив с глухим стуком ударился в его затылок. Ботаник вскрикнул, Ворохтин вскочил на ноги, но тотчас прогремел выстрел. Острая боль обожгла его руку, но он уже двигался на Ботаника, и пуля не смогла бы остановить даже умирающего.

С воплями и руганью тщедушный Чекота молотил кулаками по лицу Ботаника. Ворохтин, теряя силы от болевого шока, просто упал сверху на дерущихся. Ему под руки попала камера, и он вдавил ее в грудную клетку Ботаника, который хрипел и отчаянно сучил ногами.

— Все... Пистолет у меня... — задыхаясь, крикнул оператор. — Отойди! Дай, я ему врежу! Вот же сволочь! Он мне переносицу сломал!

Ворохтин отвалился, с трудом поднялся на ноги, сделал несколько шагов и сел под березой, где еще не остыла земля от его тепла.

— А я боялся, что ты опоздаешь, — прошептал он оператору.

Глава 37

Лунная дорожка

Ворохтин сидел, прислонившись к стволу березы, и перевязывал себе предплечье. Весь рукав куртки вымок в крови.

— Все отснял? — едва ворочая языком, спросил он.

— Все, — ответил Чекота. — Всю исповедь, от начала и до конца.

Оператор держал на прицеле Ботаника и Киру. Парочка сидела на бревне. Кира потухшим взглядом смотрела на догорающий костер, а Ботаник часто шмыгал носом и вытирал под ним кровь.

— Суд не рассматривает видеозапись, которая была произведена с нарушением Уголовно-процессуального кодекса, — претенциозно произнес он.

— Что?! — завопил Чекота и даже подпрыгнул от негодования. — Да я тебя сейчас... я тебе такой кодекс устрою! — и замахнулся пистолетом, намереваясь врезать рукояткой Ботанику по темечку, но Ворохтин остановил его:

— Не надо! Пойдем отсюда!

— Гады, — проворчал Чекота, поднимая камеру с травы. — Такой аппарат из-за вас угробил!

— А ты будешь отвечать за нанесение мне физического ущерба! — истерично выкрикнул Ботаник.

— Заткнись, — тихо попросила его Кира. Она вынула из кармана штормовки сигарету и прикурила от уголька.

Чекота помог Ворохтину забраться в моторку. Спасателя сильно знобило, кружилась голова, и он едва держался на ногах.

Оператор завел мотор. По гладкой воде медленно потянулся караван: моторка и две весельные лодки, привязанные к ее корме.

— Хорошо, что все благополучно кончилось, — заметил он и вдруг воскликнул: — Смотри! Они выбежали на берег... — Тут же убавил газ, развернул моторку так, чтобы Ворохтин тоже видел берег, и вслух подумал: — Может, зря мы оставили им этот шанс?

Ворохтин, забыв о ране, пожал плечами и сразу поморщился от боли.

— Пусть они закончат свою игру по своим правилам, — сказал он.

— А если все же доплывут до берега?

— Вода плюс пять, Витя, минут пятнадцать, может, и продержатся.

Каким-то чудом сквозь туман пробилась луна. Спасатель и оператор молча смотрели на берег Третьего острова. Две темные фигуры, взявшись за руки, зашли в воду.

— Ты гляди! Плывут! — настороженно произнес оператор.

На серебристой лунной дорожке были отчетливо видны две головы.

— С продюсером говорил? — спросил Ворохтин.

— Да! — кивнул Чекота, продолжая наблюдать за пловцами. — Я как рассказал ему про нашу с тобой задумку, он чуть из телефонной трубки ко мне не вылез. Все, что отснимешь на острове, говорит, немедленно передай мне, и этим эпизодом, дескать, мы и завершим «Робинзонаду». Зрители будут в отпаде!

— Поехали, — попросил Ворохтин. — Я не могу на это смотреть.

— А вдруг доплывут? — тянул время Чекота.

Прошло минут пять, и головы пловцов скрылись под водой почти одновременно. Лунная дорожка опустела.

— М-да, — задумчиво произнес оператор. — Печальный конец.

Он прибавил газу, и караван из лодок снова потянулся к далекому берегу.

Вдруг в кармане Ворохтина тонко запел мобильный телефон. Чекота с удивлением вскинул голову:

— Кто это тебя в полночь?

— Может, продюсер, — равнодушно ответил Ворохтин. Пальцы не слушались, и он доставал трубку слишком долго. Но человек, который звонил, проявлял настойчивость, и телефон продолжал пищать.

— Алло! Это я! — услышал Ворохтин взволнованный голос жены. — Ты извини, что я так поздно. Я опять из Ниццы звоню. Я тебя не разбудила?

— Нет, — ответил Ворохтин. — Я еще не ложился.

— А я уснула, и мне приснился страшный сон, будто ты в окровавленной рубашке... С тобой все в порядке?

— Да вроде ничего...

— А я подумала, что случилось что-то...

— Нет, ничего особенного...

— Прости, я не хотела тебя потревожить!

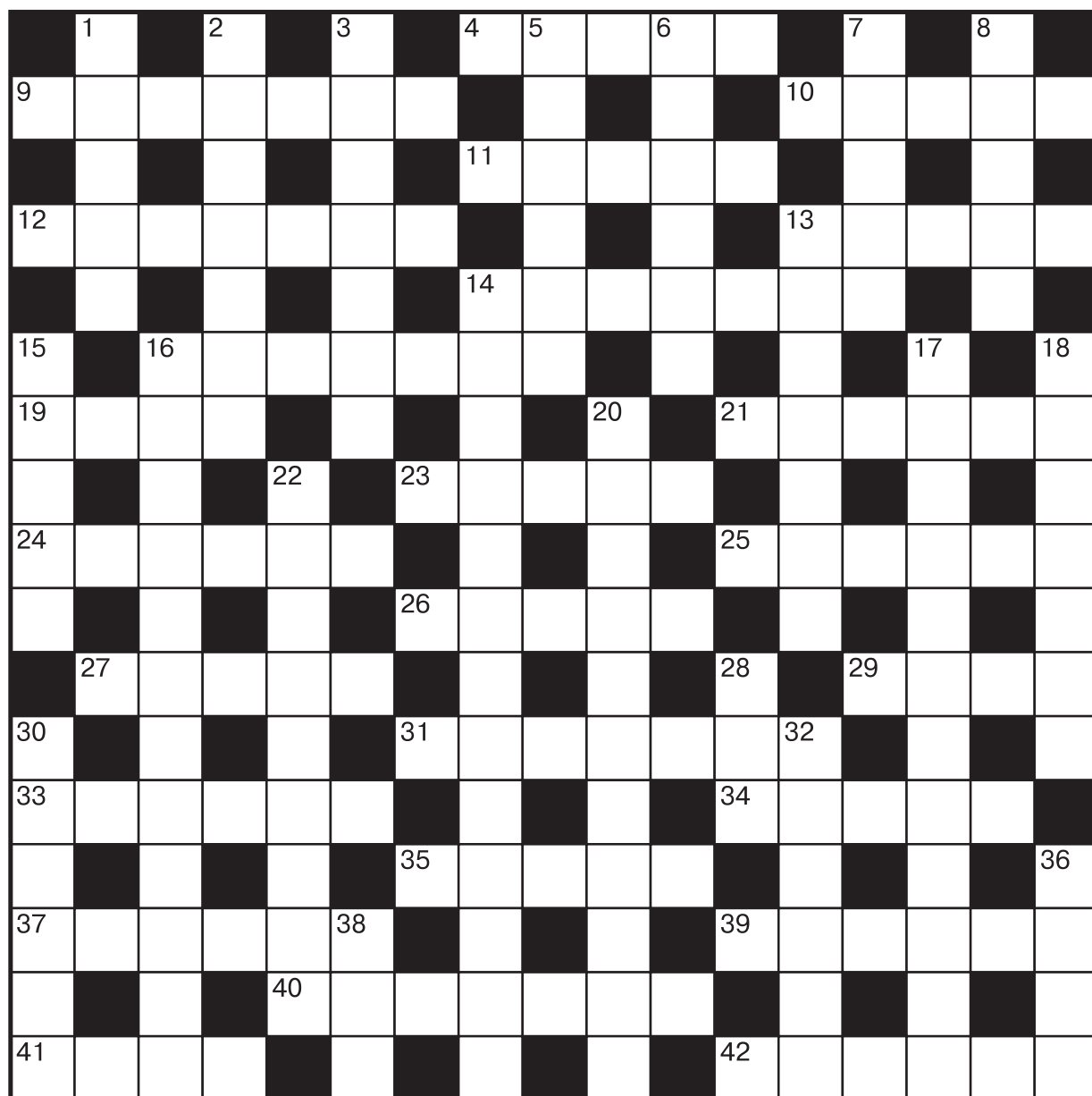
— Ничего страшного.

— А я думаю о тебе... И вообще, я очень часто думаю о тебе... — тихо всхлипнула Эля.

Ворохтин молчал и смотрел туда, где в кромешной тьме светились огни базы. Оттуда навстречу каравану неслась моторная лодка. Полагая, что сигнальной ракетой Ботаник заявил о своем выходе, пьяная телевизионная команда помчалась поздравлять Лагутина. Кто-то, пока невидимый, стоял на носу и держал в руке победный факел, который горел белым искрящимся огнем. В черное небо со свистом и воем взлетали петарды. Из динамика неслась музыка...

Шоу продолжалось. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Простейший морской обитатель, у которого нет ни нервной системы, ни органов чувств. **9.** Провинциальный детектив «Пелагия и белый ...» Бориса Акунина. **10.** Из-за чего в десять лет актер Расселл Кроу потерял передний зуб? **11.** Форма английского ... позволяет войти в салон, не снимая

цилиндра. **12.** Им, равно как и кочегаром, почему-то никак не желает стать никто из монтажников-высотников. **13.** Обувной «эликсир молодости». **14.** Где в начале XX века появились первые в Российской империи чайные плантации? **16.** Какой голос у нашего певца Дмитрия Хворостовского? **19.** «Теперь они

вошли в ... и потонули в наслажденье, не отравляемом ничем». **21.** «Колчан для пистолета». **23.** Наиважнейшее сырье нашей жизни. **24.** Что может отличать две внешне совершенно одинаковые пары обуви? **25.** Наказание безмолвием. **26.** «Выпускник» из лампы Аладдина. **27.** Какой минимум имеют с занимаемой должности? **29.** Кто приезжает в гости к дедушке с бабушкой? **31.** Какую науку постигла княжна Мери из «Героя нашего времени»? **33.** Какой роман опубликовал Алексей Толстой по возвращении из эмиграции в СССР? **34.** Какая из героинь Одри Тоту живет на Монмартре? **35.** Не только походный, но и первобытный. **37.** Что может быть общего у картошки с офицером? **39.** «Озверин для ловеласа». **40.** «Хлебобулочное изделие» советского общепита. **41.** «... души для тех, кто носит маски». **42.** Неимоверный скупердяй.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Поединок в основе интриги пушкинского «Выстрела». **2.** Из какой азиатской страны взяло себе приемного сына голливудское семейство Брэда Питта и Анд-

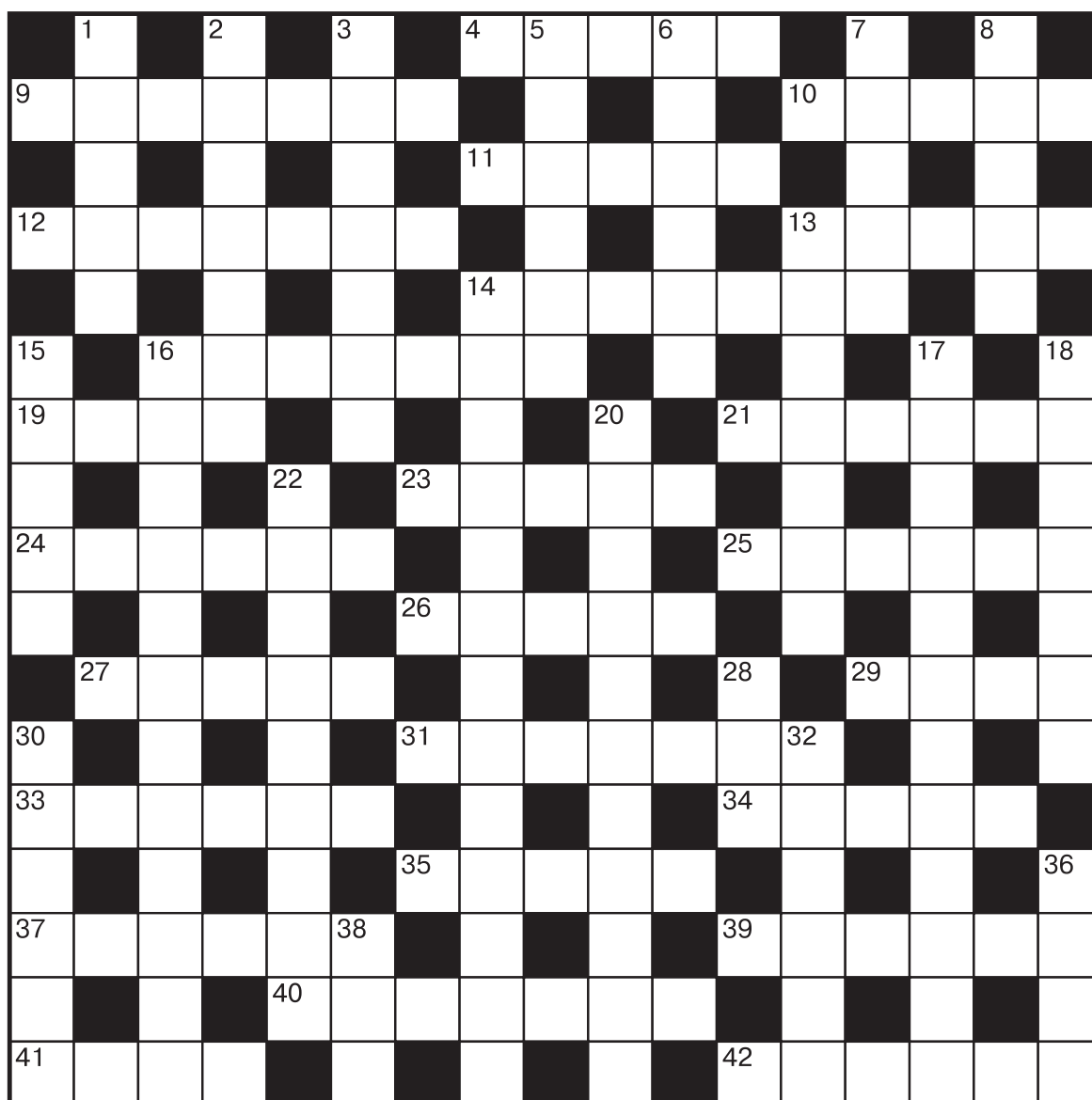
желины Джоли? **3.** «Ни один влиятельный ... не состоялся бы без привычки виртуозно лгать». **5.** Каким ветром занесло в Волшебную страну девочку Элли с Тотошкой? **6.** Где корабли не плавают, но летают? **7.** К какому коню музы благоволили? **8.** Что помогает найти улики в доме подозреваемого? **13.** Строгий ... с занесением в личное дело. **14.** Обычная подпись для анонимок. **15.** Кто из голливудских комиков с детства пародировал Леонида Брежнева? **16.** Королевой ее однажды стала киногероиня Надежды Румянцевой. **17.** Какой науке посвящена книга «Встречи с дьяволом» Гаруна Тазиева? **18.** Учебный курс в военной академии. **20.** Согласие признать окружающую действительность такой, какой она сама себя признает. **22.** Солдат, какого сыграл в своей первой роли в кино Александр Абдулов. **28.** Какой светильник «приперли к стенке»? **30.** Баня с турецким имиджем. **32.** Чей водный раствор способен быстро привести в чувства? **36.** Что нетто превращает в брутто? **38.** «С людьми проще подружиться, полагаясь на уши, а не на ...»

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Заплата. **7.** Гаев. **10.** Устав. **12.** Башкортостан. **13.** Садок. **15.** Политес. **16.** Пудинг. **19.** Дух. **20.** Скальп. **24.** Уста. **25.** Токоферол. **27.** Ряба. **28.** Каирки. **29.** Самовар. **30.** Доллар. **31.** Заскок. **33.** Рис. **36.** Пашот. **37.** Котелок. **40.** Титан. **42.** Терем. **43.** Элемент. **44.** Плита. **45.** Ушник. **46.** Гроттер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ислам. **2.** Салоп. **4.** Авария. **5.** Лектер. **6.** Торт. **8.** Автоинструктор. **9.** Виноградника. **11.** Лопух. **14.** Кольт. **16.** Пучок. **17.** Эстрада. **18.** Камбала. **21.** Пожар. **22.** Покой. **23.** Женатик. **26.** Лазарет. **29.** Саган. **32.** Воблер. **34.** Солнце. **35.** «Битлз». **36.** Пасть. **38.** Левша. **39.** Кефир. **41.** Жмот.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Любимое оружие героя пенталогии «Хранитель мечей» Ника Перумова. **9.** «Горный бык» среди американских птиц. **10.** «Орфанотрофио ди Сиена» из романа «Ангелы и демоны» Дэна Брауна. **11.** Подвесная ваза для растений, не желающих расти вверх. **12.** Серьги прекрасных дам с пор-

третов эпохи рококо. **13.** Какую реку великий Геродот считал второй после Нила? **14.** Техника создания иллюзии ручной работы. **16.** Певец в стиле фламенко. **19.** Пуштинский хоровод. **21.** Толстые вязаные носки с Кавказа. **23.** Проводник усопшего в царстве мертвых у древних египтян. **24.** Главный гримюар Незримого

Университета из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **25.** «Портативный рентген» у археологов. **26.** Какую икру в Иране расфасовывают в золотые баночки? **27.** Шеф-повар маршала Констадеса, слышущий изобретателем королевского паштета из гусиной печени. **29.** Первый футболист, удостоенный ордена Почетного легиона. **31.** Самый примитивный среди аспидов. **33.** Пикша из Шотландии. **34.** Огненный дух славян. **35.** Монгольский народный танец. **37.** Кто Берингов пролив открыл лет за 80 до Витуса Беринга? **39.** Громадный белый воротник в Испании XV–XVI веков. **40.** Римский император, убивавший врагов, протыкая их пальцем. **41.** Тридцать сантиметров с хвостиком по японским меркам. **42.** На гербе ассоциации, к которой он относится, нарисована елка, растущая макушкой вниз.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Невеста Америки», занимавшая на киностудии ту же гримерку, где до нее готовилась к съемкам Марлен Дитрих. **2.** «Собачий

инопланетянин» из повести «Жук в муравейнике» братьев Стругацких. **3.** Сплюснутые макароны из Лигурии. **5.** Какая карточная игра была особенно популярна при русской императрице Екатерине Великой? **6.** Радиоактивные осадки. **7.** Какое направление в роке исповедовал легендарный Курт Кобейн? **8.** Ткань на пошив пуховиков. **13.** Мусульманский Антихрист. **14.** Какой двойник олицетворяет «темную сторону личности» в литературе эпохи романтизма? **15.** Чем мексиканцы обычно пивом закусывают? **16.** Французский модельер, чью первую вещь — куртку, сшитую из покрывала, носил культовый Джон Леннон. **17.** Кто изучает загадочных зверей? **18.** Башкирская порода голубей. **20.** Способ точной записи танца. **22.** Космический корабль героя песни про таукитян Владимира Высоцкого. **28.** Одна из десяти казней египетских в Библии. **30.** Пантера из древнерусских летописей. **32.** Грузинский сдобный хлеб. **36.** Киргизская флейта. **38.** Озерный водоворот.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Пикассо. **7.** Фанк. **10.** Хмель. **12.** Антивещество. **13.** Бранд. **15.** Кошница. **16.** Джумки. **19.** Гуи. **20.** Пенчак. **24.** Орсо. **25.** Бухвостов. **27.** Фета. **28.** Выжига. **29.** Туссоки. **30.** Неблюй. **31.** Вонгви. **33.** Брэ. **36.** Озэки. **37.** Авгоэйд. **40.** Танте. **42.** Ерлан. **43.** Маршалл. **44.** Орикс. **45.** Шимми. **46.** Соблазн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хмарь. **2.** Блинк. **4.** Иннинг. **5.** Арийцы. **6.** Свет. **8.** Антимартингейл. **9.** Клонирование. **11.** Юеджи. **14.** Дошаб. **16.** Дуров. **17.** Спуфинг. **18.** Инатоби. **21.** Кукуй. **22.** Авасо. **23.** Ксакара. **26.** Высокое. **29.** Тюдзе. **32.** Октаво. **34.** Эвклаз. **35.** Фабра. **36.** Отаку. **38.** Эрлих. **39.** Дайме. **41.** Кшул.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получают денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

